

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

ДУХОВ ДЕНЬ
(лирика)

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

РУССКИЙ СОНЕТ
(из серебряного века)

Орел – 2011

ББК 84(4) 3

3 81

Леонард Золотарев. Духов день (лирика). – Орел: издатель Александр Воробьев, 2011. – 302 с.

Сборник «Духов день» составляют стихи большой лирической силы. Врожденный поэт, как говорится - от Бога, Леонард Михайлович Золотарев предстает в многогранности таланта, очарованный Женщиной, ее Красотой, наполненный нравственным опытом человека с совестью, острым ощущением времени. «Духов день» - стихи разных лет, тонкая лирика, бронзовокованный эпос, это еще и сонеты о доблести, о подвиге, о славе на современном Парнасе, продолжающем линию Данте, Петрарки, соединяя «серебряный век» с нашими днями. Главное – Леонард Золотарев пишет не столько умные, сколько живые, человеческие стихи, что очень важно ныне, в наш век всеобщей компьютеризации.

Книга интересна читателю, любящему Русское Слово, в Человеке ценящем Свободу, в Женщине - ее Любовь, Красоту.

© Леонард Золотарев, 2011

© Издатель Александр Воробьев, 2011

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Белле Ахмадулиной

От праздника цветов до диких роз цветенья,
Живу среди людей, суров и одиноч.
Но вот в седой мороз ее стихотворенья,
И где-то Белла там, как пчелка, между строк.

Она в седой мороз, в цветенье белом дня,
Вся летняя, цветущая такая.
Для праздников, для всех Бог сохранил меня,
Чтоб я любил цветы, их фамиам алкая.

Они ушли уже, те праздники мои:
Янковский, Черномырдин, Перкин, Рогов.
Из тех цветущих дней все наши, все свои,
Когда их с Беллой было очень много.

Не бойтесь же цветов, пока они цветут.
Не бойтесь перед праздником склониться.
Пока они, серебряные, тут,
Не там, где над холмами вьются птицы.

Какой букет из жизни, из цветов!
Какое многоцветное кипенье!
Из черного и белого, без слов,
Рождается прижизненное пенье.

Зеленое и красное, как флейта,
Над пчелкой легкой снег священных рун,
Вот этой Белле как поэту, ей то,
Я и слагаю гимн цветущих струн.

Все в этих сонмах душ перемешалось:
Цветы и звуки, мысли и дела.

Оно всегда внутри перемещалось,
Как Белла, в бело-розовом плыла.

Пока мы тут, пока вокруг цветенье,
Когда в мороз вдруг роза расцвела.
Живите, люди, в розовом кипенье,
Не говорите, что она была.

Не черное, а белое под Богом,
Серебряное с белым без венка.
Как Бога не бывает слишком много,
Как розы у зеленого цветка,
Как мастера, где камень и рука.

2 декабря 2010 г.,
г. Орел

БЫЛОЕ
ЛИРА И ТРУБА
(В разные годы)

* * *

Я серьезный делаю обход.
Обхожу в себе свои владенья:
Города, товарищей, народ,
Совесть, возвышенья и паденья.

Улицу родную, свой поселок,
Что сегодня в душах у друзей?
Разбрелось, разбилось – тот осколок
В памяти божественной моей.

Духов день – и мой престольный праздник,
Проверяю и себя на нем.
В грезах мимолетностей все вязнет
Между тем и этим, явью - сном.

Как ты, русич мой, ты –мой народ?..
Я серьезный делаю обход.

20 декабря 2010 г.,

* * *

Напомни, Родина, о храме,
Дух сотворяющем живой,
Когда талант уходит в камень,
А камень - в небо головой.

Напомни, Родина, о фресках,
Молящих во спасенье лиц,
Когда под купол этот дерзкий
Движение кисти клонит ниц.

Напомни, Родина, о звуках,
Страстях, стозвонящих в стенах,
Что пели певчие по крюкам,
И тайна стынет на устах.

Сумеем ли в нее пробиться,
В ее божественную статью?
А тут хотя бы научиться
Коло-коло-коламмм внимать.

Родная речь

Ты хранись в нас, о русская речь,
Острый меч и испытанный щит.
Нам бы землю родную сберечь,
А уж Русь-то себя сохранит.

Сохранит землю русскую сын,
Сохранит сына русская мать.
Будем ей, молчаливой, внимать
Под гортанные скрипы осин.

Под тележный заржавленный звук,
Под кровавые просыпи рос.
Был мой дедушка великоросс,
Не согласен на малое внук.

Ты хранись в нас, о русская речь,
Русь, Россия родимая, мать.
За нее уж пришлось в землю лечь,
За нее еще будем стоять.

* * *

Теплыми туманами повитый,
Родины - заветный уголок.
В волнах наливающего жита
Дождь и мой качает колосок.
Огляжусь - и нивы золотые
Выстелятся, звонкие, в груди.
Мама, мама! Стань-ка под святые:
Подмогни народу, уроди.

Подсоби голодною весною,
Помолись за нас и накорми.
Мы ведь, твое семечко родное,
Хоть и атеисты, черт возьми!..

Да святится имя твое,
Моя материнская Русь!
Священным стихиям ее
Какие уж годы молюсь.

Имя твое

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбужден,

Нося домой в кошелке апельсины.
И вот он, сын, на белый свет рожден!

И я назвал торжественно, по-русски,
Как искони в краю моем велось,
Его глаза, весь мир его неузкий,
Высокий лоб, фамильных ширей кость.

Достоинства, какие после сыщут, -
Он, знаю, будет счастлив и красив, -
Всю жизнь его на сотню лет, на тыщу
От изначала матери Руси.

Мне это имя - от нее награда
И вера, что не будет нам конца.
"Князь Игорь", - называла мужа Лада,
И просто "Игорь" у меня - отца.

В нем дань моя и преданность России,
К полету страсть, как у орла в крыле.
Где б ни был сын, куда б ни заносило,
Он в отчей успокоится земле.

Я долго думал, как назвать мне сына,
Событием грядущим возбужден.
И вот вдвоем - теперь уже мужчины –
Одной дорогой вышли и идем.

Не на прокат, не отнят и не выменен –
Твой княжий титул вечен на Руси.
Гордись, мой сын, своим славянским именем
И имя это с гордостью неси!

Деревянные кружева

В землю врос он - бревенчатый, низкий.
Повидал, видно, свадеб и слез.
Без заслуг /вне охранного списка/
Утвердили домишко на снос.

Подогнали к крыльцу бульдозер –
Задрожал, застонал каждый лист.
Как присох, краснощек на морозе,
Ясноглазый бульдозерист.

Что конек, что карниз, что дверцы –
Деревянные кружева.
- Что ж мы делаем, братцы, черти!
Вещь музейную на дрова?

Замолчали стальные кони,
Паренек на крыльцо шагнул.
И держал, как занозу в ладони,
Чей-то маленький детский стул.

Новгородский колокол

Что ты есть, чем ты будешь
Через тысячу лет?
А сегодня, а завтра –
На утро, в обед?

Отвечает нам колокол,
Этот колокол-дед.
Русь святая, великая,
Мать нам тысячу лет.

Все князья, полководцы,
Повеленье руки.
Да кого хоть водили-то,
Где сыны-мужики?

Где солдаты и пахари,
Где умельцы-творцы?
Вот за что под топорики
Клали выю борцы...

И фигурами-бронзой
Загудел вековик.
Про тебя, мать Россия, -
Твой двухтысячный лик.

Чем откликнешься в мире, -
Голосяка?! А вот -
Как ударим о бронзу,
Так она и поет.

Русь

И крестили по-всякому –
По башке, по башке,
Чтоб держать непокорную
Во державной руке.

Оттого-то могильные
Оставались следы.
Голытьбе - безотцовщине,
Ой, хлебнулось беды.

Но вставала упорная,
Семижильная Русь.
Что содеяно - помнила
Навсегда, наизусть.

Про дела чьи-то грешные
Скажет вдруг на миру.
Вся засветится правдою
На кровавом пиру.

Ведь сама в лихолетия
Не имела вины...
Мать сыночка - соколика
Поджидала с войны.

Возвращался израненным,
Покалеченным пусть,
Поднималась детишками
Неизбывная Русь!

Наливалась от семени,
Тяжелела поля.
От воронок, от воронов.
Очищалась земля.

Как с клюкою, родимая,
Побрела по колчам,
Так и ходит, вихляется –
Сумари по плечам.

Платье выцвело, выпрело,
Горб разверзился весь.
Стыдно, отпрыски, стыдно ведь
Хлебы бабкины есть.

Нам бы совесть бабусину,
Тот ковер-самолет...
Бабка встала, прогониста,
Бабка губы жует.

Бабка за сердце держится:
"Не кручинься, сынок.
Дай поглажу воробушка
И - за тот бугорок.

Шаг по шагу, по чуточку –
Так-то легче, двоим..."
Мать моя, Русь, ты, матушка,
Пособлю, устоим!

Бабкина медаль

В балке деревушка,
Пятеро калек.
В хате мать-старушка
Доживает век.

Яблоня да клуня
С матерью одне.
Сын ее Колюня
Где-то на Чечне.

Треснет ли лесина,
Вздогнет мать с лица.
Ждет теперь вот сына,
Как ждала отца.

Слепенькие окна
Проглядела все.
От речей оглохла
В средней полосе.

Пересох колодчик,
Вот еще напасть.
Средств на это, впрочем,
Не имеет власть.

Хлебца ждет старушка,
Завезет почтарь.
А зав. почтой Нюшка
Принесла медаль.

Господи, помилуй!
Божья мать, спаси!
Ходит ветер стылый
По святой Руси.

Ветхая хатенка
Доживает век.
Бабка плачет тонко,
Тоже человек.

Ладья

Стоит в ладье тверич над Волгой –
Великой русской рекой.
Она ведь увела надолго,
Она и привела домой.

Бывало, в пряном зное Индий,
Где с их купцом не будь скупцом,
Дыханье с Волги холодило
Ему каленое лицо.

Не подпускало чудо-птицу,
Какая искушает плоть.
Не позволяло днем лениться,
А ночью тьме перебороть.

...Ходите, плавайте, летите –
Крутитесь на земном кругу!
Но знайте отчую обитель,
Свою ладью на берегу.

На тургеневском берегу

Под огнями, у старого клена,
Вечность плотно вмещается в миг.
Переходят под светом зеленым
Души жившие в души живых.

Камень на Оке

И.С.Тургеневу

Калужские крестьяне-мужики
/Умельцами их величают ныне/
Тесали эти плиты-лежаки,
Мелькая тут, в лабрадорите синем.

Работа, как известно, нелегка.
Мозолями утесы истесали.
Тесали люди камень навека,
Как летопись нетленную писали.

Судили в перекуры мужики
И крепостное право, и свободы.
И цепенели берега Оки,
Как было и как будет через годы.

- Хоть и из бар, а к людям всей душой.
- Кому-то не хорош был в той трясине.
- Лишь здесь, в Орле, он места не нашел,
Хоть прошагал в портретах по России.

Нет, не они, отцы родного града,
Воздвигли этот камень у Оки, -
Те, за кого кипела в нем досада,
Народные умельцы, мужики.

Тесала камень крепкая рука.
Мерцала мысль в лабрадорите синем.
И он глядит, как в зеркале Ока
Любуется талантами России.

Микула
(бывальщина)

Времена седые и недавние.
Каждое возникнет, колыхнется.
Слушаешь бывальщины забавные —
Глядь, бывшее с думами сольется.

Для меня он, словно эхо длинный, -
Сын крестьянский, сеятель Микула.
С тучу ростом, богатырь былинный,
Выпирает из земного гула.

Пашет он и сеет землю-старицу,
Но на поле двигается сеча.
Левой он на сошку опирается,
Правой — злему ворогу навстречу.

Как привстанет, ахнет грузной палицей,
Как в шелом приладит, в темя-темечко:
"Будешь, нечисть, на чужое зариться?!"
И уйдет назад, как в землю семечко.

Так не раз, лишь вздрогни под вражиною
Степь, что пашет сеятель Микула,
Он вставал один и со дружиною
Супротив разбойного разгула.

Всех встречала, провожала палица.
Походила, погуляла силушка.

Вот она Микулами и славится,
Мать моя, земля родная, милушка.

...Времена седые и недавние.
Огонек. Пурга в окошко бьется.
Слушаешь бывальщины забавные –
Глядь, Микула в сердце ворохнется.

Тагинянка

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.*

А.С.Пушкин.

Исток Оки, где берег камышовый.
Седой курган, окутанный в туман.
Над ними - Александра Чернышева,
По мужу Муравьева, из дворян.

Возок жандарма. Имя в черном списке.
Увозят мужа в мрачный Петербург.
И кто она отныне, декабристка?
И кто враги, и кто остался друг?

Не жег мороз сквозь тоненькое платье.
Качало ветром дремлющую ширь.
"Да, решено! Туда за мужем, к братьям!
Из Тагино на каторгу, в Сибирь!"

- Лишиться вы дворянства, состоянья...
- Да, я готова. - Имени, детей...
- Готова я. - В Сибири - расстоянья.
Там холода, да стоит ли злодей!!

- Он муж мне, мы повенчаны навечно.
И пусть меня отринет высший свет,

Но вот он, путь мой, - скорбный, звездный, Млечный,
И я иду...
А вел ее поэт.

И пала ниц к цепям, железам этим,
И освятилась вся Россия, Русь. ...
Как на нее молились в копиях где-то,
Так я на эту женщину молюсь.

И коль Ока несет все те же воды,
Сухой камыш всё так же шелестит,
В любую ночь за мой глоток свободы
Есть женщина, которая не спит.

Глазастая мадонна

Они стояли перед ней в музее –
Два мужика, два брата-крепьша.
Все обежали, все переглазели,
А тут застыли, смотрят не дыша.

«Вот это да! Желанная! Вот эта!»
И вдруг, как бы из прожитых веков,
Она сошла к ним с тусклого багета,
Идет, тревожит, мучит мужиков.

«Да кто ж ее нарисовал такую?
Глазастая, с ребеночком, в венке...»
Идет она и поднятой рукою
Всю душу обрывает в мужике.

Летит душа, плывет под облаками.
Когда б узнал, что есть она, жива?
Все, как волы, телегу тащим сами,
Везем свой воз, судьба уж такова...»

И вдруг один, оторопев от дива,
Шагнул, чтоб не слепил мадонну свет:
- Послушай, ведь она же не красива!
- Все может быть, - другой ответил живо. -
Зато прекрасна! И прекрасней - нет!!

"Тайная вечеря"

Собрались двенадцать апостолов.
Все святы, но кто же предатель?
Стучат кулачишками по столу,
Куда только смотрит Создатель.

Вздохнул убежденный Учитель:
«У совести все мы в долгу,
Змею /да не скроет обитель/
Ищите вы в вашем кругу».

Повисло глухое молчанье,
Косились. Кипело все. Жгло,
Сказал Леонардо печально:
«Само назови себя, Зло!

Рассядьтесь, все честные, по столу.
А веру предавший уйди...»
Сидят все двенадцать апостолов,
И все у святых впереди.

* * *

Деревушка

Деревня уснула. И спит, как ребенок.
А речкой крадется тумана змея.
Лежу на копешке, тревожусь с потемок,
Проснется иль нет деревушка моя.

Луну укололи могучие елки,
Луга стали топки, сиренев туман,
Сижу на копешке и кажется тонким
Платок по-над лесом - немерян, неткан.

Вот если бы солнце туманы раздело,
Да встанет ли с зорькой, чего его ждать.
Съезжаю с копешки, пора и за дело:
А ну дай косой по росе помахать!

Ранние птахи

Над хутором спящим луна молодая.
По пояс в тумане табун на лугу.
Звенит мое эхо, в лесах утопая,
И я его мыслью догнать не могу.

Семь раз повторился мой голос по речке.
О чем я, зачем я, кому говорю?
Ржаною соломой растоплены печки,
И искры летят, занимают зарю.

Вот-вот к водопою прихлынут коровы.
Взбрыкнет на свое отраженье бычок.
И эхо короче. Леса чернобровы,
В лесах чернобровых турлычет сверчок.

Мы - ранние птахи. Приникну к окошку:
Луна молодая разбита ведром.
А мать уж сует мне блинков на дорожку.
Сейчас я уйду. До свиданья, мой дом!

* * *

Живу у леса с краю,
С полями говорю.

И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Моя изба-старушка,
По стенке - повитель.
Считает дни кукушка,
А ночи - коростель.

Гнездо над головою,
Трава у моих ног.
Глаза едва закрою –
Слуга себе и бог.

Такой же изначальный
Ровесник всей земле.
То тихий и печальный,
То чуть навеселе.

Раскатываю громы,
Поля водой пою.
Бывает, агрономы
Придут в избу мою:

"Ну как живешь, Михалыч,
Как дышится тебе?
Чего там напахали
Плугами по судьбе?"

Откуда всяких мошек
Над нами целый рой?
Куда людей хороших
Уносит стороной?

Какие синь-туманы
Полощут край земли,

Покуда сны-обманы
Мерещатся вдали?

И как все эти дали
Меняет влажный фронт?
Чего мы напахали
По самый горизонт?.."

Сижу и стол качаю,
Слова кручу-верчу.
И ливнем отвечаю,
И молнией мечу.

И от раздумий жгучих
Всего бросает жар.
Под яблонью могучей
Клокочет самовар.

Живу у леса с краю,
С полями говорю.
И сам себе стираю,
И сам себе варю.

Воздушные замки

Я ставлю шланг и воду подключаю,
Пускаю благородную струю.
Не овощи, не фрукты получаю,
А облака на небе создаю.

Они летят – воздушные такие,
Те замки, как воронки на броду.
А я сижу, сдуваю пыль с руки я
И ничего не делаю в саду.

И шпарит дождь – веселый «огурешник».
Пролей, пронзи мою святую Русь!
А я бездельник, я великий грешник –
Из духа облаками создаюсь.

Вот так и жить бы, так и возноситься
В виденья атмосферы голубой.
А на земле б витийствовали птицы
И делалось бы все само собой.

Дерсу Узала

(огородные стихи)

Я в деревне живу,
Я – Дерсу Узала,
Для меня все растения – люди.
У меня этих подданных –
Куча мала.
Все живут, все растут, что-то будет.

Я пою их водой,
Тороплюсь напоить.
Знаю, ждет с нетерпением каждый.
У меня их права,
Не могу ущемить,
Если кто-нибудь что-нибудь жаждет.

Поднимаюсь чуть свет
И бегу к ним туда:
Может, надо чего - не обижу.
Как живут, как растут,
Кого тянет куда –
В день по тысяче раз это вижу.

- Ты, приятель, взошел?
Ишь, какой молодец!

Я взрыхлю тебе почву в округе.
Лишь усы протяни –
Станешь ты, огурец,
По росе красоваться подруге.

- Вы редиска, мадам?
Как бордов ваш бочок!
Влагу пьете, наверно, без меры?
А вот ты, мой любимец,
Мой славный лучок!
Повышаю тебя в кавалеры.

А капуста – она
Фаворитка жены,
Выводитель пятна, радиаций.
Что ж, побольше полью,
Ты важна для страны.
Йод нам твой, как Шекспиру Гораций.

А царицей всему
Куртагу моему –
Дорогая, родная картошка.
Без нее – я к тому –
Нет улыбки в дому,
Сирота на столешнице ложка...

И хохочет сорока,
Глядит свысока,
Где я тут, с кем дружу, кто мне важен?
Мол, не то, что летать,
Но и с места слегка
Не умеют, мол, сдвинуться даже.

И кукует кукушка,
Поет соловей,

Счастье, годы, столетья пророчат.
Я – Дерсу Узала,
Среди гномов и фей
Провожу все свои дни и ночи.

Не язычник, но тоже
Пляшу у костра,
Если вечер, комарик летает.
Как Шекспиру – Гораций,
Рубахе – дыра,
Просто здесь мне
Людей не хватает.

Кто-то тихо окликнет
С ракиты меня,
Кто-то ночью сегодня приснится.
Вся моя от земли
Городская родня,
Деревенские милые лица.

На Руси я живу,
Как какой президент.
Плети длинные тянутся в душу.
Им по плечи трава,
У меня их права,
Ни за что никогда не нарушу!

Гимн картошке

Что имеем – не храним.

Пословица.

Где-то в Бирме хозяйка
С базара идет
И поверх экзотических яств
Три картошки особо несет,
Словно в тропиках снег,

Снежный наст.
А ведь выходец тоже
Из южных морей,
По - ненашему, значит, «батат».
Но какой-то монах
Приспособил хорей
К ямба северным –
К нам, говорят.

Генрих номер какой-то –
Французский король
Охранять поле ставил солдат.
Чтоб тащили крестьяне,
Интерес вырос, что ль, -
Надо, значит, тащить, говорят.

Чтоб ценили вершки,
Помидоры завез.
Вот и ешьте верхушки, ослы!
А в земле, а из тьмы.
Где жучок и навоз,
Клубни вызреют крупны, белы.

Вот и все. Где снега
Расстелили свой плат,
Получилась одна красота.
А когда возвратили назад
Тот батат,
Так Америка стала не та.

Я картошке – кормилице
Гимны пою!
Наравне даже с хлебом ценю.
Вижу в нашей картошке
Натуру свою,

Устремленную нежным
К огню!

Голубой сундук

*Герасиму Макарычу –
дедушке моему.*

Я похож на сову,
В сундуке я живу,
Где пружина со звоном сломалась.
Это мой, это мой,
Мой сундук голубой, -
Музыкальный, поломанный малость.

Сундуку нет цены,
Я продам и штаны,
Чтобы только его починили.
Чтоб он снова играл
Про Оку и вокзал,
Про седые орловские были.

Это дедов сундук, -
Мастерство его рук,
Звон души, песня всей его жизни.
Помню, падая с ног,
С дедом в гору волок
Я его в лихолетье Отчизны.

Тот колесиков скрип
До сих пор не осип.
А, осипнув, стоит у дороги.
Слышу я, дедов внук,
Музыкальный сундук,
Голос деда – печальный и строгий.

Я с фантазией вот
Забегаю вперед,
Наперед все себе представляю...
Это дед мой галдит,
Как сундук мне гудит,
Все, что было и есть, что желаю.

Музыкальный сундук –
Мой испытанный друг,
С ним Орлею свою воспеваю.
Перелески, поля,
Паруса ковыля,
Облаков лебединую стаю.

Когда плохо мне вдруг,
Открываю сундук.
Пошепчу, отведу свои беды:
- Как велось на Руси,
Не бойсь, не проси,
Продержись, как, бывалыча, деды!

Кто стучит, чей-то стук
В музыкальный сундук?
Кто-то музыки нашей не хочет?
Но уже тыщу лет
Скоро будет в обед,
Как живем мы, поем мы и прочее.

Нет нам слому с тобой,
Мой сундук голубой.
Это только пружина сорвалась.
И ее я чиню
По три раза на дню.
Как ей, бедной, сегодня досталось.

Вместе с ней помолюсь
За великую Русь,
Триединую Русь у причала.
Пьем, как воду с лица,
Что не будет конца,
Коли были мы все изначала.

Кони нас понесут,
Мой сундук растрясут, -
Наши резвые белые кони.
Только с песен своих
В сундуках голубых
Не собьемся, себя не уроним.

Музыкальный сундук –
Мой любимец, мой друг,
В нем – далекие были и тени.
И театр, и актер
Роль свою распростер
На Россию всю, русский наш гений...

Я похож на сову,
В сундуке я живу.
И добро, и удачу вещаю.
По три раза на дню
Эти тучи гоню,
Солнцем землю свою освещаю.

Мой сундук голубой,
Все поешь, я с тобой,
Знаю с детства все дедовы песни.
Пой, сундук голубой,
В непогоде любой,
Пой, родной,
Все звончей и чудесней!

* * *

Собирал чемоданчик с собой на вокзал,
С глаз долой захотелось уехать.
Чтобы там не скучалось, суму привязал.
А к суме привязал ради смеха
Лес березовый и его эхо.

Постоял-постоял, поглядел я на лес,
А потом и на свой чемоданчик.
Ну, какой это лес, - забодай его бес!
Без ключа, как ковбои без ранчо,
Дон Кихот без любезного Санчо.

Положил я в суму весь хрустальный ручей,
А к ручью приложил и ракиты.
Пусть шумит мой ручей, шум покуда ничей.
Пусть ракиты лозою повиты,
По сию пору люблю их, мы квиты.

Я свой груз приподнял – ничего не сказал,
Но подумал, а как же без поля?
Как без поля уеду на этот вокзал?
Покачал головой и еще привязал
К чемодану сумищу поболее.

Ну, а между, от края, где поле и лес, -
Моя хата окошком к соседу...
Приподнял чемодан, - забодай его бес!
Неподъемный! Ни завтра, ни в среду –
Я теперь никуда не уеду.

Моя деревенька

Шагну за дверь
И упаду в траву.
Автобус тихо скрипнул и ушел.

А я лежу, а мне тут хорошо.
Зову, зову –ау, ау, ау!

За рощей и родная деревенька!
Дворы мои, затерянная Русь!
Вот постою, передохну маленько,
А там уж как-нибудь и доберусь.

Рюкзак дай сброшу, дух переведу.
«Прешпекты» гладки – жизнь на них крутая.
Иду, иду – «раи» в душе летают,
Концы с концами в мыслях не сведу.

И гром по мне, и пробегают блики.
И пятки в кровь, татарник подо мной.
А предо мной все пращурь, все лики,
Все сотни лет на ниточке одной.

Встречай меня, затерянная Русь!
В окошко стукну: «Как оно живется?»
И каждый раз, как только доберусь,
Боюсь, вдруг радость эта оборвется.

* * *

Нюре и Ивану Тихоновым

Иду сторонкой полевой –
Ромашки мимо, мимо.
Живые вы, и я живой, -
Вот пережили зиму.

Я целый век не видел вас.
В мороз сжималось сердце:
А как же, думаю, сейчас
Они там, в Подбелевце?

Вам в телеграммах слал тепло,
Хоть сам и мерзнул малость.
И так я рад, в душе светло,
Что все живым осталось.

Тонкая яблоня

(песня)

Посадил я яблоню прямо под окном,
Поливал водою ключевой. -
Выросла, выросла, затенила дом,
Запленила радостью живой.
Катится, катится яблочко мое
По дорожке торной, луговой.
Солнышко, солнышко – красное шитье,
Закатилось яблочко в него.
Пролился над яблоней нехороший дождь.
Прогремела черная гроза.
Дождик-то, дождик-то – чем он не хорош?
Чем горька слезинушка-слеза?
Облетела яблонька под моим окном,
Не дождалась часу своего.
Горестно душеньке, опечален дом
От дождя плохого одного.
Тоненькая-тонкая, вся перед тобой,
Негасима радостью живой.
Яблоньку милую заслоню собой,
Отолью водою ключевой.

Ракитушка

(песня)

Край ты мой раakitный, лунь зеленоглазый!
В серебре макушка, хлопоты в гнезда.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка – эхо по реке.
Тысячу просил я – сто накуковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею ракиту с берега свалило.
Вот стою – горюю: «Берег-то крутой».
Как ее любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляну с сеновала – нет ее, не стало!
Уж другие птицы выются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зеленоглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Ветлы да ракиты клонятся ко мне.

Песня про жеребенка

(песня)

Как выйду за город, в степное раздолье,
В зеленое поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, -
На хлебные волны наброшу пиджак.

И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И яхты чужой не приму за коня,
А веки прикрою – «летучий голландец»
По глазу, по глазу копытом в меня!

На парусе белом – мне любо качаться
Да искрой из глаз осыпать берега.

Заржет жеребенок - талантлив, чертенок!
И я ему в голос, ага.

«Летучий голландец» идет из Бристоля,
В химерах легенд, васильками звеня.
Когда же, когда же, мое золотое,
О, поле родное, накормишь меня!

Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканный весь!
Так сердце окатит Россией, любовью –
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

Качайся, пиджак, на колосьях зеленых!
И ты, колыбель моя, вы – берега!
Заржет жеребенок – горластый, чертенок!
И в парус копытом, ага.

Кукушкины дожди (песня)

Нежный-нежный, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.
Милый мой, зачем же ты идешь,
И не та, кого желаю с дрожью?
ПРИПЕВ: Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной.
Нежный-нежный, то не дождь, не дождь –
Шелковые, медленные руки.
Милая, зачем ты их кладешь
Мне на плечи – колдовские звуки?
ПРИПЕВ: Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.

Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной.
Мягкий-мягкий, теплый-теплый дождь.
Шелковый, как пух кукушкин, дождик.
Милый мой, когда опять придешь
В сердце мое милостию божьей?
ПРИПЕВ: Кукуй, кукуй, кукушка круговая!
На зорьке на вечерней на хмельной.
Пообещай мне счастья, дорогая,
Поговори, поговори со мной.

Старик и сад

Сажал Старик антоновский прививок.
Огородил, чтоб телке не залезть.
— Ты, дед, того, — поддел сосед игриво. —
Сажай иль нет, а яблоки не есть.

Дед, знал, конечно, яблоня не вишня.
Дождись попробуй этот самый плод.
— Да ладно, — он сказал. — Не будет лишней.
Какая кралька! Пусть себе растет.

Сосед не знал, чем был Старик отмечен.
На трех китах его держался бог.
Хоть не убог был вроде, не увечен,
А двух китенков изловил из трех.

Сложил он сказку про людей хороших
И сына — одного, но — воспитал.
А дерево под зимнюю порошу,
Чуть не забыл, и вот теперь сажал.

— Ты молодой, — сказал Старик соседу. —
Но вижу, брат, умен не по годам.

Сажай сады, да вовремя, чтоб следом
Свой плод насущный мог отвесть сам.

* * *

А в деревне. Дома. На свободе.
У окна, где сад роняет лист,
Дядя Миша медленно отходит,
Умирает песельник-артист.

Сколько песен сыграно и спето,
Сколько свадеб, проводов. И вот
Скоро сзади своего портрета
Понесут ногами наперед.

Двери настежь — в сенях бродят утки.
Уж не бросит хлебца им, сгорел.
Как мне жаль, что все его погудки
Выучить я так и не успел.

Как мне жаль, что столько русских песен
Унесет заслуженный артист.
Мир широк, да дяде Мише тесен
У окна, где сад роняет лист.

Кипарис

Семеновскому Ивану Алексеевичу
- моему учителю.

Он рисовал зеленые деревья
Со школьной парты, с юношеских лет.
И с замираньем сердца вся деревня
За ним следила, говоря: «Поэт!»

И вот уже учитель в той же школе —
Он рисовал теперь для детворы.

И годы пролетали поневоле,
И уходили целые миры.

А он все рисовал свои деревья –
Во цвете жизни, в искорке надежд.
- Смотрите, - говорили по деревне, -
Он все рисует, пишет для невежд.

Уж осенью дышало на планете,
А он все рисовал в ключе своем.
- Смотрите, - говорили ему дети, -
Они ведь золотые за окном.

Он рисовал зелеными деревья!
Зима и лето – было все равно.
- Смотрите, - говорили по деревне, -
Они ведь уже белые давно.

Да и ему виски посеребрило.
Признания ни где-то, ни в семье.
А он все рисовал не то, что было:
Зеленые деревья на земле!

Ушла жена. Спиною повернуло
К нему его согбенные года.
Деревня на него давно махнула,
Как и махнули прежде города.

А он все рисовал... И вот весною
На этот его траурный абрис
Приехал ученик один с женою
И положил зеленый кипарис.

В Думчино

У костра голубого, в ночи,
Посиди – помолчи.
Вызываю духов:
- Что скажешь на ухо?
- Да в городе где-то
Разлили духи –
Французские.
В три зарплаты флакон...
Убежден:
Духи русские,
А духи те – французские.
Нашептала мне муха
На флакон по три духа.

В Синяевском

Лечу-лечу на землю с поднебесья
На шорох трав, в сиреневость мою.
Вы спросите, зачем мне эти песни?
А не скажу, я просто их пою.

Я в хоры до заоблачья взлетаю.
Я - высоты, я - красоты хочу!
Все молодой, все в облаках витаю,
Все молнии летучие мечу.

Мне говорят, чего тебе все надо, -
Весь в шорохах, как липа на покров?
А я, как снег, - как вылетел из сада,
Так падаю и падаю без слов.

Березовые слезы

Роскошная, капельная какая!
Тока... тока... токката, как с небес.
Я в Шестаках, где окает Ока, - я.
Парк Шестаковский, композитор – лес.

Кака-кача-качаются березы,
Капель посеребренная живьем.
Прильну щекой, а под щекою слезы,
Мы с нею окольцованы вдвоем.

И вижу я – подвешены бутылки,
И слышу я – удары топора.
Когда б не эти щепки да опилки,
И я бы так не квасился с утра.

Кача-кача-качаются березы,
Еще живут, коронами сквозят
В берестяных стаканчиках морозы, -
Как можно пить, когда они слезят!

Призраки

Сидим у золотистого костра.
Комар звенит, комар над самым ухом.
Как только вечер, дай спадет жара,
Так, подлый, и куражится над духом.

Невидимый, потусторонний лёт.
Глаз не вникает в жуткие эфиры.
А он, гундосик, кровь людскую пьет,
Всю ночь терроризирует квартиры.

И самолет, как призрак над тобой.
Свистит – стеклянный, слышу, но не вижу.

Вибрация поверхности любой...
А все комар. Да и костер тот рыжий.

Мы – у костра. Приокские просторы.
Играет рыба. Баиньки пора.
Как НЛО фиксируют приборы,
Так я беру на голос комара.

* * *

Опять взошла неверная луна –
Вся в янтарях зеленых, барракуда.
И день забыт. Но помнится она –
Янтарное, магическое чудо.

Акулий глаз сверлит меня насквозь.
Парит Алешня выдыхом земного.
Река туманы вытеснит – как лось
Вдруг выпрыгнет из сердца из хмельного.

«Люблю, люблю! И ты со мной нежна!..»
Едва в окошко щелкнула синичка,
Опять сбежала подлая луна,
Как с ревизором утром электричка.

* * *

Слово горячее, слово живое.
Поговори - умоляю, молю!
Первое вечно и вечно второе
Это прекрасное слово "люблю".

Белые розы, вечерние розы.
Полуобнял ее - значит, успех.
А по плечам - все касанье березы,
А по щеке - все дыханье и смех.

А по ладони – дорога, живое,
А на дороге - пиковый валет.
Кабы оно, это солнце кривое,
Не закатилось сегодня в обед.

* * *

Ты пойдешь со мной на край земли,
К краю света, милая, пойдешь,
Если сжечь придется корабли –
Все, чем дорожила, чем живешь?

К краю жизни ты пойдешь со мной,
Чтоб вдвоем идти, идти, идти,
Если - изуверенный, больной –
Выбьюсь к цели хоть в конце пути?

Сквозь огни и воды, на беду
Ты пойдешь, страшась и замирая,
Славная, любимая, седая?
Выдохнула Лада мне: "Иду".

* * *

Еще в пути, еще на теплом юге
Душа весны, солисты - соловьи.
А тут в Орле еще возможны вьюги,
Две льдинки холодят глаза твои.

Но дай рванет березовую почку,
Дай в зелени заплещет соловей,
Я так собой согрею эту строчку,
Что ты истаешь, тоненькая, в ней.

Подснежник

Цветы голубые пылали на белом
Вытаивал лунками снег.
А зимник держался, весь заледенелый,
И сдерживал ропоты рек.

Вдруг сани навстречу. Охапка соломы.
В лицо мне: "Эге-геге-гей!"
И брызнули острые чертики-гномы,
Глаза из-под тонких бровей.

Мне ты и подснежник, как холод и пламя
На сломе красот и времен.
Зима уходяща, весна - мое знамя,
И ты, голубая, на нем.

Март синеглазый

Март синеглазый, ручьистый ворчун,
Хлынул дождем в отворенные сенцы.
Лось жадным зубом ракиту качнул –
Брызнуло холодом с почки на сердце.

Если опять синеглазый ворчун
Хлынет дождем в отворенные сенцы,
Там, где сохатый ракиту качнул,
Брызнет на сердце с лосиного сердца.

* * *

Не зови, не говори "прощай",
В полщеки укрыта от пурги.
Пол-любви своей не обещаю,
Хоть сейчас перед собой не лги.

Стежку между нами замечает,
А тебе, конечно, все равно.
С клена лист, примерзнув, не слетает:
На двоих не делится одно.

* * *

Сыплет снегами зима белоснежная,
Тонут в снегах города.
Милая-милая, нежная-нежная,
Кто ты? Откуда? Куда?

Мне тебя, славная дочка Снегурочки,
Страшно коснуться рукой.
Вдруг ты исчезнешь, сверкнёшь в закоулочке,
К речке умчишься водой.

Разом померкнет очарование
Улиц, рябин, площадей.
Нас не похвалит за это свидание
Дедушка твой Берендей.

Между нами таинственность комнат
И холодный искусственный свет.
Почему-то, когда тебя помнят,
Говорят, что любви к тебе нет.

Мы смеемся, а хочется плакать.
Бредим суммой, а носим суму.
Пьем за дружбу, с кем надо бы в драку.
Почему? Почему? Почему?..

Шторка к шторке. Зеленая муха
На столе завертелась, поет.
Глаз прищуришь — за шторкою глухо.
И никто ни к кому не придет.

В парке

Ветви ивы тянет по теченью,
Спит, зеленокудрая, в тени.
Отдаюсь подлунному свеченью,
И минуты, как часы и дни.

Бьет фонтан вблизи плакучей ивы.
Я гляжу и думаю одно:
То ль от нас все это так красиво,
То ль без нас красивее оно?

На реке от белого свеченья
Призрачны и люди, и года.
Все они ложатся на теченье,
И несет их легкая вода.

Ночи бессонные

Не из шепота слов родилась.

А. Блок

Не из шепота слов, не из дня —
Из молчания ночи взялась.
Обняла, захватила меня,
В темноте не дала мне пропасть.

Приходи, приходи, приходи
Из цветных телевизорных снов.
Пусть крошечная ночь впереди,
Лишь бы вдруг засинело окно.

Лишь бы утром увидеть коня
И арбузу стекать по губам...
Лишь бы ты все любила меня, —
Я тебя никому не отдам.

На перроне

Твоя рука опять в моей руке.
И мы вдвоем, мы — островок в реке.
Какое счастье! За спиною грозы.
Мир выстрадан, мы не сошли с тропы.

Глядите, вы! Как мотыльки на розы
Летят, в себе одолевая слезы,
А все ж идут на острые шипы,
Идут на розы!

* * *

Вызвездило тканевое небо.
Вечер стынет, розов и пахуч.
Через поле, через волны хлеба
По лицу скользнул последний луч.

Влага закачалась на реснице,
Потемнели чистые глаза...
Женщина! Мне надо повиниться,
Мне острее ножа твоя слеза.

Знаю, что не может быть прощенья.
Но вернемся, милая, назад.
Кто сказал, что слезы — очишенье?
В них — озон, когда гремит гроза!

* * *

Вечер в звуках. Луной притуманен.
Скрипуны шевелятся, растут.
Окликаю — и гриб-россиянин
Из травы мне мигает: я тут!

Ты — богиня, икона, иконка,
Под которой лампада горит.
Конь заржал за оврагами. Звонко
Отозвался другой у ракиит.

А полынь осветляется дальняя.
И по балкам, где пепелен лес,
Ночь глядит, приутихшая, славная,
Миллионом лампадок с небес.

* * *

Хороша, бездонна ночка лунная!
В чем — загадка, где — разгадке ключ?
Рожь вздыхает, шепчет, тонкорунная.
Хлеб в округе счастлив и могуч.

Мы с тобой ломаем под кустами
Влажные, холодные грибы.
До утра влюбляться не устанем,
Губы не туги и не слабы.

Вихрь из-за кладбища налетает,
Выпала ромашка из косы.
Что с того, что кто-то наблюдает
Эти наши звездные часы.

* * *

Этот пруд пролил тебе когда-то
Два наперстка сини на глаза.
Оттого-то возле переката
Выгнулась ресницами лоза.

Под луной засеребрился вечер,
Два наперстка вытемнить не в мочь.

Словно шаль, возьму тебе на плечи
Да накину шелковую ночь.

Увлеку к забытому проселку,
За деревню, где аэродром.
Унесу в поля, как перепелку,
Уложу на копны за бугром...

Не с того ли примечаю сходства
У тебя с родною стороной,
Что живу, вырастаю каждый год свой
В край мой конопляный и ржаной.

* * *

Где твои белокурые косы?
Вместо них завитки, завитки.
По лугам отзвенели покосы —
Уж отава по грудь у Оки...

Было ль все это? Дивные дива.
Вспоминаю июльскую, ту.
Как она, твоя русая нива,
Из-под ножниц легли на фату.

Ты без них вся какая-то птичья,
Стог на скошенной пойме реки.
Раньше только касался косичек,
А теперь всю ладонь в завитки...

Ветер сыплет алмазные росы.
Что упущено — не наверстать.
Вот и кружатся в памяти косы,
На пол падает прежняя прядь.

На Троицу

Пруд в лесу. Лесникова избушка.
И какие же юные сны!
За поляной турлычет лягушка
Под ольховую проседь весны.

От зеленых кларнетов отвыкли
Даже — стыдно сказать — в деревнях.
Стали эти лягушки реликтами,
Право, водятся лишь в копанях.

Замани же, лесная опушка,
И в кларнеты возьми, заманя!
Нежно в копани стонет лягушка
И до слез зашибает меня.

* * *

Обнимал холодную подушку,
Поверял горячие слова.
За стеной судачили лягушки,
И плыла, как в лодке, голова.

Есть, наверно, счастья на полушку,
Дышится свободно на заре.
А всего-то жаркая подушка.
Да июнь - красавец во дворе.

А всего-то брошенные дачи,
В липах дом, похожий на шалаш.
Может, есть "фазенды" и богаче,
Но ведь, дорогие, дом-то наш!

На кордоне

Иду домой вдоль берега над Зушей,
А по плечам лист сыплется сухой.
За хуторок уходит день потухший
И длинно тень кладет передо мной.

Леса, леса, вас залечили дустом.
Как выжить, не сломаться, устоять?
И больно мне, во мне такие чувства,
Как будто кто-то обижает мать.

Сквозит кордон. Труба белей и тоньше.
Шуршит стезя. Грудь ломит от забот.
Когда ж, когда к моей опавшей роце
Опять пора зеленая придет?

* * *

Чем тебя сманили города?
Каково тебе там без деревни?
И деревня без тебя куда?
Ни детей, ни свадеб — мир затерянный.

А вчера еще один на слом
Увезли домишко на машине.
Был и нет. А чей-то отчий дом...
Ключ на пне. На пень ложится иней.

Липушка

Липа-липушка... В прежнюю пору
Плечи ей омывали ручьи.
А сейчас выше берега поросль —
Три ствола, три сестры, три свечи.

Скоро медом, душистым и липким,
Обольет их одну по одной.
И тогда к этим тоненьким липкам
Приходить станет кто-то другой.

Гвоздь ли старой загонит в живое,
От дождя ль себе выжжет дупло.
А пока что внутри под корою,
Как в душе материнской тепло.

Слепой дождь

А я люблю дожди слепые!
Вот он, мгновенный и косой,
Сверкнет случайно по крапиве
И пылью пролетит, босой.

Повис, висит, вздохнуть не смея.
Не видит или сделал вид,
Что из травы, блестя и рдея,
Клубника на него глядит.

Но вот заметил, приложился,
Катнулся просяным зерном
И убежал, и растворился,
И укатился следом гром.

А солнце — по лугу лучами,
А луг — в лучистом серебре.
И семицветно гнется пламя
В кривую саблю на горе.

* * *

Тело будет предано земле.
Дух же мой развеется ветрами.

Проплывет седыми облаками.
Восходя от речек и полей.

Облака сомкнутся, закипят,
Обернутся тучными дождями.
Упаду стеной в свой старый сад —
В городок свой, на свой домик, к маме

Соками антоновку налью,
Семечками щелкну в мякоть, — слышишь?
Падать вниз, к земле своей, люблю,
Чтоб с туманом возноситься выше.

Цыганское золото

По рябине, по рябине — к клену
Чуткий подбирается огонь.
— Дай-ка предскажу судьбу, миленок.
Дорогой, позолоти ладонь.

— Лучше погадай своей подруге.
Чародей сам, хоть и не цыган.
Ходим, глянь, по золоту в округе,
Набивай деньжищами карман.

У окна под тихий шелест грустно.
Ветки то в валюте, то в рубле.
Листья — эти вянущие чувства —
Медленно стекаются к земле.

* * *

Такая грусть, зеленая тоска!
Конечна вечность. Травы по колени.
Коростелем оторвана доска,
Качается на ржавом, на безмене.

Идет – гудет над головою шум.
Горит костер. Клокочет про кого-то.
Я окольцован, вызвончен, без дум.
Душа для звезд, как птица для полета.

Я – деревенский в городе. В ночи
Припал к земле: как булькает водица...
Кукун охрип. Исполнил и молчит,
Чтоб колосом во ржи не подавиться.

Сирень

В белой фате, как невеста под окнами.
Встала на цыпочки, тянется, ждет.
Вот и уносят охапками, копнами.
Вот и погасла, оборвана вот.

Коим разбойником это придумано:
Больше ломаете — гуще потом!
Белая-белая, лунная-лунная,
Не отдавайся ему под окном.

Всю растащили, а что обещали?
В мае мой куст полыхает опять.
Так обезбожились, так обнищали —
Сил не хватает сирень обломать.

Родная улица

Золотая улица в мае звонче втрое,
Шумы тополиные входят в каждый дом.
Зацветает улица в утро голубое,
Осыпает голову пуховым дождем.

На деревьях — зелено, под ногами — зелено.
Ходишь, улыбаешься встречному порой.
Почему бы улицу за красу весеннюю
Не назвать Зеленою вместо Золотой?

Разгоняет солнышко утреннюю просинь,
И душе просторнее в городе своем.
Потому что улица в ласковую осень
Осыпает голову лиственным дождем.

На деревьях — золото, под ногами — золото.
Ходишь, удивляешься щедрости такой.
Не за это ль улицу, за красу осеннюю,
И назвали ласково люди Золотой?

Сыплет снег за окнами вечер бело-синий.
Та же ль эта улица, тот же ль этот дом?
Только двинешь веточкой, как мохнатый иней
Осыпает голову снеговым дождем.

На деревьях — серебро, под ногами — серебро.
Ходишь, согреваешься думою одной:
Почему бы улицу за красу за зимнюю
Не назвать Серебряной вместо Золотой?

Зеленая палочка

Зеленую палочку под вечер где-нибудь спрячем,
А утром все ищем, где спрятали, — палочки нет!
Мы тоже мечтали, что жизнь как-нибудь переиначим,
А счастья, как видно, запутался в прожитом след.

Могилка Толстого. Здесь в детстве он палочку прятал.
Идут к нему люди, хотел бы он сам или нет.
Какой человек был, конечно, умища палата!
А счастья, как видно, запутался в прожитом след.

Зеленую палочку под вечер где-нибудь спрячу,
А утром взгляну, на какой она выведет след.
Вот жизнь свою сам себе чуточку переиначил,
А счастья как не было, так и, наверное, нет.

Друзьям

Молодая осень, утренняя проседь.
Время уж торопится, жизнь уже летит.
Мчит меня, неистовая, годы перелистывая.
Путь назад отрезан, впереди открыт.

Все, с кем были биты, мной не позабыты.
На ковре березовом росы держат след.
Хоть они и ранние, но — воспоминания.
Этот друг мой жив еще, тех, пожалуй, нет.

Не спеши обидеть, торопись увидеть:
Собирают горсточкой, а теряют вмиг.
К вам, родные ждущие, жившие - живущие,
Просинью и проседью навсегда приник.

Поющая душа

Чуть отдохнет и снова за свое
Моя непокоренная душа.
И, медля умирать, а жить спеша,
Пока есть голос, слышите, - поет!
Они – все про борьбу свою, про ту,
Что им на лапу кое-что кладет.
А я – про Красоту, про Красоту,
Которая сама себя поет.
Они – все правоверные, все те,
Что все кладут, а некуда уж класть.
А я – про Красоту на высоте,
Которая нам не дает упасть.

* * *

Тамаре Синявской

Во влажном блеске черных глаз
Ночные молнии метались,
И звуки в звуках отражались,
Рояль магический не гас,

Виолончельная струна
То замирала в сне блаженном,
То заострялась в боль земли.
Так золотым смычком вели
По инструментам совершенным.

Как страннен голос. Улови,
Какие в нем родятся страсти.
То поднимают нас до счастья,
То опускают до любви.

Музыка

И снова не могу уснуть,
Я обречен на эти муки.
Взрывают мир, терзают грудь
Неуправляемые звуки.

Какофонической ночью
Кошмары, ужасы и страх.
И вдруг — мелодия воочию,
Альты, оркестр, как "штрифель" сочный,
И ариозо на устах.

О музыка! В твоей я власти.
Прочь, диссонанс, ко всем чертям!
Не то любовь, что рвет на части,
А то, что, пробуждая страсти,
Соединяет по частям.

* * *

Когда я в голосе — пою.
Я полегоньку, без нюансов.
Чужую нежность, как свою,
Беру из стареньких романсов.
Лети-лети, звезда моя!
Над жизнью — миг, век — над могилой.
Одна уйдет из бытия,
Другая вспыхнет с новой силой.
Зеленый росчерк над судьбой...
Уходит жизнь, а все туда,
Где за достигнутой звездой
Вдали еще одна звезда.

Под Спасским-Лутовиново

Две липы – две кроны у вешнего сада,
Вплетается в шепот гобой.
То блюзы, то роки – живая эстрада,
То Рознера джаз голубой.

Качаются скрипки – под веткою с краю.
Под флейту – играют лозой.
И первыми первый удар принимают,
Последними спорят с грозой.

Зеленою музыкой бредит кукушка.
Сюжет на макушке двойной:
Повыше с романсом - садится кукушка,
На джаз – соловей озорной.

Голубое и зеленое

(песня)

Я хватаю с небес убегающий миг
И сажаю на дерево слету.
Я люблю мой зеленый березовый стих
И мою голубую работу.

Высоко-высоко надо мной небеса,

Голубое хмельно и бездонно.

Я зеленые слышу в себе голоса,

Из меня выпирают иконно.

Голубое до неба – моя вертикаль,

А зеленое – по горизонту.

Сквозь меня этот крест, через сердце эмаль -

Фаберже, что ли, по Геллеспонту.

Мое сердце возьмет голубой океан

И вернет его мне золотое.

Под березой сажу я, задумчивый Пан,

И любясь и ей, и собою.

Чубарые, раскосые

Земляки мои, орловские,

Кони — выюга, рысаки!

Грива вроссыпь, вожжи скользкие

Так и валятся с руки.

В серых яблоках, чубарые,

Чуть раскосы, все в отца.

Родословной ходит в баловне

Кровь тугая жеребца.

Эй, залетный! Грудью глянцевою

Ленту ай не оборвем?

Закормили тебя яйцами,

Запоили молоком.

А покинет прыть, — как мерина,
/Э, да что былая стать!/
Где-нибудь привяжут к дереву
И забудут отвязать.

Воронье слетится — вороны,
А тебе уж все равно,
Что на все четыре стороны
Только карканье одно.

А пока, пока копытами
Сыпьте вволю, все свои!
Гой вы, кони, в вожжи влитые!
Только вихрями и битые,
Чуть раскосые мои!

Некрасивые кони

Пролететь в "козырях" бы деревней,
Чтоб наvertывалась слеза.
Под неистовый бег деревьев
И метелицы под полоза!

Есть такие кони в России.
Им — попоны, им — ипподром.
Только я о других, некрасивых,
Ломовых, из-под сена и дров.

Отстранили их от работы —
Кони-пахари, отставники.
Дизелей вместо них теперь роты,
Батальоны и даже полки.

Подступлюсь иной раз к бригадиру,
Говорю ему, не грубя:

— Брось соломки сермяжному, ирод!
Видишь, тянет и воз, и тебя.

Но — некованного — на льдище
Палкой хрясь, как меня по лицу.
— Что ж ты де...
— А, в стране таких тыщи.
Раздерем — пустим на колбасу.

Пролететь, просквозить бы деревней,
Да примерзли, видать, полоза!
Что ж качаетесь пьяно, деревья!
Да плюетесь метелью в глаза!

Мерин с оттопыренной губой

Были хлебные причалы,
Флот имелся свой в Орле.
Диву дашься: мерин чалый
Проплывает по земле.

По степи, как будто скачки,
Паруса издалека.
Белой кипенью от качки
Подлетают облака.

И покачивает флаги
Во зеленых берегах.
И купцы, как из бумаги,
На бутылочных ногах.

Мимо церкви, мимо поля,
Мимо щетки конопли.
«Эй, деревня! — им глаголят. —
Ну-ка на-ка, порули!

Ай заснули? Есть пенька ли
На продажу – греча, мед?»
В ноздри капля, трали-вали,
Круг над крупом пчелка вьет.

Хлеб – водой, Ока, причалы.
И на палубе одной
Этот самый мерин чалый
С оттопыренной губой.

* * *

На танцплощадке кони танцевали.
Весь день из парка вывозили мусор,
А к вечеру сюда их, трали-вали:
Ходи, табун, с Урала до Эльбруса.

В предчувствии весны кружились кони,
На холке губы, глаз косил отчаянно.
И в их протяжном вымученном стоне
Был голос звезд, ведическая тайна.

Она напомнит, что и он рысак.
Его казак седлал в былые годы...
И он заржал!! И дрогнули леса,
И побежали, покатались воды.

Весна идет! Ее поводыри
Не те, что развлекались тут в загоне,
А те, что от зари и до зари,
Забыв про снег, стояли у двери...
И вальс на танцплощадке кружат кони.

Тоска

Качался в синих сумерках фонарь.
Маячила дощатая ограда.
Лось острыми ноздрями слышал гарь
И там, за стенкой, дремлющее стадо.

Он вспомнил, как спасла его пурга,
Когда в подругу выстрел грянул гроздью.
И кинул на плеча себе рога,
И затрубил на ледяные звезды.

Он возроптал. Он чувствовал окрест
Себя опять в тысячеружном круге,
Устав нести свой одинокий крест
Без близкого дыхания подруги.

И он ударил в дверь литым плечом.
Ввалился внутрь, взревел, осатанился,
Пыхнул через губищу горячо
И — перед рогом вдруг остановился.

Они стояли — жуткие, глаз в глаз.
И усмехнулся он, дикой и гордый,
Увидя — это точно! — в первый раз
Тут у нее сколько угодно корма.

Он утра ждал. Беззвучный, как фугас.
И звезды ночевали возле глаз.
А рядом, как обычно, в лунной спячке
Коровы мудро шевелили жвачки.

Погоня

Медведь пугнул оленя у ключа.
Метался, тонконогий, от медведя.

Рога ветвями стлались по плечам,
Копыта колотили гололедье.

Вот через ров. Вот через речку. Миг —
И позади мохнатая погоня.
Вдруг в ветку ветвь, и хрустнул хрупкий вихрь.
Упал олень и ногу тянет, стонет.

Но надо встать: там по пятам медведь.
Рвануться, вырвать тело из агоний.
А тот сопит, тому свое успеть.
Он хищник, он обязан быть в погоне.

След мечен кровью по холстам зимы.
Жизнь мечена случайностью, звездой.
Он вышел на высокие дымы
И замотал ветвистой головою.

Он жался к людям, раненый олень.
Он верил им, в груди еще светило.
Но угасал его последний день,
Сжимался зовом оленихи милой.

Лес был ночным покоем растревожен.
"Не повезло", — вздохнули из сеней.
И брызнул зверь на голос нервной кожей,
Косил, дикарь, на избы и людей.

Глядел на нож тоскующе, шалело.
Смертельный холод крался по губе.
И сделал нож свое простое дело,
И каждый что-то выгадал себе.

Какую страсть на шее горделивой
Лесная глушь пересекла, как нить.

За красоту, в момент ее счастливый,
Всей жизнью вдруг приходится платить.

Волчий шлях

Его забрали у волчицы,
И на коровьем молоке
Он рос, приглядываясь к лицам,
К куску баранины в руке.

Уж не щенок. Уж лезет в драку.
Давно просохло молоко.
Не убивать же, как собаку,
В лес и прогнали далеко.

Но отчего же, отчего же
Его волнуют в той игре
Сама деревня, сани, вожжи
И та, с кем был в одном дворе.

Он ходит к ней, тоской охвачен.
Она пугается, визжит.
И в спину брех ему собачий,
И псиной голову кружит.

Он отойдет. И жутким воем
Подлунный мир оледенит.
Он — волк, ему бы жить разбоем,
Да вот деревня не велит.

А завтра снова к той деревне,
Упрямый волк все за свое.
А из-за изб — не в Риме древнем -
Под сердце целится ружье.

Кукушонок

Подрастет кукушонок в гнезде
И махнет крылом: до свидания!
Вроде мама такому везде,
Вроде родина - расстояния.

И порхает с ракиты на клен,
Век отсчитывая прохожему.
Не дроздом, не кукушкой рожден,
И на что только чудо похожее!

От лесов получая свое,
За пролетами, за утехами
Он не видит, как в грозы вдвоем
Дрозд с дроздохой дрожат под застрехами.

Мураши

Бегут ребятки голые,
Увертливые, черные.
Такие все веселые.
Такие все проворные.

А им навстречу — рыжие,
Враги единокровные.
Такие все обиженные.
Такие все огромные.

На узком перекресточке
Вот-вот опять сойдутся.
И затрещат, ах, косточки,
Ах, кровушки прольются.

Тут дождик по-над крышами,
Пахнул струями скорыми.

И черные — за рыжими,
И рыжие — за черными.

Под кустик бы, под веточки
Присесть бы, обсушиться,
Да не шумите, деточки,
Никто вас не боится!

Белый гриб

Рос под елкой белый гриб —
Всем грибам полковник.
Он командовать охрип
И прилег под коврик.

А к нему нагнули лапу
Белочки-соседки.
Хвать полковника за шляпу
И к себе на ветки.

Млечный путь в глазах двоится,
Высоко сияет.
А полковнику не спится:
Звездочки считает.

Древоточец

К.В.

Точит книги древоточец,
Извлекает фактики.
Проверяет, между прочим,
Гениев на практике.

Утверждая утвержденных —
Все-таки при классике.
Вроде сам такой огромный
Древоточец масенький.

Древоточец книгу точит —
Свежую, не ветхую.
И съедает, между прочим,
Самую заметную.

Долгое эхо

Прогрохочет над долиной росной.
Прогремит, раскатист, по лесам.
Как в телеге десятиколесной,
Сам Илья промчит по небесам.

В хуторок вильнет моя дорога.
Суслик пискнет где-нибудь в стерне...
Звуки в небе, в поле, у порога,
Все они вокруг и все во мне.

Кислый дождь уходит в волны хлеба.
Лес поник, дождями опален.
Из воронки, обжигая небо,
Долгим эхом подпевает клен.

* * *

Здесь каждый холм под небесами
Такой родной мне холм-солдат.
Его зелеными глазами
Вдаль провожаю журавлят.

Плакучей белою березой
Свечу дорогу впереди.
И льется дождь — не вдовьи слезы,
И льются слезы — не дожди.

Летит косяк — мы эхо слышим
В настороженной тишине,

Пока живем, пока мы дышим.
Пока не гибнем на войне.

Зову своих в одно сплотиться.
Взглянуть на Родину от звезд,
Упасть и сердцем прислониться
К сердцебиению берез.

Овсяночка

Овсы звенят, овсяночка поет.
На елке лапы вниз, как полотенца.
А здесь упал когда-то самолет
И до воды достал горячим сердцем.

И вот я здесь учителем. С реки
Повеет вдруг таким туманом-болью.
А в небесах — мои ученики.
Я снизу ввысь гляжу на них с любовью.

Овсы звенят, овсяночка поет.
И шлейф багряный тянет самолет.

Снегири

(баллада)

*Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобный, милый снегирь?*

Г.Державин.

В городке, где зыкали коровы
И в крапиве глохли пустыри,
Жили-были братья Снегиревы,
Близнецы, мальчишки Снегири.

Но рвануло бомбою у церкви,
В городок нагрянула орда.

Под пилой упали и померкли
Яблони. В дома вошла беда.

Не траву в подвальчиках косили,
Не косою играли косари.
Вес равно гоняли в небе синем
Турманов мальчишки Снегири.

Поднимали сизых с голубятни,
Опускали сизых на подклеть.
Что ж вы развлекаетесь, ребята,
Глянь, с косою ходит-бродит смерть!..

Бал, как говорится, был окончен:
Близнецов поставили к стене.
Били — днем, пытали — черной ночью.
Жители таились в тишине.

Виселица. Конный враг и пеший.
До земли не дотянуть носка.
Пронеслись с очередной депешей
Голуби из ближнего леска.

Падали на плечи снова, снова.
"Шевелись, — просили, — говори".
Но — молчали братья Снегиревы,
Милые мальчишки Снегири.

...Небо необъятное над нами.
Светлая, скорбящая страна.
В тихом городке под облаками
До сих пор клокочут турмана.

Плакала корова

(Быль)

Шел сорок третий. Немцы, отступая,
Жгли городок. И к нам беда вот-вот.
Дед вывел коровенку из сарая
И бросил за садами: пусть живет...

Замкнулось небо. Пламя озверело.
Рванулись в погреб все снега зимы.
В саду корова — Манечка ревела,
Ей было страшно, как горели мы.

А утром двор был пуст, чужой, пригашен.
Не верилось пустынной тишине.
И вдруг— разведка. "Наши! Наши!! Наши!!!"
Хлеб-соль! Хлеб-соль! Все сгнуло в огне.

И мать доила Маню спозаранку:
"Ах, милая, родная, выручай!"
Она ласкала Манечку-белянку,
Она молила хоть бы каплю в банку,
Тянула вымя, мяла сгоряча.

И Манечка дыхнула в наши лица,
Переступила, глянула в глаза.
И на ее белесую ресницу
Вдруг выкатилась крупная слеза.

Созрела, подержалась и упала
На черный снег, на обожженный снег.
Она, корова, что-то понимала,
Она, корова, от войны устала,
Она, корова, плакала за всех,

...Идут года. Непраздно и сурово.
Смотрю живущим, как себе, в глаза.
Но вспомнится, как плакала корова,
На самого накрутится слеза.

Наш дом

Враг отошел, оставив пепелища.
Труба да печь, да дым над головой.
Еще война, еще осколки свищут,
Но надо жить и воевать с бедой.

Из блиндажа бревнину на бревнину
Не приподнять, как отощали мы.
Нам эту вот дубовую тесину
В простенок уложить бы до зимы.

До холодов, до школы — вот задача!
Мне в первый класс, и я уже большой.
Мать, бабушка и я /такая кляча!/
Везем свой воз — не силой, а душой.

Да эту кладь не вывезла б и лошадь!
Но лошадь что, она не человек.
Не довоенный — чуточку поплосе,
Да вот живем, на крышу валит снег...

Когда стихи о снежной той пороше
Впервые, так волнуясь, я писал,
Подумалось, какой же он хороший,
Наш дом, что сам возил, рубил, тесал.

"Память Мити"

По лесам, по полям, по дорогам,
На ходу, под грозой, при костре
Если я и молюсь, то, ей-богу,
Деревцу где-нибудь на бугре.

Потяну проводок перемятый,
Синеватый такой проводок.
Здесь присыпало бомбой солдата:
Вот и каска, а вот котелок.

Вдруг на ложке поблеклой, смотрите,
Из царапин возникнут слова:
«Край Алтайский, Залесский район. Память Мити».
Слышишь, мать его, если жива?..

Видишь, Митя, а все же записку
Прочитали мы эту твою.
И строкой ты прилег к обелиску.
Дай-то, боже, последним в бою.

Елисеевское поле

Рядовому Василию Елисееву

Пахали поле, выпавав останки
Солдата, погребенного войной.
Дрожали письма на руках крестьянских —
Полуистлели, сделались трухой.

И все же имя это сохранили:
«Был Елисеев... восемнадцать лет...»
На нем же рожь могучую косили,
В любви встречали не один рассвет.

Скорби же, Елисейское поле,
Простреленная русская земля!
Не будь тебя, еще какой бы доли
Хлебнули Елисейские поля!

Хрупкое светило

А годы и раннее, и туже.
За горло держит, кажется, любой.
Любимая! Когда весь мир настужен,
Мне так тепло, мне хорошо с тобой...

Нас продержали столько в черном теле,
Как говорят, последствия войны.
Хотя за все разрухи и потери
На нас, детишках, не было вины.

Мы недоели, нас недолюбили.
Закон гласил, закон всегда хорош.
За колосок, мной поднятый из пыли,
И до сих пор меня бросает в дрожь.

А сколько мальчишки недожили!
Давили нас рвачи и подлецы,
И заступались дядечки чужие,
А лучше бы погибшие отцы.

А лучше бы те самые, которым
Судьбу сломали на урок другим.
А мы никак о правде недоспорим,
Не перестроим, не перекроим...

И вот иду размытою дорогой –
Вдали от детства, от войны вблизи.
Когда б не ты, не Родина, ей-богу,
Так бы и сгинул где-нибудь в грязи.

Ты красишь осень, хрупкое светило,
И ливням красок осени не смыть.
Не говори, что между нами было,
Скажи, чему еще меж нами быть.

"Милые, милые..."

Русским женщинам

Наши мамы когда-то копали поля,
Поднимали лопатой Россию дернистую.
Было им, нашим мамам, не до соловья,
Что сейчас имена их над ухом высвистывал.

Дарья из-под Прилеп, Катя — хата с конца,
Ольга, какой уже нет, и Ариша Калымова...
Я колена считал у него, стервеца,
Как он бил, разорялся в заросце малиновой!

Отцветали сады. И, горланя за двух,
Дожигая сады эти, белые, стылые,
Соловей вдруг сказал:
"Милый друг, милый друг".
Повторил еще явственней: "Милые, милые"

Утренняя зорька

От дома до Зорьки —
Шесть километров.
Шесть месяцев шли к ней
По сантиметру.
Шесть месяцев поле
Собой устилали,
Шесть месяцев душу
Атаки терзали,

А мы на рыбалку
Сюда на рассвете,
Бывало, бежали —
Счастливые дети.
И не замечали
Всех тех километров.
Какие слагаются
Из сантиметров.

Какие берутся
По сантиметру,
До Утренней Зорьки
Все шесть километров.
Мы цену земле
Только тут и узнали.
Когда на траве
Прилегли и... лежали.

"Каховка"

Круча над синей Окой,
До Луны подать рукой.
Вон куда Орел
Залетел, забрел,
Все мы хороши под Луной.

Мчатся тачанки мои,
Падают люди свои.
Девушку в шинель
Кутает апрель.
Все у нас бои да бои...

Берег седой от волны,
Лики - от бликов Луны.
Город мой Орел

Тишину обрел.
Все не выйдем мы из войны.

Белые шары

Мы — антики. Мы — те, в кого играют.
Мы на бильярде белые шары.
Все кием бьют, все в лузу забивают, —
Антимиры, анtimiры.

Кий в щепки,- на мельчайшие осколки.
Кричат, а виноваты, мол, шары.
И втихаря "чужих" снимают с полки, —
Антимиры, анtimiры.

Мой антимир! За что деремся, братцы?
Каков ударчик — редкостной красы!
"Ах, боже мой, как хочется стреляться
Среди березок средней полосы".

Пусть кию — киево, бильярдово — бильярду.
Мой Кантемир! Мы в бурном море книг,
Как на сукне зеленом этот миг,
В кругу шаров, звено в цепи интриг.
Чтоб черный шар не смели кинуть барду,
К бильярду, господа,
К бильярду!

Калитка

Сергею Есенину

Временем засвеченные свитки.
Слово вечно. Влито. Из огня.
К деревянной ссохшейся калитке
Стежка ловко вывела меня.

Вот она, Рязанщина, Россия!
Явь поэта, вороженья миг.
Ничего на свете нет красивей,
Выстраданней в нежностях моих.

Опадает в хне послеосенней
Знак беды, отчаянный порыв.
Свой большак торил сюда Есенин
И упал, калитку не закрыл.

Упаду и я в калитку косо.
Как звезда полыни ни горька,
К этим константиновским откосам
Катит и мои "кюри" Ока.

Зеленые глаза

(песня)

Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?
Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача.
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.
Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой поэт.
Не покидай меня, моя удача!
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу.
Приходит ночь – и это не беда.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!

Черная вуаль

(песня)

Уж не залется Россия гармониями,
Как-то по-дикому кычет сова.
Все прокутили мы, все проворонили,
Опустошили святые слова.

Было ль бывшее да жили иль не жили?
В прошлом какой-то кровавый туман.
Как же себя мы иллюзией нежили,
Как на сплошной попадались обман.

Как нас на Север свозили вагонами,
Как по теплушкам сгорали дотла...
Вот за такими стальными прогонами
Дама пиковая вкось и легла...

Так и останусь, наверное, в меченых.
На ночь опять же разводят мосты,
Снова калечат уже покалеченных:
Кто-то — в Париж, а кого-то — в Кресты.

Силы небесные душу рисковую
Розгами молний секут пополам.
Синими брызгами даму пиковую —
Вас, как в шампанском, купают, мадам!

Круглая-круглая, — от постороннего
Черной вуалью укрыта луна.
Все прокутили да все проворонили.
А ведь Россия, простите, одна!

Эполеты

И жив, и вот в себе уверен,
Хоть пулей сбило эполет.
Недоубит, недорасстрелян,
Недораспят, недораздет.

Мой парус. Белый, одинокий.
Мой берег. Дальний, роковой.
И что ему все ваши склоки,
Ваш этот табор гробовой?

Опять стрельба, опять погони,
Опять умельцы на коне?
Куда несутся ваши кони,
Кого вы ставите к стене?

Под завершение перестройки
Несовершенных изначал
По ком стенают ваши тройки —
Иезуитский трибунал?

Ревущие тридцать седьмые!
Довольно стены кровью мыть.
По плахе мерить наши выи,
Через колено нас ломить...

Когда срывают эполеты,
Подозревают или нет,
Но производят нас в поэты.

Когда кипишь, когда поэт, —
Хорош и так, без эполет!

Пиастры

Кропал в поту лица стихи.
Как в тике, дергал шеей нервно.
Кричал себе, жене, другим:
— Шедевры создаем, шедевры!

Иначе просто жить зачем?..
И попугай зелено-красный
Поэту вторил на плече:
— Пиастры делаем, пиастры!

Так жизнь прошла. Он понял то
Уже в постели, умирая.
Кто был поэт, а умный кто,
Держал его за попугая?

Мой этот стих — из самых первых
Поэт, пиастры заодно,
Пора понять, что все шедевры
Уже написаны давно.

Шагреновая кожа

(песня)

Страдаю, как уходят дни.
Как пролетает Время, боже!
Все до минуты, все они —
Моя шагреновая кожа.

Найти слова, свои слова,
Без них мир просто невозможен.
Пока она еще жива —
Моя шагреновая кожа.

По дню за строчку? Вот я, на!
Режь по живому, сколько можешь!
И сокращается она —
Моя шагреновая кожа.

А ведь единственна, одна.
Уже с ладонь, а дышит все же.
И в этом вся она, она —
Моя шагреновая кожа.

Лох-несс

(песня)

Мелькнет и исчезнет удача твоя,
Как спинка Лох-несс, как морская змея.
Мелькнет и исчезнет на озере том,
А тайна останется. Дело не в том,

А дело, а дело совсем ведь не в том,
Что кто-то кого-то ударил кнутом.
Не в том, что на место какое-то сел,
А в том, что Лох-несс от души пожалел.

Подводная лодка или батискаф,
Пусть «белые пятна» останутся, граф.
Пусть чудеса морские в озерах живут,
Пусть тайны мирские зовут и зовут.

Двойники

(песня)

Надо мною проплывают облака.
Это длится уже годы и века.
Жил когда-то Брейгель-старший,
Я - братишка его младший,
Я- двойник его, на мне его рука.

Наши годы коротки и велики.
Я узнал, что существуют двойники.
В той же Бельгии когда-то
Жил художник, вроде я там
Делал маслом свои первые мазки.

Надо мною проплывают облака.
Воплощаются в меня мои века.
Я пою, а Брейгель-старший
Мне нашептывает марши,
Все слова живописует свысока.

Хорошо, что существуют двойники.
Поживем, хотя и годы коротки.
Где ты, мой братишка младший,
На сонет мой, чуть увядший,
Ты положишь свои свежие венки.

Прощание с Киевом

(песня)

Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация,
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено все.
- О, это различие в нациях!
Вы, русские, странны, мусье!

Над Киевом чайки кричали
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах.
Подрагивала паутинка
В ее пикардийских глазах.

Вот так и стоит предо мною
С цветами, как огненный флаг...
Прощается Киев со мною,
В ее утопая руках.

Три сестры

(песня)

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Если вдаль ведет тебя Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от всех своих тревог.
Если Верой держится Любовь,
Значит, ты, мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал в пути и занемог.
Но живет Надеждою Любовь,
Значит, ты мой друг, не одинок.

Путник ты, и я всегда с тобой.
Ты устал от тягот и дорог.
Три сестры сжимают посох твой,
Значит, ты мой друг, не одинок.

Дорогие мои, любимые

Когда с войны вернулся муж без ног
И стыла кровь, вытягивая жилы,

Свой «самовар» таскала за порог,
Копала после братские могилы.

Рожала, что ж, и от чужих мужей.
Согласно, что ли, бабьему здоровью,
Платя за похоть чьих-то миражей
Своею плотью и своею кровью.

Вот и сейчас отстаивает род,
В великих муках сыновей рожая,
Пока опять какой-нибудь урод
Не выкосит в доме пол-урожая.

И без войны, сверкая и свистя,
Коса гуляет по откосам узким.
И редко где народится дитя,
И жутко-жутко всем нам, людям русским...

И все равно с такими мы пройдем –
О Русь моя! - пути непроходимые,
Вы - дорогие, вы – мои любимые,
Вы – женщины, с которыми живем!

Моей матери

Марии Герасимовне.

Сойдут ли воды вешние по льдине,
Прогомонят ли клинья журавлей,
Останусь скоро, как Христос в пустыне,
Один-один, без матери моей.

Уж дух ее на небесах витает,
Туда за ней влекусь душой и я.
Оно спешит – перо мое, летает.
Боюсь, что мать уже не прочтает,
Как не прочтут ушедшие друзья.

Я сын ее! Переживали вместе,
Святую Русь стараясь воздымать.
Боюсь, исторгну звук, а целой песни,
А песни всей уж не услышит мать.

Мое завещание

Спасибо, край мой, вы – родные люди,
Что научили петь и говорить.
Пока мы есть, пока мы с вами будем,
Не перервется золотая нить.

Вот слушаю, как плещет Орлик вешне,
Вот Михаил – Архангел впереди,
А вижу вас, а слышу ваши песни,
А сердце ваше у меня в груди.

Пою о вас, о вашей я свободе, -
В жестокий век пришел и говорю!
О красоте, о совести в народе, -
Вот мои боги, их боготворю.

Спасибо край мой, вы – родные люди,
Что научили голову держать!
Пока мы есть, пока мы с вами будем,
Жива и Русь моя, Россия-мать.

Я вам, родные, слово завещаю –
Оно от вас, от солнца, от травы.
Простите, если что... я вам прощаю...
Мой памятник навечно – это вы!

Страны света

То ли к Орлу сбегаются дороги.
То ль, разбегаясь, образуют крест.

На Юг и Север – где поныне боги,
А на Восток и Запад – Зюйд и Вест.

Где Солнце всходит, где оно садится.
С Востока – утро, а на Запад – ночь.
На Севере – Москва у нас, столица,
Наш «Третий Рим», - четвертый, пятый прочь!

Кремль златоглавый, патриарх российский.
На Юге где-то Иерусалим...
Вот так тут и живем. Теперь сосиски
Давно полузабытые едим.

«Все флаги в гости», - к нам везут товары.
И под хмельком – «все флаги из гостей».
Кто там сказал, что он, Орел наш, старый?
Старинный он, и никаких гвоздей!

Нам повезет! На эти страны света
Нацелены орлиные крыла.
Орел летит! Счастливая примета,
И мы на этих крыльях у Орла.

Моя Орлея

Опять Орел мой – город приграничный.
Вновь до границы, как рукой подать.
... Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на кромку направил рать.

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, ее венцы.
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрельцы.

Гнездо орла на «стрелке», на дубице...
С тех самых пор легенда и живет,
Как где-то тут гнездились и гнездится
С орлом орлея, на слияньи вод.

Истокам, что в Оку века впадали,
Окрестностям из городов и сел
«Орлеи» летописцы имя дали.
И только крепость (царь сказал) – «Орел»!

...Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
Встаем стеною насмерть за нее.
Трубят веками наш Орел с Орлеей
Российское, орловское, мое!

В первопрестольной – в облике державы
Опять мой город сам себя обрел.
Российский герб - он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках - и наш родной Орел!

Гляжу, как солнце виснет чечевично
И дальше западает за кромку.
Опять Орел мой – город пограничный,
Проходит грань по сердце моему.

Гнездо на «стрелке». Вечер пламенится.
И клекот орлий где-то за Окой.
А тут – Орел, а там у нас – столица,
И много-много неба над Окой.

Старый рынок

...Мы – поэты с реки, вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.

Уж не помню, когда ел я те шашлыки,
Спал по крышей, а не у причала.

Но как только весна, только вздрогнет блесна,
Вижу - Солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи – раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь!

Библиотека имени Бунина

Когда всюду цветет сирень
И зелено кругом,
Сюда вхожу я каждый день,
В высокий этот дом.

Какой бы ворон ни кружил,
Ни угрожала тьма,
Сюда иду набраться сил
И, может быть, ума.

Да, я иду набраться сил!
И плача, и любя,
Здесь, в окружении светил,
Я прихожу в себя.

Да, в окружении светил!
Да, к их живой судьбе
Я прихожу набраться сил,
Я прихожу к себе.

У храма Михаила-архангела

От жизни современной сатанея,
Все бы ломать нам, все бы в непокой.
Но вот стоишь, от радости немея,
Вот Михаил – Архангел пред тобой.

Пол куполами тянет к высоте,
Уводят в небо певчие скрижали.
И через шпиль приводят к Красоте –
В надзвездные святые вертикали.

В бездонных сферах сгинут злые сны,
Враги помрут, перебесятся бесы...
Ходите в храмы, граждане страны, -
Вот где с подкорки убирают стрессы!

Фантазии Оки

Душа в любви опять растворена.
Предчувствую то жуткое мгновенье,
Когда из недр покажется Луна
И все изменит, приведет в движенье.

Иду высоким берегом Оки,
А мне навстречу белый-белый лебедь,
А вслед за ним и черный-черный лебедь, -
К чему эти фантазии Оки?

Они, эти фантазии, без меры.
Два лебедя заплыли за барьеры,
Два лебедя качаются Луной.
Волной. Одной.
Одной-одной волной.

Ты – лебедь белая, ты – лебедь очень белая
И черный-черный-черный лебедь мой...

И ничего с собой на поделаю,
Когда один стою перед Луной.

Шутка про Оку

Два друга решили в задоре,
Подвыпив, пожалуй, слегка:
Не Волга впадает в Каспийское море,
Не в Волгу впадает Ока.

Мощнее Ока на просторе,
Могуча у устья река.
И, если подумать, в Каспийское море,
Выходит, впадает Ока.

Над Русью стоит, как в дозоре,
Былинная эта река!
Но Волга впадает в Каспийское море,
А в Волгу впадает Ока.

Кто выдумал сей априори?
Не верьте, друзья, шутнику.
Не Волга впадает в Каспийское море,
А море впадает в Оку!

Дорога к Мурашихе

Мы идем к Мурашихе.
Дорога знакома.
То вильнет за торфяник,
То втянется в лес.
Вон теперь ты какой!
А, бывало, у дома,
Сын, тебя поднимал я
До самых небес.

И сажал я на шею -
Комок щебетавший.

Ножки в руки. Сиди же,
Худой мой горшок!
Мне по белой рубахе
Пролился однажды
Теплый дождь, желтый дождь.
Столько лил, сколько мог.

Не беда, что испорчена
Ливнем рубаха.
Что тебя, мой малыш,
Из травы не видать.
Это божья роса,
Тучка от Мономаха,
Это голос небес, -
Благодать, благодать.

Знал таких, что потом,
Через годы, сменили
Цвет своих мурашихинских
Русых волос...
Как ни кляли бы нас,
Что бы нам ни сулили,
Сын мой! Помни,
Что с неба
На нас пролилось.

Сыну

/надпись на "Морской энциклопедии"/

Да будет шторм, да будут льдины,
Грядут страдания земли.
Лишь настоящие мужчины
На цель выводят корабли.

За это, сын, не жди медалей.
Ведь одинаково везде

"Грехи нам пишут на металле,
Заслуги чертят на воде".

Мужество

Великим Северным путем
Брел караван, вошел в азарт.
Горящим снегом, жарким льдом
Сверлило лезвия-глаза.

И берег вроде был нелеп,
И руль казался непокорным.
И рулевой вдруг крикнул: "Кэп!
По курсу Солнце вижу черным!"

И капитан, всегда угрюм,
Вспылил впервые: "Сто чертей!
Другую вахту! Эту — в трюм!
Держать подольше в темноте!"

И перед тем, как им уйти.
Сказал, и сам бледнее мела:
"Запомни, парень, только белым
Оно бывает на пути".

Степняки

Степняки — мы с мальчишества бредим о море,
Нас пьянит голубой океан.
Стану волком морским — загремлю на моторе,
На ветру просолен и багрян.

За селедкой — к Канаде посудину водим.
За акулой — гоняться не лень.
А еще говорят, почему, мол, уходит
Молодежь из своих деревень?

А еще говорят, почему она бродит,
Где все пенится, тайны суля?
На большой голубой, океанской свободе
Нет желаннее слова "земля!"

И еще говорят, примечая в народе,
Дай года переступят межень,
С головой непокрытою все мы приходим
К тихим речкам своих деревень.

Алешня

Алешня в пойме, травяной настой.
Страна раkit в березовом краю.
Купался тут когда-то Лев Толстой,
И я в воде по самую шлею.

Я – русский конь в упряжке ременной.
Воз с переметом затянуло в речку.
Какой там пряник, кнут вневременной!
Как дернут – оборвут, боюсь, уздечку.

Боюсь сорваться сердцем от любви,
В синяевских туманах заблудиться.
Пока мы живы, Бога не гневи!
Пока мы тут, что нам Босфор и Ницца!

По всей Алешне от берез светло.
По всей долине тянется туман.
Неси, Алешня, рук моих тепло
В огромный Ледовитый океан.

«Журавли колесом!»

(осенний вальс)

В.Д.

Две березы за хатой моей деревенской.
Шорох жоравлей с неба, золоченые синь-купола.
Осень-осень в сторонushке нашей амченской,
Что-то жуткое в этом концерте-гала.
Всего семеро в нити, перетянутой кликом,
Так печально летят над моей головой.
А, бывалыча, клином проходят великим,
Оглашая окрест серебро над молвой.
«Журавли колесом!» - им вослед тут кричали,
Возвращая обратно, проявляя желанье и пыл.
Ведь кого-то встречали и кого-то венчали.
Кто-то где-то кого-то когда-то любил.
Что случилось? Кто выпал из мистерии клина?
Завернулась струна острым в сердце мое.
Не катит колесо, как бывалыча, длинно,
Да и кратко уже откатило свое.
Две березы за хатой моей деревенской,
Ледяные, стоят, в чем их матушка Русь родила.
Вот уже и декабрь в этой теме осенней амченской.
Серебро на висках в этом жутком концерте-гала.

Яблочный спас

Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук...
Яблоки падают, падают сами.
Где-то поблизости дятел стучит.
Малоархангельск живет голосами,
Материн сад в моем сердце звучит.
Звуки немерены. Звезды бездонны, -
Преображаются в Яблочный Спас.
Где-то в Осетии падают бомбы.
Что же ты, Спас, тишину там не спас?

Ежик по яблоку носит, по ноте
В песню про август, про Яблочный Спас.
Век двадцать первый. Весь мир мироточит,
Преображенными делает нас.
Яблоки, яблоки падают в осень.
Трель мимолетную дятел строчит.
В Малоархангельске с облака впросинь
Песня дождя все смелее звучит.
Тук-тук, тук-тук,
Тук-тук, тук-тук...

Глаголы

Слова, слова, а нужно лишь одно.
Свое на вес, на цвет, на вкус и запах.
В строку улечься, в ритм войти должно —
Пружинистое, как сердечный клапан.

Твой дом — слова. Твои слова — дома.
Ты в них живешь. Имей такую смелость,
Так обживай дома свои — тома,
Бездомным чтоб войти сюда хотелось.

В грозу любую эта крыша — их,
Твои дома — людское достоянье.
Когда к тебе приходит проза, стих,
Ведь это ты молчать не в состоянье.

Глаголь же, совесть! Плавь родную речь!
Цели и рань, вставай и падай снова.
Хоть каждый день клади себя на меч,
Чтоб остро было, живо было слово.

БЫЛОЕ - ДВА

(Труба и лира)

Родина

И океан над нею вспенится,
Комета ахнет в тишине,
Но никуда она не денется,
А потому что вся во мне.

«Слово о полку...»

Язычник я, во мне такая вера.
Не та, что укрощала нас потом,
А та, что, ярясь, дикая, горела
Во всем славянском облике моем.

Я небо пел, я поклонялся травам.
Врагам открыто слал: "Иду на вы!"
Моя единокровная держава
Была по мне дороже головы.

Я славил Русь, ее прямые речи.
Свой дух сверял со "Словом о полку..."
Зачем же врать, дни кратки человечьи,
А мы всего видали навеку.

А "Слово" в каждом пробуждало силы,
Из нас великий делало народ.
Стоять стеной, выстаивать учило
Под натиском разноплеменных орд.

А "Слово" с каждым было откровенно,
Вон князь и тот в час гибельный не врет.
Звезда-полынь, пророчество из тлена,
Она висит и смертью отдает...

И вот, века от пыли отряхая,
Себя я числю в родословной той,
В своем полку, пусть, может быть, и с краю,
Но веры очистительной одной.

Вече

Похвалялись своею вольностью,
Перед теми, где дух извели.
Козыряли заплатой, как доблесты
Пропивая свои рубли.

Видно, думалось быть веки вечные
Вече названо так неспроста.
Дрались партии поперечные —
Тугомошные и беднота.

Спины колом друг другу гладили.
Кровью харкали на снегу.
Мировую всеобщую ладили
Тут же, прямо на берегу.

Так гремел берег Волохова вечами,
Где дела обмозговывал сход,
Нищebroдам своим обеспечивая
Выход мелких словес и свобод.

Сарматы

Сарматы кочевали по степям —
Сыны ветров нечесаны, лохматы.
Гоняли дроф, копытили бурьян,
Пасли коней,— на то они сарматы.

Сидели вечерами у костра.
Огонь им красил бронзовые лица.

И мысль была упруга и густа,
Как молоко в жеребой кобылице.

Там — за степями — холод, злоба, тьма.
Все плохо, что сармату непонятно.
А где-то уже строили дома,
Трубу вели на солнечные пятна.

А где-то возвеличивали трон,
Кого-то фараонами венчали.
И подданные, тужась испокон,
Златые троны спинами качали.

А тут шумел-тревожил синий лес.
В нем, топком, племя русских и бесстрашных
Не боги, не сошедшие с небес,
Но верят в солнце, пашут свои пашни.

Крепки, как кречет. Кратки, как скакун.
Такого близко видеть лучше мертвым.
Сидит сармат — нетесанный валун,
Седой курган, задумчивый и гордый,

Весь свой ковыльный озирает путь.
Горел костер. Варились жеребята.
Сармат ладони жирные о грудь
Отер, вздохнул — на то они сарматы.

Дрожала степь от криков и телег.
Жила, жестоким полымем объята.
Ему свое казалось лучше всех,
И только пыль осталась от сармата.

И лишь курган. В кургане грозный трон,
Охранное оружие из стали.

И, мертвый, правил мумиями он,
Пока живые прах не раскопали.

Потом в себя уставясь, как в чурбан,
Вновь над курганом возведут курган,
И, хоть отковылились ковыли,
Сарматами все тянет из земли.
Все тени кровь кипучую тревожат,
То бросят вскачь, то тут же и стреножат.

Вятчи

Как от молнии вздрогнет, очистится сердце, —
Упадет в людях слово, аж пыль зазвенит
Где-нибудь в электричке, автобусе сельском, —
И всего откровеньем тебя озарит.

Языкает мужичишка, язычник с рожденья.
Непритоптанной речью возвысится вдруг.
Тут жуешь, как с ножа. Тут живешь с его тени.
Он мне Вятко, он вятич, соратник и друг.

Оба вятчи мы, оба древнего рода,
С побережий Оки, их языческий грех.
И в обоих хранима кровинка народа,
Что кострища свои сберегал дольше всех.

И, когда на коне, очеканенный, мерный,
Киев стольный явился с мечом и крестом.
Он цеплялся, мой край, за обломки той веры,
Что была рождена не на месте пустом.

И приходит весна. И играют веснянки.
Вновь по душу живую гремит соловей.
Соловей, соловейко! Сиж у дуплянки,
Под могучую песнь поджидаю людей.

Я иду с ними в ногу по вещей дороге.
Я глотаю слова из травы, из огня.
Помогите же мне, наши первые боги,
От беспамятства дней оградите меня.

Проведите, промерьте широкою степью.
По Руси молодой расстелите платком.
Расстелюсь, обновлюсь этой великолепью
И уйду, и уйду далеко-далеко.

Вот с родней и роднюсь, что забыть не сумели
Свое древо, пракорень в заветном краю.
Соловей из лесной, из разбойной артели.
Мой языческий дух, — грянь октаву свою!

Златокипящая

Еще глотает кочи именитые
Морская хлябь, заторы - упыри.
Еще ведут, отпетые и битые,
Сюда сынов отцы - поводыри.

Еще сшивают в песню древодеи
Искусный храм без одного гвоздя.
А торг гремит! Гульба на Мангазее!
Собольи шубы пухнут от дождя.

В морщинах водных движутся к посадку
Со свежей олениной челноки.
Уж кто-то там стремится булат в засаду
И узким глазом вертит вдоль реки.

Река, что ключ от тундры-ворожеи.
Пытай себя в неведомом краю.
Дай счастья своим детям, Мангазея,
Во всю Сибирь великую твою!

Такая ширь! Какие клали силы,
Чтоб все это постигнуть и объять!
Сюда, к свободе, из глубин России
Катилась человеческая рать.

На Карском море вымерло селенье,
Над Черным морем выцвела звезда.
Сегодня извлекаем из забвенья
Построенные прежде города.

И, возводя опять, живородящая,
Пошто скликаешь нас со всей страны
Ты, Мангазея, ты, златокипящая, —
Утраченное чудо старины?

В степи

Подсолнух клевали небесные пташки:
В макушку, в макушку его!
Князь Игорь о Ладе гадал по ромашке,
Ведь князь, насулила всего.

Бобровые рощи, медовые реки,
Младенчество древних племен.
Родная, ковыльная степь в человеке
Еще с дотатарских времен.

Легенда к легенде, ромашка к ромашке.
Медами текут по устам.
Подальше от князя, веселые пташки,
Поближе, проказницы, к нам!

Половецкие краски

Полегли, полегли молодцы,
А кругом, а кругом половцы.
Гей ты, кострище! Греются тыщи.
Стелятся ковыли ветрами до земли

А в шатрах, а в шатрах — девушки.
Где вы, стены родные, вы, стенишки?
Гей ты, кострище!
Томятся тыщи.
Спрятан в платье кинжал,
Он свое полежал.
Время настанет — кровь еще грянет.

На коней, на коней, — пленницы!
По степи, по степи, — девицы!
Гей ты, кострище!
Вспыхнуло, свищет.

Ухватила коня,
Улетела звеня,
К северу с ветром.
Гонятся — где там.

Иван Калита

Всю жизнь собирал князь московский деньжонки.
Весь век крохоборил — в мешок их, в поддон.
Потом, от греха, поцелует иконки
И, глядь, в Золотую Орду на поклон.

Червонец с торговли, рублишко со смерда,
Копейка с лохмотьев, алтын на крови.
Слова ему в спину: "Русь-матушку предал!"
Все стерпишь, все сдюжишь, дави не дави.

Получит ярлык на княженье и снова
Пройдется с мешком по "дымам", — хорошо!
Шепнет лишь, а это для дела святого...
Крест сымешь последний, а как же еще?

Последний семишник, последнюю гривну.
Кусок от себя оторвешь, недоешь.
А он от жены утаит половину.
В казне залатает державную брешь.

От глаза в сторонке прикупит землицы,
Княжат густопсовых приблизит деньгой.
И вот до Орды протянулись границы,
И хану уж надо считаться с Москвой.

Известно, какая сегодня погода:
И дождь бесконечен, и все суета.
И как тут не вспомнится щедрость народа
И наш собиратель Иван Калита.

Поле Куликово

Они сошлись на поле — рать и тать,
Святое дело и глухая сила.
Конь Пересвета бел, как с горя мать.
Конь Челубея черен, как могила.

Перед рядами шлемов и кольчуг.
Перед ордой и тут, перед дружиной,
Кто из двоих сейчас испустит дух?
Кто на коне, кто под конем, — вражина!

И пали оба — витязь и батыр,
Полынь едва над ними покачнулась.
По лисьим шапкам сыпалась в такыр
Вся косоглазость и широкоскулость.

Мамай прошел, Мамай ушел, и нет —
Побитый хан, ничтожество-воитель.
И кляли тех, что жаждали побед.
И кланялись тому, кто победитель.

На девяти холмах

(Болхов)

Весь деревянный, храмовый, трезвонный, —
Его не раз дотла стирал огонь.
Сакмой привычной, степью опьяненный
Табунный набегал монгольский конь.

И вот опять слились людские реки
И воды Нугря выпили до дна.
Разъял великий хан тугие веки:
"Где этот град, ну, дикая страна!

Где крепость с валом, ни стены, ни улиц.
Он провалился, что ли, этот град?"
И меч воткнул, и дали содрогнулись
И, гулкие, ударили в набат.

Гудел, громада, колокол зарытый
Из-под горы, где Оптин монастырь.
На зов его сбегался люд сердитый.
В одной — коса, в другой руке — псалтырь.

Земля, двоясь, холмилась под ногами.
Взмолился хан: "О, небо! О, алла!
Тут заодно с шайтаном каждый камень.
Лети-лети назад, моя стрела!"

И дал отбой. И каркали вороны,
Что в этот раз поживу увели.
А звоны жили, к Богу звали звоны
И подымали град из-под земли.

...Пока колокола во глубине.
Земля всегда на нашей стороне.

Шапка Мономаха

Десять ей — по соболя ходили,
Сто ей — злато рыли меж долин,
Тысячу ей — бриллиант гранили,
Остальные — сканью серебрили.
Нить сучили, нитью этой шили,
Словно храм всем миром возводили.
А держал на голове один.
Глянешь — сердце упадет со страха:
Тяжела ты, шапка Мономаха!

О Русская земля!

В небе, в небе – широкие крылья!
В синем, в синем – глаза-угли!
Я – орел, птица – царь, орлы мы
Над серединной Русской земли.

О Русская земля! Ты уже до холма.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко летим, нету мочи –
Стали дороги короче.

А ведь до Крыма вели – уводили.
А ведь до Крыма была крома.

Но с пятак уже мы, как и были.
Над пятаком и грома, грома.

О Русская земля! Ты уже до холма.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко летим, нету мочи –
Стали дороги короче.

Взвейся! Чтоб в небе Орла удержало.
Взъярся! Чтоб солнце Орлят нарожало.
Чтобы нас боги несли и несли
Над просторами Русской земли!

Степная лава

Господь! Спасибо за Любовь,
За Веру и Надежду.
А то ведь сломана не бровь
Есенину невеждой.

Срывали сердце у меня,
И до сих пор срывают.
И за подковы у коня
Никто не отвечает.

Пусты кусты. Глаза в окне.
По розовым стезям
Летим на розовом коне,
Стихию славим дням.

По гриве моего коня
Стелись, степная лава!
Держись поцепче за меня, -
А за кого ж, держава!

Плещаница

Примерю плещаницу и – молчу.
Лечу, свободный в мыслях, улетаю.
Ключи свои я к Небу подбираю,
В полотна заключения хочу.

Белое на черном, черное на белом, -
Плещаница где-то в промежутке.
Как могла фотогеничность тела
В очертаньях отразиться жутких?

Материя и Дух. Вот веришь, а не верится.
Страдая, уходил на Небо Бог.
И в том, что был, мог всяк удостовериться,

На холст в изнеможении прилег.
Пока тот холст на полдороге тлел,
Лик Леонардо и запечатлел.

* * *

Владыко, нас обереги,
Дай нам свой оберег.
А мы передадим другим
Твой горний свет, твой брег.

Алмаз – красавец к серебрам,
И чернь к нему на треть.
Все люди сходятся во храм,
Чтоб только посмотреть.

Чтоб Красотой, что у него,
Сплотиться в редкий час.
Ведь и алмаз, и чернь его

Священны тут для нас.
Владыко, людям помощи,
И оберег побереги.

Чаша Грааля

*Pro aris et focis –
В защиту алтарей и очагов.*

Из латыни.

Изгоняли из рая самого Люцифера,
И упал изумруд с головы на траву.
Кто-то выточил чашу – служи, полусфера,
Питию и веселью, роду и-ро-до-ву!

И стояла пред всеми высокая чаша,
И Граалем святым нарекли ее дно.
И на вечере тайной, молитвы шабаша,
Сам Христос из нее пил золотое вино.

И, пригубив едва из небесного камня,
В кубке кубков ловя отражения звезд,
О мессии, любви говорил очень странно,
Кой-кому не по сердцу такое пришлось.

А затем в изумруды Грааля сливали
Кровь густую распятого миром Христа.
И на Небо Грааль силы духа призывали,
К двери Веры с небес уж пришла Красота.

Люди пили из чаши и - передавали.
Из рук в руки ту чашу и - передают.
И на дне Красоту у Грааля искали.
И все ищут и ищут, да пьют все и пьют.

С той поры эта чаша – священников, магов,
Чей-то ангел-хранитель, зеленый вулкан.

Это в камне Космической Матери влага,
Мост такой нам на Небо божественный дан.

Страсти по Леонарду

Всю жизнь живу, чего-то все не так.
Хожу по острию, один, под Богом.
Скажу – не то, не тот пошел большак.
Иду, как все, не по своим дорогам.

«Фамилию смени», - мне говорили.
Сменили имя при крещеньи в церкви.
Не те колокола в меня лупили,
Не те эффекты были и померкли.

Мой дед – Иосиф, мать моя – Мария,
И я их сын, внук божий – Леонардо.
Что ни скажи, чего ни говори я,
А все им не божественно у барда.

Не те холмы, зеленые отчасти,
И Русь не та, не ту носи кокарду.
Мой только голос под гитару, страсти,
Страданья, по душе, по Леонарду.

Всю жизнь не фарисействую, ей богу.
Сказать под них – опять не тот большак.
Улыбок мало, утеснений много,
Как по душе проехал «кадиллак».

Однако боги рыжим помогают,
Уж сколько раз пытались мне помочь.
Ходи, ходи – по лезвию, по краю,
Блуди, неуправляемая ночь!

4 апреля 2004г.

Пояс Богородицы

(моя авторская песня об Оке)

Начинается с кружки, кончается морем

Среднерусская эта река.

Опоясав Орел, течет на просторе

Богородицы пояс – синеокая наша Ока.

Глазастая, под ивами, березками.

В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.

До Волги, ой, сторонка глазуновская,

Окою просияла по Руси.

Былинная, таланная, желанная,

Дай хоровод затеем, заведем.

Расстелемся, как скатерть самобраная,

По берегу к Есенину пойдем.

Размахнись, наша песня широкая!

Подмигни, уведи в окоем!

Мы живем тут, моя синеокая

Открывается этим ключом.

Глазастая, под ивами, березками.

В туманах трав – хоть пей с них, хоть коси.

До Нижнего сторонка глазуновская

Окою просияла по Руси.

До Волги, ой, сторонка глазуновская

Окою просияла по Руси.

Начинается с поля, с зернинки на севе,

И на Солнце, на Солнце стремится поток.

Все реки России на Юг и на Север,

И только, и только, и только Ока поперек.

Богородицы пояс, живая вода,
И по ней города, города.

Скит

Бил гремяк под горой в три ключа.
Храм звонил по реке, по излучке.
Сняли люди пиджак со плеча,
А себя обрекли на муки.

Старый Луковец на Сосне.
Мир намоленный где-то на дне.
Новый Луковец, новые лица -
Глазу не за что зацепиться.

Старый Луковец еще дышит
Два-три дома пока, две-три крыши.
Скит мне видится, скит мне снится,
Чтобы было кому молиться.

Благочинный! Архимандрит!
Учредите, поставьте тут скит!
Пусть стоит под горой в три ключа,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча,
В русских душах не гаснет свеча.

«Поймаю я ветер...»

(моя авторская песня)

Мой край, мои люди, родная сторонка,
Одна ты, одна у меня, у меня.
Иду я на песню, на звон жаворонка,
Шагаю по травке в сияние дня.

А поле, а поле, о Русское поле!
Степи до моря, седые хлеба!

Ты – моя нежность, ты – моя доля,
Путь и дорога, жизнь и судьба.

Как мало нас тут – под грозой, в урагане,
Свой ход, свою поступь сменю на коня.
Поймаю я ветер – следы на кургане
Спасают Россию, спасут и меня.

О, боги мои, о великое Солнце,
Хватаюсь за гриву, коня в шенкеля.
Под молнией в тучах пью волю до донца.
Возьми меня, поле, ржаная земля!

И снова иду я, шагаю на Солнце,
Широкий окрест огляжу, постою.
Как перевернуто небо в оконце,
За ливнем упало в мою колею.

А поле, а поле, о Русское поле!
Степи до моря, седые хлеба!
Ты – моя нежность.
Ты – моя доля,
Путь и дорога, жизнь и судьба.

Девятая пятница

(певчие стихи)

Видите, чудо! Родник на горе. Девятая пятница.
Над Сосной-рекой высоко, высоко.
Время вроде назад тут пятится,
И уходит к Дону – в эхо веков.

Чудо! Подземные воды, днище
От Андреевского колодца. И –
Дайменка – речка где-то там, городище,
Таращатся снизу ввысь:

- Ну-ка получше взглядишь –
Чаша не перельется ли?
Ну, конечно, тут с веслом бывал Одиссей.
Ковыли! Степь волнуется, до Азова бежит.
Время-то пятится по пятницам,
И не только по пятницам.
Плоско, как у египетских пирамид.
Голос в небо летит, летит.
Певчее место, сакральному тесно.
Дома, дымы, боги да мы.
Солнце в глаза да поля, поля –
Хлеб скифский, сколотская земля.
Сеять-то сей, фарисей! Сеять-то сей!
А из родника пей, мимо не пронеси!
Русское не обегай! Русское оберегай!
Красоте, высоте служи, святой Руси!
Родине, Родине присягай!
Родине присягай!

Зеленя

(песня)

«Зеленя» – слово, введенное в оборот речи Тургеневым.

Снеговье обоймет, и с зеленых полей
Понесет меня к Солнцу в заветные дали.
Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей еще не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопруся о дуб, - уж такие мы есть.
Переждем, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
Уж, наверно, последние, – экое дело!

Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шел, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь
Да еще и чужие подсунут пороки.

Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!

Городок

Белым лебедушкам

(новосильская лирическая)

На откосе вечернем, над Зушей
Степь хазарскую видишь, Восток.
Все поет и поет, только слушай
Новосильский княжой городок.

Здесь лебедушки песнь хороводят,
А над речкой летают стрижи.
В поле девичьи запахи бродят,
Цвет волос поспевающей ржи.

Приголубь, приласкай, как родного,
Обогрей на дорожку чуток,
Чтоб вернуться когда-нибудь снова
В этот славный княжой городок.

Пусть в росе, как и прежде, сияют
Матеолами вехи веков.
И ревнуют, и все выясняют
Ароматы французских духов.

На откосе вечернем, над Зушей
Пой, лебедушка! Падай, листок!
Новосильские влюбчивы души.
Люб России святой уголок!
Есть в России такой уголок!

Богатырь-городок
(Героическая песня)

«Зело крепок орешек»
О Козельске – хан Батый.
Из летописи

Жили в России, поле косили,
Русскую речь берегли.
Грянули вороны – черные оргии
И до истоков дошли.
Малоархангельск, Малоархангельск
Встал за Россию – горой!
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Малый наш город – герой!
Встали свободные силы народные,
Люди великой страны.
Центром мы были, врага били
В самом горниле войны.
Семь километров огненных ветров,
Подвига наших солдат,
Где нас обагрjali – семь месяцев брали
(Да так и не взяли!) –
Малый наш Сталинград.
Вот он красуется – важен, рисуется
В центре Железной дуги.
В прахе и пепле мы только окрепли,
И – до Победы шага!
Хлебный, красивый - в сердце России,
Дух богатырский живой.
Иobelиски по-прежнему близки,

Подвиг с седой головой.
Малый Архангельск, Малоархангельск –
Мал золотник, да дорог.
Дорого стоил Малоархангельск,
Наш героический город!
Как и Козельск, один к одному,
Чтит Мурашихинский лес
Малоархангельск, слава ему!
Высшая почестъ с небес!

Китель Рокоссовского

После Сабурово – фронта Хозяин
В Малоархангельск нагрязнул.
Был я мальчишкой рот свой раззявил,
Не оторвался, как глянул!
Был он высок и красив, в сапогах.
В кителе, сшитом Филиппом.
Был тут такой у нас – Лаушкин, маг,
Специалист по клипам.
В кино хоть полководца снимай –
Вылитого артиста –
Дань Рокоссовской фигуре отдай!
Видел, стоял очень близко.
Мы, пацаны, сквозь оцепленье
Как-то пробрались. В кругу
Трость проявляла особое рвенье, -
По сапогу, по сапогу!
Алый околыш, белые лица, -
Мог бы любого в окоп!
Я же на китель не мог надивиться.
Ажкин он треснул под мышкой,
Сроду не видел, это уж слишком.
У генералов трескалось чтоб.
В кителе, сшитом Филиппом,
Встал Рокоссовский у школы старой.

Бил Рокоссовский по клипам,
Сразу по всем кошмарам.
Я бы напротив музею
Отдал те клипы следом,
А тут бы у школы поставил Расею
В кителе, сшитом соседом.
Я бы поставил памятник тут.
Сделанный фронтовиком.
Тоже сосед мой!
Годы идут,
Не успокоюсь на том!
Все говорят, мир – из идей.
Крутится шарик, неистов.
«Филипп» с латыни – любящий лошадей,
А Рокоссовский когда-то был кавалеристом.

Горлинка

(песня)

Как приеду в городок свой маленький,
В Малый Архангельск на святой Руси,
Расцветет в душе цветочек аленький,
Бога о чем-нибудь попроси.
Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березу сядет над моим окном.
Запоет, заушает песня запоздалая.
В горле остановится, на сердце моем.

Как взгляну на местность небогатую –
Песня жутковата, улица пуста.
Горлинку сизую, птицу диковатую
Приютили милые места.
Горлинка, горлинка – птица неудалая,
На березе ухнет, как из-под земли.
Русь моя великая, сторона бывалая –
Ну кого еще сегодня отнесли?

Как приеду в городок свой стольненский,
В Малый Архангельск на святой Руси,
 Попрошу я боженьку, попрошу я горлинку,
 Отдохни маленько, пой – не голоси.
 Горлинка, горлинка – птица судьбоватая,
 Не вещуй нам, мимо пролети.
 По-за каждым окнушком, над любою хатою,
 Мой цветочек аленький, свети.

Столица Белой Глины

(Малоархангельск)

Нечаянно открыл: живу в столице!
 Даже не хлеба скифского, а глины.
 В столице Белой Глины Русь коренится,
 Наш городок старинный.

Адам – из «глины человек»,
 Так в переводе,
 А Ева – из ребра его.
 Все человечество навроде
 В девонских глинах от него.

Я с детства чувствовал, тут в недрах
 Таится что-то от Творца.
 Дает луне, погоде ведра,
 Болезни гонит, хмарь с лица.

Стоит за Правду, за Свободу!
 Как мы, как будто человек.
 Победу тут дала народу,
 Перемогла двадцатый век.

Но, как бывало, в сорок третьем
 И кровь впитав, не стала рыжей,
 А самой белою на свете
 Так и осталась, к тайнам ближе.

Когда везут в ВИЛОР отсюда
И украшают ею всех,
Я знаю, что такое чудо!
Оно от нас, из недр, откуда
И самый первый человек.

Влетит в Москву какая птица,
Крылом трепещет, в окна бьет.
- И мы, - скажу, - живем в столице,
Где человечество живет!

Песня про подлодку

(Памяти погибшего экипажа
подводного атомохода «Курск»)
Пепел подлодки стучит в мое сердце.
Павшие листья летят в облака.
В северном море, - а некуда деться, -
Ком шелестящий сжимает рука.

Павшие листья... А некуда деться...
В курских местах уж отпел соловей.
В северном море на дне мое сердце.
Стуки все глуше, а души живей.

Как на ладони, по линиям жизни
Пепел подлодки стучит и стучит.
Русские мальчишки – дети Отчизны.
Лист, зацепясь, одиноко висит.

В северном море не обогреться.
В волнах крутых коченеет страна.
Где-то на дне там лежит мое сердце.
Павшие листья уносит волна.

Судьба-судьбинушка

(песня орловских казаков)

Про казачка Володеньку

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,
Лежит орловский казачок Володенька,
Спит крепким сном у краешка крутого.

Какие кони мимо хлопца скачут?
Кого еще за стремя долом тащат?
Ушел в Чечню парнишка наш горячий,
А из Чечни домой вернулся спящий.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.

Под ивою под плакучей под молоденькой,
В земле Орловской, в сердце Хомутово,
Лежат отцы и деды у Володеньки –
Все спящие, все имени святого.

Еще царь Петр Алексеич с Тиха Дона
Прислал сюда полки, как для щита.
Храня Москву, Расеи край исконный,
Казачки не жалели живота.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая доля казака.

Под ивой под плакучей под молоденькой,
Под синим камнем, в сердце Хомутово,

Спи, казачок! Святой ты наш Володенька.
Спи, казачок! У краешка крутого.

Гей, кони, кони – рыжие, гнедые!
Гей, ввысь бунчук, наш грозный атаман!
Эй, запевай! Про ивы молодые,
Про казачка, уснувшего от ран.

ПРИПЕВ: Мы в чистом поле волю ищем,
Где вся на кончике клинка
Судьба-судьбинушка-судьбища,
Лихая слава казака!
Лихая слава казака!

Забытые хутора

Жили-были мы, люди,
В православной России
Да и, думали, будем
Крест нести, как всегда.

Но с Чернобылем солнце
Вдруг испили до конца,
С полынами в оконце
К нам упала звезда.

Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.

Мы чего ожидаем?
Уж на юг не летаем,
Все гробы забиваем
На родимой земле.

Еще свадьбы играют,
Еще церкви сияют,
Купола обжигают
Дух святой в небеси,

А уж тут вымирают,
Нами рай заселяют,
Пустырями зияют
Хутора по Руси.

Мимо нас караваны
Пролетают, гортанны,
И зовут за туманы –
На красивую жизнь.

Мы еще напоемся,
Новых песен дождемся!
Навсегда остаемся
Там, где мы родились.

Доживем еще, люди,
И воспрянет Россия!
Воскресятся из буден
Села и города.

Верю - вижу ночами,
И над нами – грачами
Вознесется лучами
Золотая звезда.

...Мы на гнездах сидели,
Мы взлететь не успели,
Как грачи, почернели
Тут в шафрановой мгле.

Мы с Чернобылем квиты,
Спим, травой перевиты,
Мы давно уж забыты
На родимой земле.

Матица

Стоит на юру обветренном хата,
Какая-то одинокая.
Одиночества в ней многовато,
Дума глубокая.

- Что, Кузьминишна-то, невесела? –
Говорят ей друзья по цеху. –
Пригорюнилась, нос повесила...
А Кузьминишне не до смеху.

Лет сто, а может, и двести
Держалась, и не было слому
Этой хате, этому дому
С Родиной вместе.

Бывало, как напряжение какое,
Где-нибудь небо вот-вот расколется,
Так хозяйка в магазин, само собой,
Да на потолок солицы.

Сегодня мешочек, завтра мешок.
Пока есть, неизвестно, что будет.
Вон уж спички потащили люди,
В Никарагуа – красный цветок,

Бухать начали с самолетов...
А с вечера Кузьминишна помолиться забыла.
Господи! То Никарагуа просит мыла,
То Палестина еще чего-то.

- Где же выдюжить тебе-то, -
Трогает она матицу, -
Когда я еле-еле?
На что сила тратится
Каждое лето!

Зимой ссорятся и дерутся,
А летом воюют.
Так соседи, едва переночуют,
С утра первыми в магазин прутся.

- Что, Кузьминишна, как осиротела? -
Говорят они ей потом, в знак сближения. –
- Ночью, – говорит, – матица треснула, хата села.
И опять напряжение.

Так и живу, хлеб-соль жую.
Хата с краю,
Солью хлеб посыпаю...

Милые вы мои! Городские, селянские!
Мать ты моя, матица!
Палестины-то христианские
На таких святятся.

Омега фиолетовая глаз

Алмаз (Л.М.З.) – это камень и мой.

В своих песнопеньях – за Русь постою,
Свои песнопенья – пою.
Алмаз стокаратный – на что расколю
И людям иду раздаю.

Алмаз стокаратный – бегущий поток
Я сквозь фиолетовость глаз разглядел.

Когда заалееет на лоне Восток,
Алмаз стокаратный останется бел.

Он бел, мой алмаз, мой великий кристалл,
Как чистая-чистая, белая Русь.
В алмаз стокаратный, как только устал,

Так я многократно ложусь.
Попробуй собрать те караты в алмаз,
Уйметса ль во мне фиолетовость глаз?

Одинокая дача

(Песня из электрички, песня Василия
из моего романа в стихах «Арсений Чигринев»)

Дача моя, дача, ты моя удача.
Солнце закатилося в топотах коня.
Отшумела молодость, старость обознача.
Только и осталась ты, дача, у меня.

Выхожу я из дому, мчусь на электричке
Из большого города, мрака этажей.
Воля моя, волюшка! Степь зажгу от спички.
Выгоню самогоночки – свойской, посвежей.

Русь гуляет прежняя, Русь гуляет – окает.
Русь гуляет – матушка, годы за спиной.
Воля моя, волюшка! Дача одинокая.
Степь моя раздольная, ветерок хмельной.

На прекрасной голубой Оке

Художнику Олегу Маслову -
под «Липой вековой».

(вакхическая песня)

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем,
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, мой книга, мой том!

Соловей на берегу том,
И ему чуть-чуть нальем.
И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина.

Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!

Червоная свеча

(песня)

От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,
И золотые купола –
Червона золота свеча
Горит в сердцах, по двум лучам передвигаясь.

Одним лучом – с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Песковской, в златоглавость упираюсь.

Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там.
Как по весне, как в тишине тревожит завязь!

Другим лучом с холма на холм,
На кафедральный шпиль, собор,
На острие его ложусь и замираю.

Здесь бой курантов и «Бристоль»,
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.

На двух лучах вальс «При свечах»,
Как все в Орле, на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.

Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Все эта нескончаемая повесть.

Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам с лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А все-таки как где-нибудь на Невском.

От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча.
Две волховы, две волховы, две волховы.

Орловчанка

Не спеши ко мне, не спеши
Со своею прекрасной улыбкой.
Не пиши мне письма, не пиши,
Был ошибкой тот день, был ошибкой.

Не лети со смущенной душой, -
Не француженка, не англичанка, -
Мне и так без тебя хорошо,
Дорогая моя орловчанка.

Не стучи каблучком, не кричи
С полохапкой персидской сирени.
Помолчи у свечи, помолчи,
Прикрывая рукою колени.

Не врывайся ко мне, не греши,
Как в Японии где-то цунами.
Не пиши же письма, не пиши,
Пусть останется тайное с нами.

У Каховки, задумчив, стою.
Размышляю: а где же тачанка?
Без винтовки сражен я в бою,
Дорогая моя орловчанка.

Качели
(песня)

Любую беду а лечи нахожу,
Такая в Орлове примета.
Качайтесь, качели, у нас в горсаду,
Какому лет двести уж где-то!

Под ручку ходили напару сюда
Дворяночки сладкие летом.
Тут пели романсы свои господа,
А бось отвечала куплетом.

Губернское братство стекает рекой,
И вся Монастырка при этом.
Качайтесь, качели, над синей Окой!
Крутись, голубая планета!

Качайтесь, качели, несите меня
Все выше и выше, до неба!
Увижу Орловщину – грохнусь с коня
На волны могучие хлеба.

Качайтесь, качайтесь, качайтесь все!
Несите по небу, качели!
На чертовом вместе летим колесе,
А вы чего бы хотели?

Александровский мост

Город-птица, а мост неподвижен.
Две реки, два моста, два крыла.
Тут взлетел, очутился в Париже.
Александровский мост из Орла.

Александровский мост, Александровский мост.
Под мостами то Орлик, то Сена.
Перепутана жизнь – то француз, а то росс,
Александровский мост неизменно.

Назначаю свиданье тебе у моста, –
Александровский мост, Александра.
Позабыл, в каком городе эти места,
Где вы ждете меня, Леонарда.

Александровский мост, Александровский мост.
Звезды реют в безумном полете.
Я в Парижу ищу злато ваших волос,
А вы тут, у моста, меня ждете.

Александровский мост, Александровский мост,
Александра со мной неизменно.
Под мостами течет солнце ваших волос, -
Славен Орлик, божественна Сена.

Парижанка

В троллейбус вошла незнакомая Женщина.
Была она дряхлой, больной.
И сразу возникла какая-то трещина
Меж ею с Луной, меж ею со мной
И публикой всей остальной.

Косились на ворот ей, подозревая
Бомжовый педикулез.
Платочек она теребила, свивая,
Слегка понимая, судьбу принимая
И вся зажимаясь от слез.

Сидела в портрете, дыханье тая,
Слегка наклонясь, ожила.
«Отговорила роща золотая...»
«И журавли печально пролетая...» -
Она монотонно прочла.

Ответил я ей. И, мой Бог, и мой Бог! -
Она повела чуть плечом.
Мне перлы метала, сидела, читала – о чем?
К окну между строк присел бледный рок,
Сходила землистость со щек.

Она улыбалась мне обозначенно,
Изящна и нервна слегка.
«И вечерами, в час назначенный...
Девичий стан, шелками схваченный»...
Платок теребила рука.

Троллейбус шел. Сидела прямо
Она в портрете – у дверей.
Так – из дверей, ее тех самых,
Из серебра – Прекрасной Дамой
Блеснула в памяти моей

Да и ушла в свои Парижи,
В мою серебряную жуть.
Троллейбус шел аллеей рыжей,
Меланхолично пеня, брызжа,
И лужей схватывалась суть.

Да кто они – газели, ламы?
А кто же я – корнет, стратег?
Стеная в возрасты и драмы,
В троллейбусах прекрасны дамы,
Прекрасных Дам не меркнет смех.

Кто ты, Серебряная Женщина?
Через порог за тыщи лет?..
Идет троллейбус. Скорбна трещина,
Пересекает сталь, лорнет,
И улыбается портрет,
Сквозь пыль, сквозь былль скользя и нет.

Поднебесная песня

Я прилег на землю:
Надо мной – березы,
Подо мной – зеленая трава,
И винтом до неба
Завинтило слезы,
По винту до Солнца
Поднялись слова.

Высока береза,
Только слово выше,
Солнца горячее,
Огненной ланит.
Дай скажу как лучше,
Что из песни вышел,
Дай скажу, что песней
Все во мне звенит.

Дай скажу... И, сидя
Где-то на березе,
Пан в листве смеется
Или сделал вид.

Утираю слезы,
Что мне остается,
Если Солнце прямо
На меня летит?

Березовый царь

Я рожден в День Березы,
В краю, где царит
На российском престоле береза.
Я – березовый отпрыск,
Во мне говорит
Всемонаршья порода и поза.

Сок березовый капнет
Из мартовских вин,
Я – на лунном коне, на излете.
Я – задумчивый царь,
Мне любой гражданин
Срубит голову на эшафоте.

Рубят – щепки летят,
Сок звенит с топора.
Брызжет пенная влага монаршья.
Серебро к серебру,
От того серебра
Кровь, дичает, вскипая на марше.

Розу утром несу,
Всю росу растрясу.
Все умою, что тут не умыто.
Я – березовый царь,
И меня – на фонарь?!
А за то, что в лесу я – элита!

7 ноября 1994г.

* * *

Пан прилег на локоть у опушки.
Слушает, как квакают лягушки.
Шепчет в нос: «Ей-богу, доконают.
Вот поют, а нет, не соловьи!
До скончанья века обмывают
Заказные премии свои».

8 ноября 1994г.

Моя панна

Я – июльское эхо,
Лучом осиян,
Освящен неземной красотой, -
Я – лесной, я – лесной.
Я – березовый Пан
За роскошной зеленой листвой.

Где-то Панна моя?
Где на круги своя –
Красота по лесам и дорогам?
Это тайна моя
У лесного ручья,
Это трубная песня из рога.

Я укрою ее
От метели любой,
От неверного взгляда любого.
Я пожертвую осенью,
Песней, собой –
От пожара спасу голубого.

Загорится октябрь,
Полетит по лесам.
Она выбежит – ветренна, странна.
Красота, Красота –

Это скрип колеса,
Это эхо, стыдливая Панна.

Мой изысканный стих,
Отчего ты затих?
Что она тебе, златокипяша?
Моя Панна – мой луч,
Это чудо на миг,
Остальное все – не настояще!

8 ноября 1994г.

У седого ручья

Пан не пил много дней.
И, копя в себе жажду,
Вдруг почувствовал зло –
Как кольнуло перо.

И пришел он к ручью,
И напился в нем дважды.
И опять разлилось
По глубинам Добро.

И тогда посадил он
Березу, отважный,
Протоптал до ручья
Золотую тропу.

Пусть приходят сюда
Все, в ком горечь и жажды.
Как с березы на днях
Капал сок на щепу!

Пусть приходят к ключу
Голубому напиться,

Пусть не копится жажда
В родимом краю.
Пан – языческий бог
Тут напился однажды,
Ну, а я до сих пор всем
Про это пою.

Жалоба Пану

Я пришел пожаловаться Пану,
А кому пожалуюсь еще?
Что, хотя к его клонюсь я клану,
А люблю ведь Панну горячо.

Что, бывает, от удачной строчки
Сладко перехватывает дух.
Строчки мои – ветреные дочки –
Так к себе притягивают вдруг.

Вот опять приду к любимой Панне,
Пан ревнив, совсем как человек.
И сонеты пишет на поляне,
И смывает тут же в русла рек.

Господи! Какую рифму крайней
Мне нашепчет мой язычник Пан?
Вот сижусь в чернобыле – бурьяне,
Выше плеч качается бурьян.

Как все трезвы – на кого ни гляну!
Пишут в рифму, лыка не связав.
Вот пришел пожаловаться Пану
И ушел, ни слова не сказав.

Камень у дороги

Не пивал я браги – медовухи,
С гуслиями не шастал по Руси,
Что же предки, как святые духи,
Четвертуют душу в небеси?

Отрезвлюсь бывалою любовью,
Упаду в растерзанную рось.
За нее расписываться кровью
На щите не раз уже пришлось.

И Перун, Пан, все наши Боги,
Их алтарь, их жертвенник – и мой.
Выбираю жуткие дороги
Где-то за татарскою сакмой.

На Тагинке – новое затменье,
Черный круг по солнцу впереди.
Ох, и тяжки, Русь, твои каменья,
Жутко пламенеют во груди!

Узки, дики ковыли да степи!
И лозе всего не прохлестать!
Конь летит под скрип ременной крепи,
Портупее некуда упасть.

Березина

Березина среди берез
Течет, как ром в вине.
Застрял, застрял Наполеон
На той Березине.

Да-да, застрял Наполеон,
И что же, что застрял?

А то, что был капрал их пьян
И все не рассчитал.

Не рассчитал, не рассчитал,
Пропал ведь ни за грош.
А оттого что был он пьян,
И Бонапарт хорош!

- Все это сказки, -
Скажет Пан. –
Все это чушь и бред.
Что был капрал, что был он пьян,
Наполеон же – нет.

Уж он-то знает,
Этот Пан,
Все про мосты и льды.
Ведь сам сломал ледовый мост
И напустил воды.

Ведь это он,
Ведь это он,
А не попутал бес.
Капрал, действительно, был пьян,
А Пан, конечно, трезв.

А если бы Пан
Тогда был пьян,
То был капрал бы трезв.
И, значит, бы На-поле-он
В Березину не влез.

Кумиры

Взойду на купол, ухвачусь за крест
И вознесусь в магические числа.

Земля одна, но много всяких мест,
Где мы живем, экстравагантно мысля.

Куда идем, читая знак с листа, -
На Юг и Север, на Восток и Запад, -
По этим четырем лучам креста,
Что был в медали всякими заляпан?

В какой Аттрактор тень кладу с перста?
В какой кумир не обновится сердце?
Переверну тут всякие места,
Где мы сегодня все единовѣрцы.

Молю я Пана: что себе, что мне бы;
Чтоб солнышка никто не откусил.
Стою Антенной, упираюсь в небо:
Пошли мне то, что и моей Руси! –
Свободы слова и краюшку хлеба.

Языческие, греческие боги!
Велес и Пан с Христосом во смеси!
Пошли еще ей, в качестве подмоги,
То, что и мне, моей святой Руси:
На всю страну - хорррошие дороги!

24 октября 1997 г.

* * *

Я прилег на землю:
Надо мной – березы,
Подо мной – зеленая трава.
И винтом до неба
Завинтило слезы,
По винту до Солнца
Поднялись слова.

Высока береза,
Только слово выше,
Солнца горячее,
Огненной ланит.
Дай скажу как лучше,
Что из песни вышел,
Дай скажу, что песней
Все во мне звенит.

Дай скажу... И, сидя
Где-то на березе,
Пан в листве смеется
Или сделал вид.
Утираю слезы,
Что мне остается,
Если Солнце прямо
На меня летит?

Пан летом

Пан – июнь, Пан – июль, Пан и август.
Все паны, листолеты мои.
Не из Индий каких-нибудь мангуст –
Свояки, все свои, все свои.

Как в тельняшке, но сине-зеленой,
Голоног, по колено в штанах
Пробежал как-то мимо я клена,
Не узнал я его впопыхах.

Только в спину глядел ему – мальчик,
Так бежал, белобрыс и поджар,
Что не Пан уж, не Пан – одуванчик,
Это сын его тут пробежал!

Пан весной

Пан не пьет березового сока,
Это так лишь в байках говорят.
Пан дрожит, когда в стволе, как в око,
Раны сок березовый слезят.

Но едва слезиться перестанет,
Пролетит в верхах зеленый дым,
Пан вздохнет, из-под березы глянет
И – вдоль речки шмыг по молодым.

Слышали – косуля! Словно Пьеха.
Вроде бы с Добрыниным в лесу?
Это Пан все, это эхо... эхо...
Крикнет он, а я несу, несу-у-у...

Случайная встреча

Все было так же. Август на излете.
Ты создана, казалось, для полотен.
И вот стоим, придвинулись, упруги:
Что мы нашли хорошего друг в друге?
Какими нас мотало по округе,
Водило без руля и без ветрил?
Кем стала ты, ведь я тебя любил.

Скиф, едущий на трамвае

Оттуда, из Скифии, смотрит в меня
Сквозь пелену времен, -
Кто это, кто это там без коня,
Как без коня тут он?
Транспорт – автобус,
В транспорт – пешком.
Скиф, как и все, тут в тайне
То обскакал бы десять раз глобус,

Хоть молодой, да ранний.
А то Скиф – пехота, ничей,
Всадник в пехотном ключе.
Чаша полна у этого Скифа,
В общем, полный набор:
Шашка на стенке, гитара без грифа,
Винчестер, Манчестер, топор и мотор,
И много другой всякой всячины.
Хоть степью скачи, а хоть прерией,
С собакой хоть, а хоть с саламандрой.
Он самый из всех обозначенный
Полнейшим царским доверием, –
Хоть в скифах живи, а хоть в олеандрах.
Свобода – когда и кого из чего выбирают:
Хоть то, а то хоть это, смежное!
Скиф скачет по городу с утра на трамвае.
До самого, самого рая
Везет в себе слово нежное.
А вечером ноги помоем,
Всунет в свои стремяна,
Какие у него имеются, то есть,
Да и к себе, к своим скифам,
В повесть, в свои пламена.
Нырнет под гитару все туда же, без грифа,
На струны себя наложит,
Отдельно пальцами перебирает,
Песню поет про Белую Скифию,
Лихо так исполняет.
А трамвай за конем грохочет в мифы,
Что, значит, всюду скифы.

В Михайловском

Стоянка. До Михайловского. Стежкой
В Тригорское. Опять сюда. В носке

Святого треугольника не крошка,
А целый холм — "коврижка" в тростнике.

Нас трое. Мы — друзья. Хороший вечер.
Когда-то еще свидимся, когда?
Михайловское. Пушкин мой, до встречи!
А нам опять в другие города.

Случись, судьба себя покажет слишком.
"Все суета", — сказал Экклезиаст.
Не пропадем, коль есть у нас "коврижка".
Нам хлеб насущный помереть не даст.

Перстень

А.С.Пушкину

Ты снял темно-зеленый изумруд –
Свой талисман, тебя не сохранивший.
Вот палец Даля. Лик его застывший.
И жить тебе уж несколько минут.

Но вечность пред тобой. Твой перстень, твой Кижэ,
Еще на подвиг кой-кого подвигнет.
Смотрите, как поэт российский гибнет!
Словарь Толковый пишется уже...

Когда нет слов, но чувствую чутьем,
Оно должно быть... бьется... где-то тут...
Я – к Далю. Есть то слово, живо в нем!
Все это тот зеленый изумруд!

Все это тот магический кристалл,
Который всем нам Пушкин передал.
Кристалл любви, уже светло-зеленый,
Над нашей поэтической короной.

Монна Лиза

(песня)

Отправлялся на БАМ,
По Байкальским местам,
А в Москве, а в Москве с полуярда
Провожала глазами,
Оживляла устами
Монна Лиза меня, Леонарда.
Моя Монна, моя Лиза,
Не графиня и не маркиза,
А творение рук человеческих,
Красоты и понятия греческих.

По Байкалу бродил,
Своего я испил.
А и там, а и там с полуярда
Провожала глазами,
Оживляла устами
Монна Лиза меня, Леонарда.

Если так я хочу,
Если криком кричу,
И в Париже она, словно барду,
Все глазами своими,
Все устами живыми
Улыбается мне, Леонарду.
Моя Монна, моя Лиза,
Не графиня и не маркиза,
А творение рук человеческих
Красоты и понятия греческих.

Серебряный век

- Какой он, право, серебряный,
Поэт тот. Серебряный век! -

Сказал один тут «доверенный». –
Богатый же был человек.

- Кто богатый? Вы, кликуши,
«Доверенные»? Что вам доверено?
Не один-то серебряный был расстрелян,
А золотой – в «Англеттере» задушен.

Но не на такой ноте хочется кончить,
А про поэтов истинных – «на серебре».
Люди! Серебра даже золота меньше. Впрочем,
Чернь и золото, и серебро вчерне.

Талантов столько же в веке любом,
Одиночества сколько!
Главное – дадим им сиять серебром
Иль постреляем бойко?

Гумилев

(песня)

Мои песнопенья – серебряный век,
А золото – хорошо!
Я берегом вышел в тот буйный набег,
Вдвоем с Одиссеем пошел.
Ушел с Одиссеем в другие края,
Дорады сверкали в воде.
Ходи, мой жираф, олеандры жуя,
Носи мои глоссы везде!

Мои Одиссеи, Пенелопа моя.
Кабиры жестоки. И снова
Под грустной колодой таится змея,
Стреляют они в Гумилева.

А я не хочу, чтобы эти кабиры
Жирафов секли, олеандры.
Опять заседают немые сатиры
И не процветают Кассандры.

В пророчества древних не верит никто.
Ведь знали судьбу Гумилева,
А что же во имя вы сделали, что –
Бессмертия Русского Слова!

Ночной Курск

Памяти Носова Евгения Ивановича

На самом взмахе своих дней
Я тут себя обрел.
В Орле я – курский соловей,
А в Курске я – орел!

Пою с рождения, с тех дней,
И до сих пор пою.
- Кого ты знаешь из людей?
С кем был на «ты», в раю?
Сидим у Носова в доме,
И хорошо сидим.

- Так вот пою, смотря кому,
Пока непобедим.
Пойду Карузо поклонюсь,
Он тут пел, где откос.
И я вкушал тут нашу Русь
И на Карузе рос.

В каких клавирах, кто мой друг,
Известно нам двоим.

Я пел один и пел за двух, -
Народный херувим.

Консерватория моя –
Вот туточки, друзья.
Все соловьи – моя семья,
Трава, слова и я...

И я запел в ночной откос
Белькантию свою.
Ору: «Я – Русь! Карузо, росс!»
На целый мир пою.

15 января 2004г.,

г.Курск

* * *

Шелом богатырский –
От алой клубники.
И тот богатырь не упал –
Он просто вошел
В эти алые лики,
А в черную ночь не попал.

Они приходили к нему этой ночью,
А он был в постели!
Пришли, как к врагу!
Но как же на них те шеломы смотрели,
Те жаркие, жаркие, жаркие очи –
В шеломах на том берегу.

Идем каждым летом
По дням и банкетам,
В решетках зимою и летом,
В клубничном раю,
Я взгляд богатырский –

Алатырь ахтырский –
В шеломах Руси узнаю.

Прощание славян

(Марш академиков)

Пока не погибла Россия,
Не канули, не размелись,
Возьми на поруки, Мессия,
Спаси нас, научная мысль!

Бездарно-то как и бесценно
Мильон исчезает за в год.
Уж больно покорно со сцены
Уходит великий народ.

Вперед, академики! Слава, надежда,
Мозги наши, мудрость, - вперед!
Пора, - да поможет нам Боже! -
Сплотиться, о русский народ!

Довольно нам, аборигены,
Позорить свои имена!
Кремлевские древние стены
В багровые красить тона!

За то, что не спели красивей,
Что как-то легли невзначай,
Прости нас сегодня, Россия,
Из завтрашнего выручай!

Вперед, академики! Совесть, Мессия,
Мозги наши, мудрость, - вперед!
Пока не «сгинела» Россия,
Не сгинет и русский народ!

1.01.2004г.

Прощание с Синяевским

(песня)

Дорога меня на горку вела,
Любила меня, вольнодумка!
Глубокая осень, а тут расцвела
Ромашка белая, сурепка мала
И даже почтовая сумка.

А там золотые метелки березы,
Иной по макушкам их климат.
Прощай, мой Синяевский! Скоро морозы
Тебя любовно обнимут.

Прощай, моя хата! И Нюра с Иваном!
И лес – пустычок, Арендный.
Туманы с обманом, грибки по полянам,
Дожить до того бы Покрова.

Высокое место. Будь Наполеон,
Ареной бы стало все сквозь.
«Билайн» мой до самой Москвы пронесен –
До лобного места, до звезд.

Но все это частности, так, миражи...
Мы спим, нас давно уже нет.
Чуть в сторону – Африка, зарубежи,
На стенке зеленый портрет.

Кресты по крестам. Но про это – молчок!
Не торкай, почтовая сумка!
Глубокая осень, а тут паучок.
Дорога вела, в паутины брала.
Любила меня, вольнодумка!

Бадья

Ритмы моего сердца
Лечу в Берендеев колодец,
А на дне его вижу свечу.
И в бадье, на канате навроде,
Я лечу, я лечу, я лечу,
Я до солнца добраться хочу!

Опустился до дна, огляделся,
А светло уж вверху, я молчу.
И опять скрежещу, как по рельсам,
Я лечу, я лечу, я лечу.
Я до солнца добраться хочу!

Так всю жизнь мою (что там осталось)
Вверх и вниз пролетает бадья.
Я боюсь только самую малость:
Не сорвался б канат, как и я,
Когда к солнцу летает бадья!

ДУХОВ ДЕНЬ

* * *

Загадочность русской души,
Которую не разгадаешь.
А ты, себе Веру, Надежду внушив,
С Любовью живешь и страдаешь.

В день святой готов я таким
К Богу приблизиться, празднуя.
Господи! Сделай, чтоб «козырной»
Стал этот праздник для каждого.

* * *

Достоевский – по Фрейдю, по Юнгу – Толстой.
Человек сам в себе, человечество.
Русич – это мужик, но мужик не простой,
Глубоко пашет наше Отечество.

Ширина-то какая от края до края,
От Курляндии до Амура.
Вечны духи во мне, в православной стране
Наша русская литература.

24 апреля 2011 г.,
на Пасху, г. Орел.

Поэту

Поэт маститый вымучил слова,
И те слова, как прорези, остались.
Ну, не рожден, чтобы росла трава,
По ней слова сами собою стлались.

Богами, что ниспосланы с рожденья –
Потоком Солнца, синхрофазотронов!
Но, вопреки всевышнему велению,
В тенетах жизни трется он у тронов.

Есть перемилька между ним и Богом,
Нет связи между нотой и трубой.
Слова пусть хороши, но врозь и много,

Не создают гармонии собой.
Нет связи между крышей и трубой,
Вне сочетанья божьего с тобой.

Серебряные ключи

Поэзия, ау! В бывалом муже,
Спесивость обостряющем, как нож.
Таланту он, выходит, и не нужен,
Зато в иной девчонке, сколько хошь.

«О Бог мой, Боже! Далеко и вблизи!
Но почему хоть походя слились
В ней снег, вершины, ты ей ключ питаешь?
А мне, на то потратившему жизнь,
Надежды никакой не оставляешь?»

Себя не жалко хохломе из Мстеры,
Чтобы тот ключ с небес заполучить.
Но на замке небесные «фатеры»,
И у других к вершинам тем ключи.

И справедливый Бог с такими строг –
Над чашей с головою гибкой змея.
Они все претендуют на чины.

И нет их, этих мучеников, злее,
Что для небес, увы, не рождены!
На роль певца без голоса Орфея.

19 декабря 2010 г.,

г. Орел

* * *

Голубые экраны, как раны,
Наносимые в самое сердце.
Вроде втягивают,
Вроде желанны,
А подумать если?
А если взглядеться?

В тень уходят, когда не хватает энергии.
Миллион исчезает, как дым.
Они все тут пришли его свергнуть,
А ушли, покоренные им.

Покоритель, собою довольный,
Тем, что все же пределы сдержал.
Понимал – не дурак, что невольно
Сам от смерти едва убежал.

Ну, а все же дожди и колодцы
Заполонили площадь, вокзал.
«Там, где тонко, обычно и рвется», -
Кто-то тихо об этом сказал.

16 декабря 2010 г.

Леонардо ДиКаприо

Рвался к вам сюда, в Питер!
К метро, у площади Восстанья!
Словно спасал тот самый «Титаник».
Питер, Питер – бока себе вытер.

Добирался даже частным самолетиком
На форум по тигру: «Не вымирай, долгожитель!»
Заявляем всяким невротикам:
«Кормите тигров! По балконам, как собак, не держите!»

И вошел он в Таврический да и сказал,
Что его дед был не ДиКаприо, а Смирнов.
Тушите свет! Проходной балл!
В пяти углах, в четырех стенах
Трагедия с комедией, вот кино!

Леонардо ДиКаприо! Это когда ты в штанах.
Леонардо Смирнов – когда, как и все мы, без штанов.

Может, дед его и готовил «Смирновскую»
В граненых?.. Изотоп к изотопу...
Мне жаль тетушку мою львовскую,
Пустили тетку Дуню в Европу...

* * *

А я в Тарусу так и не сходил,
Мой скорый мимо станции промчался.
Та – руса! Русская! Так добр и светел, мил
Там русский дух, дома и домочадцы.

Вот-вот Ока вдруг вынырнет в окне,
Уже и мост за нею переехан.
А все Таруса где-то там, во мне, -
На гребне чувств по среднерусским вехам.

Не Левитан, не Волга, а Поленов
Летит со мной на этой электричке.
Все в «персиках», как речка по колено,
К Серову мчится розовое личико
Той девочки, что зреет в тайнах ситчика.

В Москву и из Москвы через Оку.
Но почему Сергей Есенин
Ни слова про нее в свою строку,
Хотя и на Оке наш вырос гений,
17 декабря 2010 г.

Матери. Письмо домой

Не скажу уж: «Ты жива, старушка?
Как ты, мать, там в домике сама?
Что кот Васька, дедушкина кружка?
И, вобче, соседние дома?»

Мне сказали, мой стакан разбился,
Хор распался, умер наш сосед.
А другой, похоже, вовсе спился.
И теперь на лавке хора нет.

Я по ним, вчера поставил свечку,
А тебя во здравье помянул.
Ем тут от души картошку, гречку,
Поднапрусь - поскрипывает стул.

Жаль стакана. Сколько им я выпил
Из колодца нашего воды.
Если с детства – по колено выпил,
Если нынче - то до бороды.

Как стакан упал там и разбился,
Слышно было, екнуло в груди.
Тут мотор мой и остановился,
Я погладил, приказал: «Иди»...

Мама, мама! Не с кем слова молвить.
Все поют того, что пела ты.
Вот живу, как леший среди молний,
По себе черчу его черты.

Как певала Пятницкому мама,
Молодой тогда еще была.
Ажник в горле созревала драма,
Как горошек сыпался с щегла.

Из стакана пил не только воду
И не только в хоре запевал.
Думал, что служу стране, народу.
«Виноват, - сказали, - за развал».

Виноваты все мы тут – поэты,
Брехуны – слонялись по дворам,
По полям, что в те, что в эти леты,
Вот из драм и вышел тарарам...

Все распалось. Сон дурной приснился,
Что Кавказ сюда хотят привить.
Вот стакан мой, мама, и разбился.
Интересно, чем они тут будут пить?

Встал заводик. Разболелись раны.
Потерял колено соловей.
Берегите, матери, стаканы
Ваших непутевых сыновей.

Брызнуло на мелкие осколки,
Ранит ноги, обагрывает кровь.
По полу то брызги, то иголки,
Плачет Леонард Золотарев.

Пуст автробус, пусты электрички,
А вчера закрыли и вокзал.
Спрячь куда подальше, мама, спички...
Про вокзал, наверно, зря сказал...

Написал тебе, моя старушка,
На тот свет уже... Ну и пока.
Положил конвертик под подушку,
Пусть очухнет... отдохнет рука...

19 декабря 2010 г.,
На Николу Зимнего,
г. Малоархангельск.

**Сергею Есенину,
Моему Крестному**

* * *

Все приходит, все ко мне является
Светлым ликом в окна через дверь.
А за ним поэзия – красавица
И на толстых лапах жуткий зверь.

На меня, на мать мою бросается,
Все пытаюсь навязать нам страх.
Этот светлый с нами защищается
Песней на малиновых устах.

Он – отец, нашел меня в акации,
Крестный мой... какой-то камуфлет...
Как же так? Что мне давно не двадцать,
А ему все те же тридцать лет.

Он тогда позвал меня в поэзию,
Парень, заменяющий отца!
Тот, о ком, бывало, с детства грезил я,
С кем маленько был я схож с лица.

Оказалось, он отцу годок,
С Соловками связаны судьбой.
Нас пометил соловецкий рок,
Мы – родня, свои между собой.

С Зинаидой тут венчал их «попик»,
А отца Иосиф там крестил.
Прокатился валом по Европе,
До Голгофы вал тот докатил.

И не стало моего отца,
Как и до того тебя, годочка.

Если все листать с того конца,
То не том поставлена уж точка.

Все смешалось. Всем народ воздал,
Время все расставило по полкам.
Кто пиит, а кто его вандал,
Кто ведет босым вас по иголкам.

Слава богу, мы в литературе,
Но и тут покоя, вижу нет.
Вот пишу, как будто после бури,
Вывожу Есенину куплет.

Как иду разросшимся я садом,
Как лицо заденет вдруг сирень,
И так мил моим горящим взглядам
Тот его задумчивый плетень.

Мне тогда ведь было не шестнадцать,
А каких-то десять. Что с того,
Как позвал меня к поэтам, братцы,
Парень тот – годок отца мово.

«Я пою с вас песнь, Сергей Лексаныч,
Нежность мук на музыку кладу.
Вот пишу письмо, как Пану Паныч,
Как язычник, по лесу бреду.

Запою, и слово мне порукой,
Как отцу вам верю все равно.
Вы придете, следом за разлукой
Высветится ясное пятно.

...И пришел он. В мамину обитель,
Из верховья ближней тут Оки.

И сказал: «Нас, Женщины, любите!
А вы Русь храните, мужики!»

Все отцы мне видятся в натуре
На каких-то поворотах рек...
Слава богу, есть в литературе
Хоть один, зато какой навек,
Очень дорогой мне человек!

19 декабря 2010 г., г. Малоархангельск

Тень от ветра

Я дарил ему, бывало, книжки,
Что в свет божий с кровью выпускал.
Не валились с неба-то излишки,
Ни росинки ведь никто не дал.

Думал, может, эта тень от ветра
Мне какую книжечку издаст.
Передали: прочитал все «ретра»,
И сказал, как немец, «вас исдас?»

Запах, мол, не тот. А от подковок
Искры да квасной патриотизм.
В общем, нет сурьезных установок,
Мол, не так трактую нашу жизнь.

В общем, кто я? Автор слов навроде я.
Так соображаю: «К январю
Дед Мороз я, но – их благородию
Больше ни одной не подарю».

20 декабря 2010 г.,
г. Орел

* * *

Вот иду своим зеленым садом,
Дуб мне дарит желуди свои.
Все нормально, все рядочком, ладом.
Все владенья, все труды мои.

Вон какой уж вымахал – до неба
Этот мощный, этот самый дуб.
Пусть растет, не просит каши, хлеба,
Надо страной развешивая чуб.

Овевает все мои дороги
На былом и думах впереди.
Позади всего за очень многих
Золотом колышется в груди.

Я принес тебя из Мурашихи
Хворостинкой, маленьким дубком.
Вот глядите! Великан, а тихий,
Вспоен материнским молоком.

20 декабря 2010 г.

* * *

Пост скриптум.

А это я пошел в деревню,
Проверить все «хихи».
Там, где кончаются деревья,
И выдались стихи.
Поэты в городе – условно,
Цитирую дословно:

«В деревне так теперь у нас:
Где хлеб, где мы и рожь?
Кто самогонку пьет и квас,
А кто и так хорош.

Живут в деревне, как и жили,
Не за здоров живешь.
Всех стариков переморили,
Расчет - на молодежь.

Ходите по полям, дорогам
Держите снег для нас.
Мышей злых стало очень много,
Умножились в сто раз.

И в результате, в результате
У них развился стресс.
Реальный кризис, стресс,
А не попутал бес, иес».

* * *

«Я такой богатый, словно Фолкнер.
Я такой свободный, словно Веллер.
Если жить мне не дают тут волки,
Еду я в «Швейцарию», на север.

Мне тут, на амченской стороне, -
Трое: Лев Толстой, Тургенев, Фет.
Утром я на розовом коне
К ним скачу под блески эполет.

А когда на юг порой осенней
Мчусь на курском к матери своей,
Пушкин и Лесков, Сергей Есенин
Душу тешат мне на склоне дней.

У меня два очага, два дома.
Говорят, мол, домик и избушка.
Но кукушка шепчет мне знакомо:
«А богатства – на четыре тома».

То Орел, то Мценск, то Малый город,
В каждом мне чего-то не хватает...
Так по треугольнику для флеру
Соловей за мною и летает».

20 декабря 2010 г.,
г. Орел

* * *

Русь на сломе! Пламя пало в знамя!
Родина в опасности! Звонят!
И стоит со мной Сергей Есенин,
А за ним – Евпатий Коловрат.

Не согласно - вопреки натуре,
Щит и меч – во мне уже гремят.
И стоит со мной в литературе
Русич наш - Евпатий Коловрат.

Русь на сломе! Пламя пало в темя!
В каждый день и почти в каждый клип.
И стоит со мной Сергей Есенин -
Мой герой, литературный тип.

Память – щит и меч седой в лазури,
Лиру никому не запугать.
И стоит с Есениным в натуре
Гений мой - Евпатий Коловрат!

Апокриф

Все хотел писать как поумнее,
Покудрявей как-нибудь сказать,
Получалось длинно, как Гвинея,
Азия, Вьетнам, ядрена мать.

Пушкин, затыкая уши ватой,
Знал, что скажет русский и француз.
«Поэзи» должна быть глуповатой,
Но зато своя на цвет и вкус.

Чтобы слова тяжкие вериги
В конифоли мыслей облекать,
Не пишите умненькие книги,
Их такие некому читать.

Чтобы слово, глупостью задето,
Закипало где-нибудь в крови,
Не жалеете сердца для куплета,

Для людей – улыбки и любви.
Не жалеете сердца для куплета,
Для людей – улыбки и любви.

Про ежика Лению

Ежик бежит по дорожке,
А за ежиком – кот.
Колковато немножко,
Еж под баней живет.

Но в предбаннике строчку стело
Выводит под дождиком вблизи.
И слезится стекло, и с него все стекло
В нашу дурацкую жизнь.

Ежик бежит по дорожке,
А за ежиком - кот.
Оставляет ежику молочка понемножку,
И ежик тот пьет.

А в предбаннике строчку стело
Из души вынимает в словах.
И слезится стекло, вот куда все стекло,
И еще кто-то умер на днях.

Ежик бежит по дорожке,
А за ежиком - маленький ежик.
И пьют они вдвоем понемножку
То, что оставляет им кот. И что же?

А в пребраннике пальчиком, пальцем
На сыром стекле я рисую людей силуэты.
И они оживают, и жизнь тянется, тянется
Из лета в осень, из осени в лето.

Это ежиха с ежонком бежали вчера по дорожке,
А сейчас убегают в века облака.
И каждый вечер я понемножку
Наливаю им молока.

Кот Васька

Европеец! Любимец наш кот.
Посмотрите, как важно идет,
Как хвостом сам с собой играет.
На плече посидит, в телевизор глядит,
На столе у меня засыпает.

Уважаемый всеми, довольный живет,
Настоящий хозяин в квартире.
Никакой его бренд не возьмет,
Что задумает – только вперед,
Самый он независимый в мире.

26 февраля 2011 г.,

В год Кота.

* * *

Копаем, копаем, копаем!
Лопатой вонзаемся в землю.
Так мы с сыном свободу себе добываем
В кадастрах Нечерноземья.

Свое отработав на огороде,
Сидит мама на табуретке.
Сидит, улыбается нашей свободе
В железной усадебной клетке.

Мы эту свободу себе расширяем,
Мы землю копаем без лени.
Картошку сажаем! И не уповаем
На голод, на рабство без денег!

И мама сидит, улыбается нам,
Лопате - как знаку свободы.
Руки истресканы. Этим стенам
Отданы лучшие годы.

* * *

Гляну искоса на городок,
Некуда ведь и податься.
Напроситься к кому-либо на чаек,
На вечерок какой-нибудь, братцы!

Все они там, и все они тут –
Друзи мои со школы.
Все несут на плечах и несут -
Тихих, не очень тяжелых.

Зависть съедала иного из них,
Глядя на кончик пера.

И все равно, приезжая на миг,
К ним убегал до утра.

Матушка следом: «Куда ты, сынок?
Лишь за порог и – к дружкам?»
Был капитаном, как мяч между ног,
Так и лечу по векам.

Ломятся полки от множества книг,
Им тут у нас благодать.
В библиотеке нет мне чужих,
Есть кому руку подать.

* * *

Из самых первых – Геня был, Генрих,
Друг мне с тех самых времен,
Когда выкарабкивались мы с ним из терний,
А нам не давал это делать слон.

Его отец – в живом портрете,
Апофеоз военных книг.
Отцовский образ тайной метил
Слова о тех тридцать седьмых.

Сказал о нем я как-то: «Фауст».
В мозгах - мистический провал.
Под Новый год к нам Санта Клаус,
Бывало, с сумкой забегал.

Он умирал – седой, несломный.
Плыл за черту... В окне был март...
Шептал мне: «Буду вечно помнить
Тебя, мой друг, о Леонард...»

* * *

Витек – мой дружище, он сам их нашел -
Те песни, какие я пел.
Присел на скамейку, едва я пришел
И петь уж не очень хотел.

Глаза его странны, цыганская бровь,
И шарик катается в горле.
А он экстрасенс, озадачена кровь,
В уме дерзость с клетотом орльим.

Нет счастья, все деньги уходят на дом.
Все меряет землю кручина.
А нужно, а нужно, где нечернозем,
Каких-то всего два аршина.

Приник он к земле, пристрастился к вину.
Сказать маме это нейдет:
«Вот дружишь! А он уж с утра не одну...
Валялся вчера у колодца»...

Зато только кол я шатну в «пикадили»,
Как друг мой за друга горой!
Чтоб нас, безотцовщин, ко дну не пустили,
Бывало, за мной он, как нить за иглой.

* * *

А Шурик Горохов, а Шурик Горохов
Простецкий, привычен с лица.
Меня, не считая каким-нибудь лохом,
Тайком уважал за отца.

Ну так уж судьба улыбнулась,
Стал «ментом». Но, братцы, каким?

Душа тем моментом от нас отвернулась,
Слегка замерев перед ним.

От мудрости, совести, от восхищенья:
- Бывают же, люди - «менты»...
Пропел бы ему все свои песнопенья,
Что в нас пробудили мечты...

Лежал он, рыдая, в бутылочном свете,
Луна укрывала момент.
Сказал затаенное: «Чем он ответил!
Мне стыдно, отец, что ты мент»...

* * *

Крестьянский сын - Есенин был поэтом,
Пронзившим всю святую Русь.
Но Кашина, но Снегина при этом,
Но фрейлина, как светоч... Окунусь

И вижу сам себя я в той палате,
Где и отец мой крестный пребывал.
В анналах, в поэтическом плакате,
В апокрифы я тайно проникал...

Мой первый друг Володя. Лет с пяти
Друг друга мы, увидев, постигали.
Всю нашу жизнь с нутра, без конфети,
Земное под высоким – под Богами.

Семья моя – крестьянских работяг,
Хоть и рожден я в городе большом.
Семья его – дворянская в корнях,
И я у них как сын один еще.

И старший Геня тоже стал мне другом.
И мы втроем уже у них в семье...
Вот и пашу, хожу, поэт, за плугом,
А как с небес ступаю по земле.

* * *

Девчата нам красили домик.
На лестнице стоя, в простенок
Смеялась Татьяна, как будто ей гномик
Касался открытых коленок.

Сказал я, как в танке ей, глухо:
«Калитка откроется вот,
И друг мой полковник Можжуха,
Печатая шаг, подойдет.

И, честь отдавая: «Как жизнь молодая!»
Вот так козырнет мне - артист.
«Здрав желам, товарищ капитан!» -
Мне скажет.
А сам ведь полковник, юрист».

Вошел и отдал мне честь – товарищ седой,
Татьяна едва не свалилась от смеха.
А дело-то в чем? Что тогда, молодой,
Я был капитаном в футболе, тем эхом,
Где был наш полковник тогда рядовой.

* * *

Ехала телега по войне,
А по пепелищам шла корова.
С матерью пацан по всей стране
Вел ее, не говоря ни слова.

Уж две тыщи верст брел по разбитой
Украине... Пей судьбу до дна!
Сбиты и истресканы копыта,
Вкровь следы и ноги пацана.

Он пришел в наш класс лишь в октябре.
Черный весь, волчонок, как Тарзан.
Так-то доставалось в той поре
Детям из военных мелодрам.

И, когда к дружку я забегал,
Мать мне наливала молочка.
Губы я степенно обтирал
И дружил, и уважал Санька.

А теперь и он уехал к дочке.
Вот у тетя Марусиной могилки
Досыхают бедные цветочки...
Прокисает молоко в бутылке....

* * *

Пушкин! Пушкин! Отыскал я место
Прямо против окон тех, что с детства
Видел мир, в котором Пушкин был
И в каком себя боготворил.

И нашел сюжет я, дал идею,
Взял займы у Пушкина строку:
«Здравствуй, племя молодое»... Смею
Что сказать я, что сейчас реку?

Вот Григорь Григорича привез –
Правнука великого поэта.
Доводя порой себя до слез,
Дух беру с его менталитета.

Друг же, озабоченный собой,
О себе лишь авторски трубя,
Домик наш с кирпичною трубой
Посетил, праправнука любя.

Я прощаю всех, не мытых в бане:
Что нам, человекам, чей-то грех?
Здравствуй, племя молодых, да ранних!
Пушкин, Пушкин! Подари успех.

* * *

О, муки духа! Непереносимо,
Когда кого-то разбирает ложь.
Закрылся бренд, как шкуркой апельсина.
Зачем вы тут? А ты к чему идешь?

Он врет, но почему тебе неловко?
И даже как-то стыдно за него.
Хотя и ты не божия коровка
И не аббат, естественно, Прево.

И все-таки, когда поют фальшиво
И ты с ним нот высоких не берешь,
Не музыка, когда тут некрасиво,
С обмана начинается вся ложь.

И чувствуешь, что жизнь небесконечна,
Особо тут, в тенетах, в зоне риска.
От имени богов вещает вечно
Оттуда господин из Сан-Франциско.
Оттуда господин из Сан-Франциско,
Где Млечный путь –
И высоко, и низко.

* * *

Такая красота бывает редко.
В тебя влетает где-то и летит.
И что же? Не какая-то кокетка,
А естество себя любить велит.

То ль женщина горсадом по аллее
Проходит накануне Рождества.
То ль снег идет, и елка все белее,
В стихиях взгляд, в улыбках естества.

Сверкнут шары. Гирлянды с них провиснут.
При солнце липы будут так снежны.
И лихо просияют днесь и присно
Все женщины любимые страны.

И, может быть, любовь к ним выражая,
Грехи в себе былые сокрушу.
И, с высотой чувств себя сближая,
Я подлости уже не совершу.

* * *

Зачем ты так неискренна со мной?
Но стоило с тобой мне поделиться,
Как где-то там подвытянулись лица,
И понял я, что ты тому виной.

Так иногда, чтобы узнать их мнение
Тут с краю что-либо скажи,
И на другом конце стихотворенья
Вдруг василечки вылезут из ржи.

Да здравствует почтовый перевод!
Стихия слов, цензура вне сомнений.

Так толщу вод до бездны эхолот
Проходит океаны вдохновений.

Пока идешь, хотя б на шаг вперед!
Пока душа есть, все для чести живо!
В себя лишь верь, в свою тропу, народ!
Сам честен будь, хоть все кругом и лживо.

* * *

Руки ничьей он не просил,
Упал в снега лицом.
Жить просто не хватило сил,
Сражаться с каждым подлецом.

Все проходили мимо, мимо.
Пустой «Макаров», кровь, кинжал...
А он – сын родины, экстрима –
На белом саване лежал.

Я подошел к нему извне,
Подняли мы его вдвоем.
Не хочешь жить? Умри потом,
Но только не при мне.

* * *

- За совестью, - сказал он, - лез.
Карманник тот, щипач.
Троллейбус. Рук живой оркестр,
А он как бы скрипач.

За ним следил как бы Шарапов,
Высоцкий среди масс.

Карманник никого не лапал -
Маэстро, высший класс.

Переспросил его Высоцкий:
- Зачем, зачем ты лез!
Сказал карманник – бывший флотский:
- За совестью, иес.

А был он мастер слова – Бродский.
Скрипач, попутал бес.
И отпустил его Высоцкий
К волкам голодным в лес.

* * *

Песню ту, любимую, послушай,
Как поют сегодня, молодцы!
Выходила на берег Катюша
В чистом поле сеять огурцы.

Дачами селения зажаты,
А подальше – пустоват простор.
До свиданья, города и хаты!
Все ушли куда-то за бугор.

И когда и кто сюда вернется,
Огурцы созреют по полям.
Звездочка на самом дне колодца
Будет уж присвечивать не нам.

Выходила на берег Катюша.
Пела песню, ела огурцы.
Остаются русскими лишь души,
Да седыми стали уж отцы.

Будет песни, лучшие на свете,
Петь за нами завтра детвора.
Вон куда протянутся те плети –
Огурцов, что сеяли вчера.

* * *

Все выживают, в свой Союз
Готовы тех принять,
Кто и без них, без лишних уз,
И так хорош, на ять.

Зато кто профессионал,
Кто б их подвел к окну,
Еще походит за Урал,
Повоет на луну.

Чтоб вкус какой-то прививать,
Понятия добра,
Попробуй с совести начать,
Забывтой не вчера.

Лечи по четным свой недуг,
А по нечетным – строй.
Работай, друг, один за двух
И выживешь, герой.

* * *

Он не спал в эту ночь, так была хороша
Эта самая белая ночка.
По усадьбе ходил острием палаша,
Рассыхалась под яблоней бочка.

Что он понял и что прозревалось ему?
Справедливость? А в чем она, в чем?

Что достанется всем, не дадут одному.
Век лопатой копай чернозем.

Он в Союзе искал хоть кого – одного.
Находил, ну а тот продавался.
За презренный металл. Потому, оттого
Перед Богом один и остался.

Он не спал в эту ночь, так была хороша
Эта самая белая ночка.
Лишь к утру, прозревая, запела душа,
Побежала за строчкою строчка.

Нам не надо ни мало, ни много
Перед миром, собою и Богом.
Только речь, только Родину – мать беречь.
Высоту, красоту! Щит и меч!

* * *

Мы скоро все уйдем за окоем.
И, проникая в вечную бездонность,
Какой там нам окажется прием?
Порука круговая, беспардонность?

Миф в ощущениях, ощущения в мире.
Как живопись иного бытия,
На струйках дня, как пиццикато в лире,
Возник сегодня с музою и я.

Увидел все вокруг и ужаснулся:
На что ни посягает человек!
Пошел и сел, встал и переобулся,
Опять пошел в свой двадцать первый век.

Каков прагматик! Все ему металлы,
Все интернеты, взрывы, динамит.
Исчадья ада, все секунды, баллы.
Все некогда. А дождь меж тем шумит.

Проснулся ежик, побежал по саду -
Смешной такой, колючий дуралей.
А город спал. Клади иголки рядом,
Незащищенным становись, добрей.
Не уходи в свои пещеры, ежик,
Жить без тебя душа уже не может.

Про русского мужика

«Боюсь – сопьюсь», - сказал мужик
Про нас, про «Третий Рим».
Где, обойдя все рубежи,
Спал шестикрылый Серафим.

Проснулся ангел, я проснусь.
И, трезвый, как стекло,
Сказал: «Зачем тревожишь Русь,
Мне шевелишь крыло?

Ведь врешь, чем хвалишься, дурак?
Что сам себя сопьешь?
Тебя поили от Петра,
Давали, сколько хошь.

Цари немецкие тебя
Бросали в бой, в Сибирь!
И, вечно русских не любя,
Излишки клали вширь.

С амвона - сказки, быль
Вбивали всем в башку,

Что пьян мужик, пора в утиль –
И верили божку!

А ты не верь, а ты не верь.
Побольше ешь, поменьше пей!
В стене заделается брешь,
Старайся – не робей!

Смотри: построил города,
Какая красота!
Какая музыка с листа
Нисходит к нам сюда!

Каких побед великих строй!
Какой высокий дух!
Литературы нет другой –
Другой такой, еще такой,
Одна стоит за двух!

Отзывчив сердцем – зло крушил,
Свободу людям нес.
Себя вот только позабыл,
Моей гений! Мой колосс!

Мужик, крепись перед бедой!
Лес встал – ну и вали!
Ты – человек, ты – пуп земли!
Мужайся, русич молодой,
И Родиной гордись!»

* * *

Появился сатана во взгляде -
В боковом, чуть-чуть наискосок.
Завели, заколебали, гады!
Вертикально пальчиком в висок,

Все три «П» в наличии имея:
«Палец», «пол» и где-то «потолок».
Если правда, ты изгонишь змея.
Если врешь, не насидеться впрок.

Делай то, с чего все начинали
И прошли в историю, в века.
Мы же все то в страхе, то в металле,
Как в печи цыплята табака.

Стой, как все мы! Без двойных стандартов!
И не надо путаться при этом.
Нет, нет нам финиша за стартом,
Всем народом взятом и воспетом.

* * *

Высокой святостью духовной
Церковник свечи окроплял.
Они горели ярко, ровно,
И капал воск, и дух витал.

И он увидел крестик божий
У богомольца на груди.
«Ты где купил?» - амвон встревожив,
Спросил церковник Автандил.

А богомолец – Стенька Разин,
И вороват, и лучезарен,
Сказал ему: «А на базаре,
У старичка, не видишь разве?»

- Так вот! – на храм весь прогремело,
Наверно, голос Автандила. –
Святить не буду! Твое дело,
Где красть, где класть, где соль и мыло.

А мы то святым, что у нас
В церковных лавках и пределах.
...Я ждал: что скажет божий глас?
Пока молчит... такое дело...

* * *

«Все хорошо, - нам говорят. – Все очень хорошо.
В Кремле вот елка. Новогодний бал».
- А в Куршавеле – шепчет бес, - штук сто таких еще.
В королевстве кривых зеркал.

«Все хорошо, - нам, говорят. – Все очень хорошо.
В Европе кризис. Нас он замахал».
-А в Гусь-Хрустальном, -шепчет бес, -штук сто таких еще.
В королевстве кривых зеркал.

«Все хорошо, - нам говорят. – Все очень хорошо.
Заводик встал. Фанат устал».
- А на Манеже, - шепчет бес, - штук сто таких еще.
В королевстве кривых зеркал.

«Все хорошо, - нам говорят. – Все очень хорошо.
Была война, нас фронт достал».
- А в Малом граде, - шепчет бес, - штук сто таких еще.
В королевстве кривых зеркал.

* * *

Малая Родина, Родина малая
Мне с колокольни видна.
Нас уверяют, особо отсталая,
Но заводная страна.

Что тут? Дома как дома.
Как и, наверно, сто лет.

Где небоскребы, тома?
Где тут наш русский народ?

Только тропинка, где Пушкин
Перебегал к Анне Керн.
Да грохотали тут пушки,
Был героизм. Между тем,

Нет тут Поклонной следа
И иностранщины нет.
Хоть и лежат господа:
Пушкин, Толстой, А.А.Фет.

Малая Родина, Родина малая -
В душу, на самое дно -
Пала, лежит там, страна небывалая.
То, что нам Богом дано.

* * *

Бывали взлеты и порывы,
Невероятные финты.
А мы едва остались живы.
Все колея, война, кресты.

... Был март. Скамеечка и сквер.
Затенькала капель, капели
Соединились и запели
Мне музыкой небесных сфер.

И мать, с ней Пятницкого хоры,
И песни тех фронтовиков,
Что, погибая тут, и пели,
От радости, что, сдвинув горы

И нас тогда освободив,
Нам дали слушать их. Я жив!
И мне капели эти пели,
Поющий фронт изобразив.

Я пел всегда, как с ветки птица.
А тут свое, и там свои.
Из опер музыке летится,
А с голоса – ме – ло – ди – и ...

В романсах весь, в народных песнях.
Неаполь. Тенор. Русский птах.
И нет мелодий мне чудесней,
Чем те, что - в птичьих голосах.

* * *

Когда сегодня кто-то беден,
Хотят иного затоптать,
Мне, откровенно, мистер Федин,
Желательно свое сказать.

Война еще вдали гремела,
А уж, поднявшись из руин,
Топили печь, писали мелом
У входа в класс: «Мы победим!»

С утра вбегала к нам соседка
С совочком: «Мне бы уголька».
И уходила бросив метко:
«А что – не просит молока».

Бывало, спичкой мы одной
С пол-улицы печь зажигали.
Так жизнью родоплеменной
И жили, словно на вокзале.

Когда сегодня кто-то беден,
Вор за миллиарды не в тюрьме,
Мне снится, уголек, мсье Федин.
Одно на ум и два в уме.

* * *

Когда всем делая подарок,
Сшибают одного из нас.
Рисую я им Жанну Д'Арк
И выставляю напоказ.

Пройдет лет сто, и эта Жанна -
Герой, мистическая статья,
Спасая Францию, так странно
Возникнет на костре опять.

Как экстрасенс, сильнейший стресс
По нервам тонким бьет,
Так тот экспресс, что в нервы влез,
Не запугав, уйдет.

И будет Жанна напоказ
Глазам моим сиять!
Возьмите каждого из нас,
Чем каждый может стать?

* * *

Родина могучая моя!
Ослабей лишь дух, застынь ландшафт,
Тут же и насядет на нея
Ветер с Юга, тучка хороша.

Гайавата Юга не забыл,
Этот знойный ветер Шавондази.

На Восток за Иртышом ходил,
Где гулял Ермак и Стенька Разин.

Как бы это взять и совместить –
Два несметных голубых потока?
Защитить свою родную выть
От сидельцев с Юга и Востока.

И Баян с Ходыней по плечам
Развернули песенное слово.
Как без них тем ратникам, мечам
Чингиз – хана выдюжить второго?

И Баян Ходыне подпевал
Песню. «Два потока, как два лика.
Два акына, каждый аксакал –
Волгу тоже делают великой».

Родина могучая моя!
Положись на дух своих людей,
И едины станут все края
Перед лавой отдаленной всей.

* * *

Где рожь была, цвела гречиха,
Вдруг сделали аэродром.
И самолет садился лихо,
Над нами походив кругом.

И парень – царь аэродромный,
Князь всяких почт – «не кантовать»,
Все обещал нам, детям скромным,
На самолете покатать.

- Но, - подмигнул при этом парень. –
Вы, сами знаете, там небо.
И, хоть не очень высоко...
«А где вы, где вы, очи карие?»...
Нуждается в краюшке хлеба,
И примет также молоко.

По карточкам, что получал народ,
Мы отнесли свою краюшку.
И вот все ждем тот самолет -
Двукрылый, «Аннушку» - старушку.

Но «Аннушка» не прилетает,
Ушла в неведомый полет.
А мы все ждем его, - бывает, -
Тот санитарный самолет.

* * *

Пришел дружок: такое дело,
Наш завуч и дружкова мать -
Ввести французский бы хотела,
Нас всяким штучкам обучать.

- Конечно, - заявил я смело. –
Война недавно отгремела.
Немецкий в школах изучают,
Нас с оккупантами сличают,
А тут совсем другое дело.

... И вот теперь выходит книжка -
На русском и французском сразу.
Моник – соавтор ... уж не слишком
«Ли – ли»?.. Их «пароли» да в нашу фразу...

И книжка та уже в Париже,
Еще ей штук двенадцать мест...
В Женеве, где ЮНЕСКО – ближе,
Культурней того места нет...

Когда б не обучался в школе
И не идти мне в пятый класс,
Ей богу, не было бы боле
Сна, подходящего для нас.

На Рязанщине

Гремела буря, берег близко,
И шла за ратью рать.
Они народную артистку
Прислали вместе выступать.

Рязань и Дон, а не Ока.
И малый Милославль.
Втроем мы держимся пока,
Других – себе оставь.

Есенин с нами, на устах
Повсюду у меня.
И я впервые в тех местах,
И полон весь огня.

И по народу мы идем,
Артистка та поет.
И это все тут отчий дом,
И русский наш народ.

Слова Есенина пою
И я на свой мотив.
И от Руслановой в строю
С артисткой ввысь летим.

Куда, куда, мой борзый конь?
Куда несешься вскачь?
Орел, Есенин и огонь...
И хоть кричи, хоть плачь...

Да, это врезалось в меня:
Рязань и Милославль!
Есенин с красного коня,
Других - себе оставь.

Есенин – с розовых бровей,
Любимый мой пиит.
И отрок тот Варфоломей
С Есенина глядит.

* * *

С детства помню Евпатия Коловрата.
Он вернулся домой, а Рязань сожжена.
Вот такая в душе и поныне заплата,
Где-то у самого дна.

Помню, хотелось стать рядом с Евпатием,
Не пропустить в Рязань дикую степь.
К Есенину – с любовью, а к Евпатию – с симпатией,
Увеличивал русскую крепь.

Помню, как надвигаться врагу
Тут у нас на Орловско-Курской дуге,
Коловрат Евпатий тоже не жалел пороху,
Стоял, как говорится, со мной на одной ноге.

Вернее так, на Курской стороне – левой,
На Орловской – правой, головою вперед.
От Малого города – на Берлин... Делай –
Рраз! Делай – два! До свадьбы все заживет.

Не хватает Евпатия Коловрата.
Дай, на всякий случай, сам постою у ворот.
С детства помню Евпатия, брата,
В том великом горе и я...

Как вернулся домой он, а Рязань сожжена...
Вот такая, сидит во мне, понимаешь, история
На все времена.

* * *

Мне говорят, крепи свой дух,
Как сядешь на коня.
И я скачу один за двух,
И стрелы все в меня.

И я, крепя свой русский дух,
Не оскорблю коня,
Когда скачу один за двух,
И стрелы все в меня.

Мне говорят, строй диалог
С людьми и среди бумаг.
И я скачу, а между ног
Витает где-то страх.

За свою народ, за наш успех.
Как сяду на коня,
Так и скачу один за двух,
И стрелы все в меня.

Мне говорят, а третий где?
Сам – конь и кто с тобой?
А третий мой – со мной везде,
С огромной бородой.

Она – история, как плуг.
Приставлю к ней коня,
Да и пашу один за двух,
И стрелы все в меня.

* * *

Девочка сидела и плакала
На большой дороге.
Потеряла дедушку Якова,
Как и мы, очень многих.

Нет того и другого всякого,
Многих уж нет.
Вот внучка от дедушки Якова
И ждет, понимаешь, конфет.

Но проехала мимо Дракула,
Дорогой автомобиль.
Не привез он дедушку Якова,
А привез одну только пыль.

Ждет, девочка человека не всякого,
Вот-вот проедет велосипед,
Привезет внучке дедушку Якова
С огромной коробкой конфет.

* * *

В лесу родились елочки,
В лесу они росли
Упали все иголочки,
Огнем их подмели.

И зайцы подбежали,
И волки подошли,

Иголочки дрожали:
«Куда следы вели?»

Остались живы елочки,
В лесу им нелегко.
До Дед Мороза елочке
Покамест далеко.

Отдельно тут иголочки,
А вместе – снег и темь.
Растут, растут тут елочки,

А там – звезда и Кремль,
Оттель светает всем.

* * *

Замучили дожди, заколебали:
Что Новый год сегодня принесет?
Куда-то цифры добрые сбежали,
Но покупает яблоки народ.

Весь год на это денег не хватало.
А тут вот, поднатужась в выходной,
Купил дед яблок внуку с полвокзала,
Пусть электричку купит дед другой.

Смеялся мальчик. Перестал смеяться,
Когда сказал вдруг «телик»: ого-го! –
Что из людей процентов восемнадцать
На Новый год не купят ничего.

И что ослы и, как их там, слоны?
Что те едят на Новый год – морковку?
Весь мир глядит на них со стороны,
Какую те напялят там обновку?

Замучили дожди, заколебали,
Но вот и с Юга долгожданный снег.
На этот раз пришел он из Италии,

Где Папа Римский, что один на всех.
А Караваджо дважды - для утоленья жажды.

* * *

Воркует голубь где-то, трали-вали.
Глазник кому-то вставил третий глаз.
Весь год они профукали, все крали,
И вот о совести вдруг вспомнили сейчас.

Прислали детям гусеничный трактор
И розовый поломанный комбайн.
А сами как сверчеловечий фактор
Поукатили на лето в Дубай.

И черт бы с ними, с теми господами,
С соляркой и комбайном заодно,
Но вот сам Бог им в душу бросил камень:
«Акулы появились!» Как в кино!

Одной полпятки будто отхватили,
Другую положили на живот,
И что там было, все уж позабыли
Но что незабываемо, живет,

Так это то, что волки те – акулы,
Приплыли из Австралии, и тут.
От Сокола, что ль, от Хаби... хаби... булы...
Забыли, в общем, как его зовут.

Но помним, кто нас бедными исделал,
Увез на яхте деньги в Куршавель.

Туда, на юг к ним, он уехал белым,
Вернулся черным, загорелым зверь.

Пастель и Солнце...В общем, побывали...
И пьют теперь в России шнапс, иес.
Весь год друзья в Дубае загорали,
А тут пошли и освятили крест.

* * *

Когда кругом зима, мороз,
А солнышко кипит.
Идут дожди в тайгу волос,
В Босфоры золотистых кос
И изменяют вид.

Где парикмахерский полет,
Живой «ондулясьён»?
По кругу женщина идет,
С мужчиною вдвоем.

А ведь не знает, что волос
Уже исчез «шарман».
И он, не замечая кос,
Глядит по сторонам.

И гладит искоса карман,
Не замечая кос.
Богатство все ее не там,
Тут - в золоте волос.

По кругу женщина идет,
И с нею легкий снег.
Мужчина в нос себе поет,
Надеясь на успех.
Не хватит золота на всех!

* * *

Рисую вас, сама рисуйся
Под цвет зеленый на плечах.
Вот ваш портрет – бери, любуйся!
У вас в очах – живой очаг.

У вас в очах – сам Бог, Кипренский.
Он не зачах – под кистью венской,
С откоса волжских Жигулей,
С высокой мистикой своей.

Гляжу туда, во глубину,
И тут же сам иду ко дну.
Какая «бель», какая стать!
Сбежал - откуда не достать!

Рисую вас, хоть сам рисуйся
Под свет зеленых фонарей.
Вот моя жизнь – бери, красуйся!
До донца, до скончанья дней!

* * *

Он пришел ко мне и говорит:
«С добрым утром! С добрым утром, мяу!»
Под ладонью изгибаясь, - кит (так по-украински)
Вдохновляет на работу: «Браво!»

На столе, на огородном пне
Он сидит и очень помогает.
Диалог такой во глубине
У меня с природой созидает.

Грациозен! Мама научила
Ваську петь и даже говорить.

Телевизор, музыка – все было
И теперь имеет место быть.

Дома он как равный член семьи,
Ходит по трехкомнатной квартире.
С сыном спит с восьми и до семи,
Самый лучший наш дружище в мире!

В мир природы открывая дверь,
Он такой набор из диалога
Всем тут демонстрирует теперь,
Что и человеку очень много.

* * *

На ярмарке купили две селедки,
На ярмарке в прошедший выходной.
На Новый год ни коньяку, ни водки,
А просто так – селедка в день хмельной.

Отныне предпочтенье рыбам.
Жена. Уха на Новогодний стол.
А чтобы мама вдруг не встала дыбом,
Сын съездил в магазин «Атолл».

Ешь свои груши, обожай свой фрукт!
Встречай гостей, общайся с телефоном.
Но на мужской наш праздничный салют
Не посягай со своим женским треном.

* * *

Рябина красная на белом, белом снеге.
Как капли алой крови с высоты.
И синее, безоблачное небо.
Все где-то там, откуда смотришь ты.

Любимая! И ты меня любила.
Ждала, бывало, был энтузиазм.
Но все проходит, что когда-то было.
«Все суета», - сказал Экклезиаст.

Вот также было красное на белом
И синее, как наш российский флаг.
Я ощущал твое живое тело
И две рябинки горьких на устах.

Проходят дни, но годы остаются.
И, чтобы нам запомнились они,
Пройдитесь иной раз поближе к «блюдцам»,
Краснеющим в снегах и в наши дни.

* * *

Горели деревья, пылали деревни,
Стихи мои брались в полон.
За то, что пророчили статус нам древний
С еще дотатарских времен.

Шестая часть мира и горсточка центов.
И взгляд сквозь ничто, из беды.
Земли у нас, кажется, десять процентов
И двадцать – холодной воды?

«Шестая часть мира! Шестая часть мира!»
Поэт зарыдал и упал.
А тут погибает всего лишь квартира,
За что ее Бог покарал?

Квартира соседа – давно уж пуста,
Молчит опустевшая Русь.
А истина в том и сложна, и проста,
Попробую в ней разберусь.

Все окна, все створки, подборки, разборки,
Да кризисы все на устах.

Заводы, породы, деянья природы
К себе на задворки, к себе на закорки -

В конторские бланки, в швейцарские банки
Как дырка от бублика, нуль на тачанке,
Каховка с винтовкой в руках.

* * *

Пировали, забывали, что зима и волки.
И кружились, веселились у пушистой елки.
Пировали, веселились, как зимою волки.
Подсчитали, прослезились – зубы класть на полки.

Полки, словно волки, на людей бросаются,
Ценами и сценами, как всегда, кусаются.
Пировали Дед Морозы. Разошлись, поохали
И кого-то за углом взяли и угрохали.

* * *

«Шаровары, шаровары» - что за слово странное?
Что-то в нем, как шар, земное, вроде иностранное.
И теперь, дойдя до ручки,
Одевают бабы брючки.
Полземного шара в брючках,
Полземного – в платьях.
Говорят, все люди – братья,
Только очень разные,
Стервы куртуазные.
«Шаровары, шаровары» - вроде что хорошее.
Что-то в них, как шар, земное, снегом припорошено.
То, что скрыто – приоткроем,
Пусть оденут платьица.

Всех Будашкиным покроем,
Шаровары спрячутся.

* * *

Снег идет над Льежем, под Орлом.
Пролетая к нам через Европу.
Он летит, прислушиваясь к топу,
Топоту коней, моим пером

Обозначенным на меловой бумаге -
Конских лав из Азии до Праги,
Из веков пронзивших в глубину
Нашу евразийскую страну.

Да и я прислушиваюсь к топу,
Топоту коней во всю Европу,
От Батыя и до наших дней,
Не вчера проснувшихся во мне.

Одиссей прислушивался к топу,
Обогнув с Рембо свою Европу.
Пьяный свой корабль поставив к стенке,
Не снимал со слова пену, пенки.

Не Гомер, но вроде Одиссей,
Гениальный юноша прозревший,
Три эпохи за трехлетье певший
В снах и явях физкультуры сей.

Снег идет над Льежем, над Орлом,
Пролетая к нам сюда Европу.
Я пишу, прислушиваясь к топу.
Я владею духом и пером.
Снег идет над Льежем, под Орлом.

* * *

Мне тыщу раз ты мимолетно снилась,
А в тыщу первый стих я написал.
И вот я стих. Во мне осуществилось,
Что не давало жить, я этого не знал.

Живи, мой стих, в броне сонета!
Вдруг от Петрарки выглянет любовь
И скроется в пространствах воля эта,
И хорошо. А вновь себя готовь

К той встрече, где под именем Лауры
Свободный образ с именем конкретным,
Который я, конечно же, с природы

Имею, может быть, в виду,
Когда, ма шер, к себе домой иду...
Все прочее от игр – литературы...

* * *

Так и живу под фазами Луны,
Когда под Солнце дух перелетает
От света к тьме, до игрищ Сатаны –
Мне просто тут Свободы не хватает.

И если ночью у окна сию,
Нутром вникая в бденья жаворонка,
То днем в перепелов перехожу,
А то ночами мудрено и тонко

Пишу, и мысль моя вольна,
Мы с ней свободу пьем до донца.
И мне с пером, где мы
Не в царстве тьмы,
А тут же, у оконца,

Охота обалдеть.
Ударить в день, как в медь,
Сказать: «Да здравствует шарообразность Солнца!»

В перо вопьется острием Луна!
Да здравствует! Шарообразно Солнце!
А я при нем, и мысль при мне одна:
Пошли нам, Боже, света, дней до донца!
И мне с пером,
Не царства тьмы,
Когда сидим тут у оконца,
А света больше,
Нам не хватает Солнца!

АЛКАНИЯ ЛЮБВИ

К тебе ступая по земле

* * *

К тебе ступая по земле,
Я шел холодный, благородный.
Раскован, внутренне свободный,
Непредсказуемый в семье.

А ты ждала, а ты стояла,
Недвижима и недоступна.
Ты - женщина из мадригала,
Как сон, а наяву преступна.

Готова жалить, как змея,
Кто на тебя вдруг посягнет.
Я посягаю, слышишь, я!
Во мне желание живет.

И я считаюсь не с тобой!
Ты – моя женщина из женщин!

С тобой хочу, а не с любой –
Желанной, златокудрой, вещей.

Я посылаю импульсы тебе,
Захватываю все твои пространства.
Моей ты будешь, судя по себе,
В сетях растет сознание постоянства.

Постой, не шевелись во мне, живи!
Люби меня свой каждый день и час!
Я знаю, что бывает от любви:
Любовь по гроб уничтожает нас.

* * *

Под сирень пришла ко мне, явилась
Милая и нежная моя!
Густо покраснела, объявилась:
- Разве ты не видишь? Я твоя.

Разве ты не видишь, мой любимый,
Я в тени у дерева любви.
Под сиренью этой белой, зримой,
Никуда отсюда не зови.

Я подумал: «Вот она какая!
Драма чувств не пепелит ее.
Я пошлю ей слово, увлекаю
Им в огонь, на бой, на острие».

И стояли двое очень близко,
Под сиренью вроде бы простой,
Оказалось под другой – персидской,
Где Хафиз в глазах весь золотой.

Розу у Хафиза изгибаю,
Вот она, какая в жизни проза!
Замер я, а вдруг умрет с мороза
Роза у Хафиза голубая?

И прижал я Женщину к сирени,
Голубому белое воздав.
Целый день в душе бродили тени,
Смуту чувств случайно угадав.

* * *

Я вижу серыг безумное качанье,
И чувств своих разгоряченный рой.
Но о другой во мне мое молчанье,
В улыбке твоей сладостной порой.

Переплелось, проникло, не уходит.
Волнуясь друг во друге и стоим.
Мы не хотим все явно при народе
И слишком тайно тоже не хотим.

Возникшее на все распространилось,
Оно уже почти в моих руках.
И я почти готов, скажи на милость!
Уж не витать, не плавать в облаках,

А тоже так, ступая по земле,
Идти на все, имея горький опыт.
И все-таки что там у нас в семье?
Среди людей, где жизнь, житейский ропот?

Мы тут одни, захвачены судьбой.
И кто кого? Иду к тебе на «ты»!
Уже ты не являешься собой,
Уж мне принадлежат твои черты.

Моя любовь! Не серьги уж качает,
В ее руках качает самого.
Пять лепестков. Сомнение венчает
Ее лицо, и больше никого.

* * *

И вот он, глухаринный звон!
Как бы в лесу, под этою сиренью,
Себя дарю строке, стихотворенью,
Их забирая свыше, у икон.

Лик божества в тебе, с тобою слился.
Вострепещу от радости такой,
И вот уже горю, воспламенился
От встречи этой самой дорогой.

Мой ангел! Мой божественный фиал!
Я пью очарование с двух рук.
Тебя я, может, тыщу лет искал,
И вот ты тут, ты предо мною вдруг.

В пространства отпускаю от себя,
Дарю тебе Свободу, счастье быть.
Живи же, ангел мой, меня любя,
А я готов всегда тебя любить.

Готов поклясться! Дать себе обет,
Что эту вот персидскую сирень,
Я буду видеть через тыщу лет -
И каждый год, и каждый, каждый день.

Мой ангел! Сброшу свою митру
С себя, такого однолюба,
Отброшу жреческую цитру,
Несущуюся ниоткуда.

* * *

Не бывает Бога слишком много.
А Свободы? А Любви? А нас?
В этом мире, где мы все, ей богу,
Умирали от любви не раз.

Взглядами, чуть в сторону кося,
Ты в руках моих как будто таешь.
Между тем, задумчивая вся,
От себя меня не отпускаешь.

И пространства видя пред собой,
Временны мы все на этом свете.
Вечными нас делает любовь
На неумираемой планете.

Прислонись сюда ко мне опять,
Прикоснись прохладными губами.
Вновь заставь меня затрепетать,
Гнаться за живыми голосами.

Слушает она, и мне ни слова.
Думает, что с нами может быть.
Всех любить душа всегда готова,
Очень даже это может быть!

Не бывает Бога слишком много.
А Свободы? А Добра? А нас?
В этом мире, где мы все, ей богу,
Умирали от любви не раз!

От тебя иду я удивленный

* * *

От тебя иду я удивленный,
Что не знаю, как тебя зовут.

Под сиренью белой, к нам склоненной,
Не спросил в дыхании минут

Слов моих и твоих синих глаз,
Нежностью встречающих меня.
Как зовут? Лаура? После нас
Не Петрарка, а сирень и час.

Час свиданья за сирень уйдет,
А Лаура как разлуки завязь.
Как-нибудь попроще бы, без нот
Музыка от имени осталась.

Настя, что ли, иль Анастасия?
Как Ивана Грозного жена?
Жемчуга... Разбросана стихия...
Имена на годы, времена...

Отчего же, Настя, губ прохладу
Ты отводишь, в сторону глядишь?
Солнце, радость шлют тебе награду, -
Чувствую, присутствую, манишь.

Женщина, что тень. Когда ты с нею,
В никуда уходит от тебя.
Я стою, отсутствую, бледнею,
Удивленный, что дарю себя.

* * *

Лаура иль Настенька, Анастасия
Едва перед взглядом мелькнет,
Как где-то на небе высоком Мессия
Мой дух за собой позовет.

Со словом уляжется в ложе,
Из света создаст серебро -
Из сердца, из нежности брызнет, о боже,
Из радости хлынет добро!

Конечно, любима, конечно, Лаура,
Конечно, Настасья иль нет?
Уходит в пространство гитары фигура,
Прекрасен ее силуэт.

И сердце мое как во мне встрепенется,
За тень устремится туда.
Серебряным веком в груди моей бьется
Кудесница слова, звезда.

Два шага вперед и три шага назад,
И десять за нею туда.
В сомнениях муза, как чья-то слеза,
Лауру уносит вода.

Идут пароходы во льды, в ледоходы.
Где нас ожидает паром?
Сирень, под сиренью текущие годы,
Которым себя отдаем.

* * *

Уходила дальше от меня,
И уж я за ней туда стремился,
Где, хотя и не было огня,
Пульс мой у виска стучался, бился.

Синенькая жилка у виска,
Воля, как у шизика, свобода.
Если людям ничего пока,
Как же это страшно для народа.

Где Свобода, Равенство и Братство,
Вера и Надежда и Любовь,
Там Лаура, - вот мое богатство,
Тут Анастасия вновь и вновь.

Погибая, снова повторяясь,
Восходя на плаху, в высоту,
Красоты таинственную завязь
Ощущаю, обожаю ту,

Что зовет, воспламеняет, манит,
И неважно, что она уйдет.
Все равно она в тебе оставит
Душу, что гармонией зовет.

* * *

Боюсь опускания в материальность,
Сражаюсь за облик в себе.
Каков Леонардо, какая ментальность,
Такие дороги к тебе.

Какая разруха, какая судьба,
Как совесть теряют кругом!
И кто-то, выдавливая раба,
Заиклит себя же на том.

И сколько же надо таланта,
Чтоб это ославить, воспеть!
Греми, мое сердце! Нетребко - бель канто!
Моя духотворная медь!

Уходит в сонеты Анастасия!
Куда-то к обрыву, к Оке!
А мне уже кажется - это Россия
В вечерних огнях вдалеке.

И долбит Орел мне разверстую печень,
И я уже как Прометей!
Ах, Настя, Лаура, скалу укрыть нечем,
Когда налетает злодей!

Светись, мое сердце! Тот голос «бель канто»!
И та духотворная суть!
И десять копеек не дам за таланта,
Чтоб в очи ему заглянуть.

* * *

Паду на колени пред женщиной этой:
«Любимая, не уходи!»
Ругательным сделали имя поэта,
А что еще там впереди?

Женщины наши, спасите Россию!
Коли слабы мужики.
Вижу мессию - в Анастасии,
Во взгляде из-под руки.

Любовь мою, сердце возьмите,
А мне дайте Родины взгляд!
И милую, милую хатку – обитель,
Где тихо со мной говорят.

Где милая, милая Анастасия,
Где любят пока что любя.
Страна моя бедная, мать Россия!
Опять растащили тебя!

Нам надо в мечту воплощаться, с тобой,
Чтоб тихо у камня лежать?
Дорога к сирени ведет за собой,
Любуюсь сиренью опять!

Туда, где «Валдай», как рубли, под дугой,
Уходят поэты. Но вновь
Воспрянем мы, только через Любовь,
И нет нам дороги другой!

* * *

Сиреневая любовь

Рекрута тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Ходят еще с этой самой «ливенкой»,
С ухажеркой звонкою, рябой.

Торовата, с легкою гнусавинкой,
Ловко переборчива она.
Где-нибудь за Луковцем, за Каменкой
Под «матаню» пляшут у окна.

И теперь хожу я с фисгармонью,
С теткой этой, в ближнее село,
Тут вот, не в какую-то Эстонию,
Где вчера дорогу замело.

Завалило козырной Покров -
Белым снегом, белою сиренью.
Вон автобус мчится будь здоров!
Как по полю всякие виденья.

С ливенкой иду туда я – к Богу
И назад от Бога вместе с ливенкой.
Чтоб Анастасию – недотрогу
Привели крыла гармонии миленькой.

Поведу глазами по-под бровью,
Без билетов нас тут не катают.

Это «платонической» любовью
На Руси у нас тут называют.

* * *

Любимая, меня ты разлюбила!
Едва узнав, успела полюбить.
Теперь не говорю о том, что было,
А говорю о том, что может быть.

Высокий тон – на деревенской почве.
Прекрасный слог – как ветер за спиной.
Выходит, что любили нас не очень,
Не верь ты им, особенно одной.

Чтоб почести и радости – от слова,
От песнопений – жить и получать,
Не говори, что слово – благ основа.
Скажи, кому за слово отвечать?

А все-таки, а все-таки любила.
Любила! Побывала и - привет.
Цвела сирень. И что-то было, было!
Все остальное – суета сует.

Анастасия! Не ходи, не надо.
О, не являйся в сны через порог!
А лучше бы мне ты (какого лядя!)
Дала мне духу хоть на пару строк.

Слагай сонет, поэт! Как сруб, навечно,
Лаура, чтоб пришла сюда, жила.
Чтобы в соцветьях звезд пятиконечных
Сирень персидская тут рядом с ней цвела.

* * *

Прилеж. Лежу. Сам положил себя
На шар земной. Он – подо мной.
Лежу, лежу. И вижу не тебя,
А звезды между мною и тобой.

Всего мне остального нет,
Все это только будет.
Еще не создал их в себе поэт,
Нет общество, где остальные люди?

Пой мою песнь, Анастасия,
С Кубани шли сюда привет.
Куда ни глянь – кругом Россия,
Ее аллея глубокий свет.

Сюда доходит издалека,
Нет расстояний у любви.
Сирени тоже одиноко,
В сирени хочется твои.

* * *

С утра я распахну окно,
Ворвутся запахи любые.
Как будто терпкое вино,
Забродят звуки голубые.

Стихия безотчетная любви
Вдруг обоймет меня неясной тенью.
А под балконом ты, глаза твои,
И розовые платье под сиренью.

* * *

Красота усилена Богами,
Бог во мне усилен Красотой.

Женщины божественные с нами,
В них осуществился облик твой.

О Лаура! О Анастасия!
Белая энергия во мгле.
Молодая, статная Россия
По утрам слезится на стекле.

Припаду своим зеленым оком
К неосуществленностям своим.
И, стекая дождевым потоком,
Слезы следом проторятся к ним.

Чьи они – несметные, людские?
Или, может, Настенька, твой?
Все мы тут у общества такие!
Все мы тут чужие и свои.

Так сказать, на Бога и надейся,
На кого ж надеяться еще?
Сколько ты, косыночка, ни вейся!
Сколько ни плескайся о плечо!

Кто-то там махнет на нашу участь!
Кто-то косу даст: бери, коси!
Радуйся, витийствуя и мучась,
Так вот и живется на Руси!

* * *

Колокола божественно гремели,
Далекий звук стелился по земле.
А вы, осуществляясь, чего б хотели
От тех пределов, тех Па-де-Кале?

Но к свету, к куполам златым стремясь,
Неся в себе противовес материи,
С крестом я устанавливаю связь,
Со всей его божественной артелью.

Мне духи жизнь диктуют, говорят,
А я молчу под чьим-то взглядом с неба.
Я столько лет, и день и ночь подряд,
Оттуда не просил ни корки хлеба.

Они мне сами от небес являлись,
И хлеб на стол, поэзия на нем.
Опять сирень, опять весна и завязь,
И белый снег над Льежем и Орлом.

Пока мы тут, пока мы с вами живы,
Покуда Солнце ходит по кругам,
Я буду петь персидские мотивы,
Не пьедестал в поэзии создам,

А естество, а красоту и совесть,
От Бога свет своих зеленых глаз.
Сирень цветет! Заканчивая повесть.
И снег с сирени падает на нас.

Вкусила яблока греха

* * *

Вкусила яблока греха –
Огромное такое, красное!
Сил не хватило у стиха,
Чтоб солнце оставалось ясное.
Померкло, за черту ушло
Ее прекрасное чело.
Как при затменьи стала хмурой,
Уж не назвать ее Лаурой,

А просто женщиной греховной
Спустилась ниже пьедестала,
И платонически альковной
Анастасия эта стала.
Умна, неведома, опасна,
Из сатанинских женских чар,
И чем-то все еще прекрасна,
И не вчерашний божий дар,
И в то же время так несчастна.
Поэт, познай же и таких,
Описывая Еву классно.
И, как Хафиз, в саду б и я
Валялся б с ней в тени забора.
Великолепная змея,
Живое яблоко раздора.

* * *

Вкусил то яблоко и я,
Возникли и во мне сомненья.
Великолепная змея
Опутала стихотворенья.

Что смутно было, стало ясно.
Что ввысь просилось - вниз сошло.
Бескомпромиссное прекрасно,
Пусть говорят, мне повезло.

Любовь моя куда-то делась,
Как кошка, что ли в тень легла.
И гамма вся, сойдя на серость,
Дух равнодушья создала.

Все это яблоко! Все это
Великолепная змея.

Настасья, слово у поэта.
Хафиз в саду, где ты и я.

Карабкаясь из грязи в князи,
Из мира подлости людской,
Душа, стремись из безобразий
К вершинам света, в непокой!

И чтобы яблоко вертелось –
Миниатюра, шар земной,
Одолевай, дух, оробелость,
С коленей поднимись и стой!

* * *

Исчезла божественность, нежность исчезла,
И тайна возникла, сюжет.
И всякое в голову мрачно полезло
Из ретро, имен, эполет.

Вот слово из прежнего «первым»...
Возвышенно, главно в ряду.
Но, глянь, «сорок первый» - уже кто-то нервный -
Вмешался, вещая беду.

И новое слово «последний»,
И все между этим и тем.
Из темного, черного, бредней
Исходит рождение систем.

Все в нас, Настя, где-то слилось -
И «дюйм» наш последний, и «рок».
Все это вселенская бось,
Все это гнилая насквозь,
Имеет предел свой и срок.

Бессрочны лишь только подалы
И замков воздушная статья.
Мария струями летит из «Ла Скалы»,
Не смею перед ней устоять!

Какое библейское имя Мария!
И Настя из наших времен.
А вместе бессмертное, вечное «мрия» -
В поэзии редкий канон.

* * *

Но чем нас уводят и чем мы спасемся,
Кто грешник, а кто антипод?
В синь ангелы рвутся, а мы остаемся,
В нас что-то сидит и живет.

Однако цари даже падают с неба,
Бессмертные – сколь ни цари.
Но даже Нетребко не требует хлеба,
Талантом нас покорив.

И, мучая музы, и жизнь прожигая,
Собой восхищая в строке,
В удел свой несемся, воители рая,
Сидельцы с трезубцем в руке.

Опять присосался, опять лицезрею -
Умельцем служу на Руси.
Они принесли армянину, еврею
И мимо меня пронесли.

Но Боже, не дал исчисленья таланта
Опять ты с трезубцем, опять?
И все тяжелей на плечах у Атланта,
Вся эта вселенская рать.

Встань рядом со мною, Анастасия!
Все тяготы дня раздели!
Спаси, сохрани, боже, – Русь и Россию,
Поэзию Русской Земли!

* * *

Несут меня Боги в родные чертоги,
Зеленую пропасть тая.
И как всемогущи те райские кущи,
Где Боги, эклоги и я.

Я слез со скалы бы - грехи не пускают.
Торчу в небесах у огня.
И те племена там едва отпускают,
Как вновь забирают меня.

Мне яблоко снится, и я - Прометей,
Я печень орлам не даю.
В мятущемся мире людей и идей
Белькантию взял и пою.

И змей – искуситель! Заклятья, проклятья!
И плотская, что ли, любовь!
В какой раз долдоним, что все люди – братья,
Родня нам, по крови любой.

Но рядом, но близко, где скользко иль «склизко»
Опять вылезают братки.
Живи, моя совесть! Из-под обелиска
Неси нас по стиксам Оки!

Нам яблоко дадено это одно,
К нему животворная нить.
Но как бы, Настасья, не съесть и его,
В карман, что ль, кому положить?

* * *

Не искушай меня

Не искушай меня, не искушай,
Как всякого последнего тут, что ли?
Земля-то, может быть, и хороша,
Да сам каков в земной своей юдоли?

Что сделала и ты, и все мы вместе,
Чтобы не падать духом, не роптать?
Все врем и врем, и все оно на месте.
Или летим ... как это понимать?

Вернусь в семью, семьей своей утешусь.
Под Энгельса, под крышу государства.
Есенин говорил, «на рукаве повешусь»,
А мы и так... плюс-минус... царь и царства...

Уж где-то там и ты, Анастасия,
И в том же духе средние века.
Все, как в репьях, в долгах у нас Россия,
Все чьи-то беснования слегка.

Из «перманента» войн и революций
Куда идти, как не в семейный плен?
Рот до ушей, господство эволюций,
Абракадабра, Свифт и «гуинплен».

С какого бить конца тупые яйца?
И как придать им остроту идей?
Гала-концерт, концепт все «люди – братья»,
И сам поэт – глупейший из людей.

* * *

«Распни его!» - кричали на Христа.
Распяли – ну, и что? Опять Мессия?

Все начинаем с чистого листа,
И где ты, Настя, ты - Анастасия?

Процесс пошел. Да процедура – дура.
Все дело в отмывании и розни.
В метафорах, из глосс - литература.
Процесс, прогресс и всякие там козни.

Поток потёк. Зато есть дом, семья,
У каждого – свое, фасад с лица.
Христос на то, чтобы Нерон, стена,
Как Риму, и нам бы не навлек конца.

И все-таки как быть теперь с Любовью?
Жизнь не туда в который раз пошла.
Все оголтело, через боль да с кровью,
Опять упала книжка со стола.

И каждой глоссе, хоть и не просит есть,
А все же надо оказать бы честь.
В пределах сил, семейного бюджета
Чего я только не наколбасил

В ту зиму, и на эти мои лета.
Трудись, пока хватает сил,
О Леонард! Запомни, есть примета:
Попали в дых – а не долдонь про это.

* * *

Все вымерло – враги и конкуренты.
И кто их только выкосить успел?
Но возникают новые моменты
И отрывают от великих дел.

Какое там бессмертие? Все бrenны:
И деньги, и погоды, и дела.
Рот до ушей, мы чисто «гуинплены»,
А тут сирень сегодня расцвела.

Вся белая, с персидской рядом, вместе,
И, значит, годик просвистел еще.
Опять иду к сирени той, хоть тресни,
Опять Атлант, беру мир на плечо.

Атланты небо держат нам Любовью,
Хафизы умирают за других.
В семью свою я возвращаюсь с болью,
Лаура где-то, где ее триптих?

Уж так у нас, поэтов, с удареньем.
Ударят, ну и как не отвечать?
Когда душа - с любовью, голос – с пенъем,
А по судьбе-то похоть, то печать.

И верный признак этого, что в кучке
Твои беспрекословные друзья.
Я вижу сон, во сне все те же тучки.
Сирень цветет, и дождик на нея.

* * *

Майский серебряный дождь.
Ласточка из бытия.
Рифму лаская, идешь
В степь, где кресты, колея.

Где ты в стенах четырех,
Меди словесной литье.
Где поручает нам Бог
Ладить свое и твое.

Живопись образов, строк,
Шлейфом тяну за тобой.
Снова помог тебе Бог,
Не налюбуюсь тобой.

Слышишь ты – Анастасия?
Хватку мужскую умерь.
С именем женским – Россия,
Снова все будет красиво!
В нежность надейся и верь!

В степь на высокие травы,
В тени курганов паду,
Все у великой державы
Мы в Гефсиманском саду.

Будет мне греча навстречу,
Детством погоды венчать.
Майский сиреневый вечер
Нас на коленках качать.

* * *

Такая натура! При слове «культура» -
От пули до пистолета.
А все же жива еще литература
На многие, многие лета.

А кто ей другое пророчит,
Как мне их, таких, величать?
Кто хочет мои дни и ночи
Сегодня с рассветом кончать?

И завтра, и присно, навеки,
Покудова жив человек,

Мы все у Земли человеки,
И я среди них – имярек.

Конечно, свои интернеты
У сонмов великих идей.
Поэты – живые кометы,
Все мчатся они меж людей.

Да здравствует книга живая!
И мы с тобой, Анастасия!
О, слово от края до края,
Читая, спасется Россия!

Сирень полыхает над Льежем,
И снег, как сирень, над Орлом.
Да здравствует нежность! Я нежен.
Мы снова к сирени идем.

БЛАГОДАРИЮ ЗА МУЗЫКУ

* * *

Сперва приходит музыка ко мне,
Затем слова спускаются с небес.
Глядишь, в каком-то сладостном огне
Порыв остался, а момент исчез.

Из бездны нервов, трепета души,
Становится все это милой песней.
Мелодии польются хороши,
А станут еще славней, интересней.

Без музыки нет певческого слова,
Хотя романс – безумства божий след!
Он заберет у кого слишком много,
Он и отдаст тому, у кого нет.

И вот от «ля» в тебе поются звуки,
Прибрав мои мелодии к рукам.
Возьмут твои сомнения и муки
И отдадут минутам и векам.

И дух небес вселенским освещен,
И все плохое свергнуто, финита.
А все она, та музыка, канон,
Слегка горчит - такая дольче вита.

Как музы упоительны и сладки,
И снежен путь, навстречу ветру боль.
Так резвы кони, сани мои шатки,
Со счастьем сочетается любовь.

Новогодний концерт

Певцу Николаю Носкову

Он вышел – не лицо, а лик.
Запел – не песня, а моление.
Народное долготерпенье
Передо мной явилось в этот миг.

И далее не лик, а ликованье.
Моления, вознесение к Богам.
Не человек – духовное созданье,
Возвысившись, не падает к ногам.

Я голосом попробовал – не смог
Так выразить то ликованье, лик.
Вот так и переходим свой порог
От человека – к ним туда, где Бог.

* * *

Он не поет, а служит - у Орла
Под разными эгидами, когда

Не думаешь уже тут, чья взяла,
Не тащишь Хворостовского сюда.

К чему сравненье? Сам всяк по себе.
Консерваторски вышколена рать.
И я хотел бы спеть еще тебе,
С тобой хотя бы рядом постоять.

Хотел бы, так же выстояв, спивать
От Шолохова песнь его любимую.
По Дону с этой песней погулять,
Да погугарить речь, в душе творимую.

* * *

Благодарю за музыку концерт,
За ночь без сна, наш зрительский удел.
И за свое присутствие в конце,
За то, что у экрана досидел.

Благодарю за музыку поющих,
За то, что в нас вселяли свой мотив.
И тут пред ними – чуда ждущих,
И там – роскошных этих див.

Благодарю за музыку Россию,
За то, что, вдохновляя миг,
Дает возможность жить красиво
В великих терниях своих.

Благодарю за музыку себя,
За то, что я способен ей внимать.
Шестая часть Земли, люблю тебя,
Россия – Русь, моя родная мать!

Благодарю за музыку всех нас,
От изначал до донца наших дней.
Благодарю картошку, русский квас,
Насущный наш – все хлебней, все хмельней.

Благодарю за музыку наш гений,
За то, что в круговерти, как и был.
Бог дал мне мать свою – от песнопений
И в песнопенья душу проводил.

* * *

А' капелльно женщина поет...
Только песня и ее душа.
Никаких посредников, без нот,
Песня и без них нам хороша!

Песня изливается, живет
В женщине высокая душа.
Никаких посредников, без нот,
Песня и без них нам хороша!

Муза муз, музеи – кладезь звуков,
Золотое слово наугад.
Песня – из сердечных перестуков,
Из мелодий – музыкальный ряд.

Музыку не подбираю где-то,
Вон она, сама ко мне идет.
Слово разумеется поэтом,
И без слов душа моя поет.

Отойду от всех, уединюсь,
Чтоб вникать в харизмы, а' капеллы.
Чтоб из песен – получалась Русь!
Музыки желанной беспределы.

Господи! Какая удаля снов!
Уведут к бессонному чертогу.
Песни мои могут быть без слов,
Вот слова без музыки не могут!

* * *

Пройдусь по музыке надмирной,
А у холмов остановлюсь.
В какой-то заверти эфирной
Сосуществуем я и Русь.

Пусть скажут мне, что я всеяден:
Что опера мне, что романс.
И с песней русской – мы ладим,
И в оперетте я – миманс.

Что в неаполитанский песне
Все те же звуки вводят в транс.
Дай постою – орловский вестник,
Приблизусь к русскому у нас.

На серединной полосе
Торчу вот, как бельмо в глазу.
И все мне Фет, Есенин все
То тут – в девонской, где глазурь,

То там – в Неаполе, Персиде,
В испанских снах, как Бог велел.
Когда их пел, свое я видел -
Само собой, и сам хотел.

Плыву по музыке эфира,
А возле дома задержусь,
Да здравствуют все музы мира,
А русское все – наизусть!

РОМАНСЫ И ПЕСНИ

Щегол

Синенькая жилка бьется на виске.
Если я скажу еще хоть слово,
А спою тем более, в руке
Мой щегол умрет, не тронь родного.

Синенькая жилка лопнет. Он умрет –
Мой щегол, мой ангел красногрудый.
Ну, а он как пел, так и поет
Свой романс. Послушайте нас, люди.

Свой романс поем про нашу жизнь,
Про пути из терниев в искусстве.
Про любую птичку и режим,
Как обобран луг и каждый кустик.

Синенькая жилка, красная рябина
И щегол под кистью в промежутке.
Мы поем в окошко у любого тына,
Чтобы день не показался жутким.

Карамболина

Стою мальчишкой две недели
В штрафном углу, а он глядит –
Там пан-директор, сивый мерин, -
Сломит меня иль не сломит?

Но-но... Карамболина – Карамболетта
Звучит, как гимн, в моей душе
Та оперетта - в огне комета,
Пред ней я делаю туше.

Стоять еще мне две недели
В штрафном углу, а он глядит.

Ах, пан-директор, куда вы дели
Войну, что с нами говорит?

Но-но... Карамболина – Карамболетта!
Звучит во мне, и я – герой!
Зима и лето, из самол-лета
Мне бомбы падали домой.

Но-но-но... Карамболина-Карамболетта!
Поет, звучит во мне порой.
Ах, пан-директор из самол-лета
Нас не сломить, вы – не герой!
Ах, пан-директор, из самол-лета
Вы попадете в ад земной!

В «десятку»

Ну, как он мог свой выродить романс!
В «десятку» попаданье, прямо в сердце!
И снова я пою, артист – миманс,
А все хотелось бросить, скрыться, деться

Куда-нибудь. Хоть к черту на кулички.
Сбежать от слов, мелодий иностранных.
Замучил «телик» в обезличке
Катящегося в днях тех окаянных -

Куда? Зачем? Но он сказал мне вдруг:
«Душа болит, а сердце плачет».
Пересолил? Не слишком много мух?
Но ровно так, и никуда иначе.

Когда от Бога этот плач и боль
И слово, словно здравие больному,
То это, может быть, и есть Любовь?
А называться может по-другому.

Фонтан

Встречал ее на этом месте.
Земфира! Помните фонтан
Бахчисарайский? Лился в вечность,
Как кровь, из чьих-то терпких ран.

Туман откуда-то являлся –
От наших самых первых встреч.
К последним я один остался,
Взаимость не сумев сберечь.

Она ушла в нечеткость снов,
Но обозначились слова.
Потоки хлынули, основ
Души не сокрушив едва.

И вот стою, фонтан шумит
Поставлен! Хлынуло! Забил!
И то ли правда, то ль обман:
Я тот фонтан предвосхитил.

Дуэль

Ушли старинные привычки.
Ну, скажем, бал, кадриль, дуэль,
Когда после всего лишь спички
Уж сразу выбирали цель.

Отбор естественный любовью
Не лучший, может, оставался.
Но подлецов мир сокращался,
Когда вину смывали кровью.

И, если знаю, что за Русь
Стоит он так же, как и я,

Не в Ларошель, как д'Артаньян, –
Я лучше мимо, промахнусь.

Не промахнется господин,
Когда идет война.
Где закопают вас, когда
Прострелена спина?

В своем саду

В саду своем сходили «сглазы».
И в мир чудес и привидений
Жар-птицы, грустные пролазы,
К моим годам теснили тени.

Три загадав желанья прежде,
Теперь влеку их из теней.
«Сын есть, - сказал мне взмах на вежде. –
И книга тоже на коне»

Вот только яблоню сажаю,
Как сон. Как позднюю Любовь.
Господь! Мой Бог! К тебе взываю,
Утешь меня, уйми мне боль.

Дай мне пожить, природа-мать,
Прими в века свои,
А то, кто будет поливать
Те саженцы мои?

Пустые электрички

Гремят пустые электрички,
Какие мысли пробуждают?
В окно влетели две синички,

И бьются в стекла эти птички,
А те назад не выпускают.

Гремят пустые электрички,
По остановкам люди тают.
Скользит на стеклах дождь. Певички
Молчат, молчат мои сестрички,
Так несвободу ощущают.

Греметь пустыми взяли моду,
Сидят, нахохлилися леди.
А было тесно от народу,
Поставить ногу было негде,
И все пустее год от году,

Гремят пустые электрички.
Мобильники и бутерброды.
Сидят, молчат мои певички,
Уже не требуя свободы.
Гремят пустые электрички.

Пока живые изумруды

Авторитет непререкаем
Твоей улыбки, твоих глаз.
Мы от себя не отпускаем
Своих любимых в трудный час.

И в легкий час мы к ним стремимся
Своей измученной душой.
Когда ж, когда освободимся
От пут запутанной, большой

Той жизни всех, чем всех и давим,
И гасим в каждом изумруд.

В Галину Кареву оправим
И пожалеем, как умрут.

Таланты редки. Пойте, пейте
Из их фиал, пока живут.
При жизни оправлять умеете
В темно-зеленый изумруд.

Нательный крестик

О, серебряный мой крестик!
И тут на гвоздике нательный.
Его отец Мефодий вместе
Со мной крестил в той богодельне,

Куда я приходил недавно –
Смиренный, благостный, не гордый.
Висит, качается он плавно
В своем божественном аккорде.

Сегодня – праздник. Но как праздник
Уже теперь мне каждый день.
Не то – среди событий разных –
Попробуй что-нибудь надень.

А вот серебряный. И тень,
И сумрак в нем пастельный.
Как черный хлеб на каждый день,
Сын надевает свой нательный.

Два слова

Два слова главных для меня,
Два слова - Радость и Любовь,
Когда сажусь я на коня
И спрыгиваю вновь.

Кручу, верчу, куда лечу
Я на своем Пегасе?
Чего себе, другим хочу
У Зевса на Парнасе?

Любви и Радости – двух слов,
Каких-то двух всего,
Хоть я и златослов! -
А все чего-то не хватает, и сердце тает,
И больше ничего.

Все остальное у меня,
Для моего коня.
Любовь и Радость, осень,
Летим уздечкою звеня,
Несем два слова, дух храня, -
Два главных слова у меня!

Петухи

Туманным утром в зыбях дня
Скрипит моя кибитка.
К «железке» подвезет меня,
К тем электричкам прытким.

Гоню на розовом коне
Сегодня, как вчера.
Приснилась наяву дыра,
В квадрате черная дыра,

И черный тот квадрат
Ушел в дыру, а люди спят.
И в ночь, и поутру
По веткам петухи сидят
И смотрят в черную дыру.

И ждут людского пробужденья
И где-то там, и где-то тут.
Любви и Радости, и пеня
Их петушинных теноров

На всю округу, на мгновенье,
Хотя б на несколько минут!
Ну, не хватает нам терпенья
И где-то там, и где-то тут.

Мыслитель

Прометею на Скале

Спрессовано в символ, в эпиграф, в куплет
Живое, природное слово.
А тут на концерт мне предложен билет,
За так – для всего остального.

То «дриблинг», то «драйф», вместо Радости - «кайф»,
А вместо Любви - ничего.
Мы с грузом метафор идем с молотка.
«Бим-бом» ни с того, ни с сего.

Народная память, как в сказке, хранит
И Мухину, и Родена.
У Веры – стоят, у Родена – сидит,
И мысль у Мыслителя бренна.

Спрессованный в символ, Мыслитель присел
Под «кайф» на какой-то момент.
А ты бы еще бы чего бы хотел
От римских до наших календ?

Любимых любите! К любимым в обитель
Дорога отсюда одна.

Сидит у Родена товарищ Мыслитель,
Задумчив на все времена.

Мой ответ Брюсову
(«Сонет». Драматургу).

По пять писали вы,
А я пишу по три.
Но то, что вкладывали вы
В пять своих действий,
Я, драме преданный без лести,
Вложу всего-то в три. А посмотри!

Живу пока что! Не сражен!
Ни помощью друзей, ни щедростью театра.
Хоть флаг мой на рейхстаг и водружен,
И мировой рекорд, и Ява, и Суматра,
А где спектакль хотя б один?
Зачем тогда не я, а все театры
Тут в городе? Где все какой-то сплин

Меня от сцены отделяет аккуратно.
Как билетерша отрывает часть билета,
И глазом не моргнув при этом.

15 января 2011 г.,
г. Орел.

ШЕСТНАДЦАТЬ АРИЙ ЗАРАТУСТРЫ

Первая ария. «Возлюби другого»
«Возлюби другого, как самого себя»,
Стали потом говорить, всех любя:
«Воссоединяйтесь, всех стран пролет – арии!
Товарищи атланты и арии!»

И чему там тогда было воссоединяться,
Когда все в Живи были бессмертны?
Да ведь от Солнца все оно, все одно, братцы!
«Ар» - это движение, не было тогда в мире инертных.

По тысячу лет, двигаясь, каждый со всеми был вместе,
В Библии есть свидетельства жизни тысячелетней.
В Китае не так давно мандарины жили лет по двести.
У горы Магнитной Разум Земли все магнитней, все светней.

Крест на все четыре стороны, а еще и на Небо.
Первый Спаситель мира был Заратустра...
По правде сказать, я там не был,
Это передано свыше мне устно:
«Возлюби другого, как самого себя».

Вторая ария. «Они такие великие»

«Они такие великие, а я Человек просто.
Они считают себя вершинами гор,
В курганы себя несут, в пирамиды, как монстры,
А мы, человеки, вчера только повылезали из нор.

Оказался Сергей Есенин на Соловках с любимой.
Венчался с ней, осеняя себя в храме крестом.
Чтобы тени всякие проходили мимо, мимо,
Чтобы было кому указать на Небо перстом.

С горы Секирной озирали они себя изнутри,
Оглядывали Белое море, голубые озера.
На Любви, на Радости. В то же время цари
Предавали их смерти, исчадьям ада, позора.

И я, страдая, любил и страдал, всех любя, –
Просто песня у меня, дух человеческий просто.
Возлюби другого, как самого себя.

А они меня, гиперборейца, на Остров, на этот Остров.
«Они такие великие», а я корабельный остов».

Ария третья. «Есть ли у тебя Совесть?»
«Есть у тебя Совесть или Совесть нет,
Ведаешь ты про это или не ведаешь?» -
Так на Магнитной сказал Заратустра, поэт.
Чтобы был хлеб у тебя, когда ты обедаешь.

Но чтоб и у других его не отнимал,
Ты – человек! Не вчера ведь ты спрыгнул с ветки.
Сколько таких нас Господь с дерева поснимал,
Все мы у Него теперь любимые детки.

Все! А не только ближние на Земле!
Все свои – человечество! Вечность – в ком!
Но железо открыли в недрах на Картале,
Стрелу первую сделали с наконечником.

И сменился век, стала железной повесть,
Войны пошли, расчет, математика.
О человек! Есть ли у тебя, Совесть?
Или ничего не осталось в тебе, у прагматика?
«Господи! Есть ли у ближнего Совесть?»

Ария четвертая. «Перенесемся в изначала свои»
«Перенесемся в изначала свои – на Эверест, Джомолунгму». -
Так нам сказано на Земле многоумной
Нашей человеческой стае.
Господи! Когда хоть сомневаться друг в друге мы перестанем?

Первая вершина мира, ближе всех к Богу,
А мы все в силы торсионные лезем, в недра Ваала.
Одному тут скалой прищемило ногу,
Так и этого ему показалось мало.

На Скалу нанес изображение человека,
Огонь людям давшего – Прометея!
Цивилизацию, Поэтов он создал! Но век от века
Мы все ниже и ниже, ищем в другом злодея.

«Перенесемся же в изначала свои,
Когда все мы были молодыми да ранними», -
Так нам сказано. Снимая за слоями слою
Туда, в обратную сторону, к Дании!
Быть или не быть? «Перенесемся же в изначала свои».

Ария пятая «Завело нас на БАМ, к Иркани»
«Завело нас на БАМ, к Иркани»,
К словам, переполненным смыслом.
«Вникните! Расшифруйте!» - сказано нам Заратустрой.
И повисло созвездье над ним коромыслом.
Чтобы ведром его было пусто!

Иркани – Гиркани, Согдиана, Медея.
Забайкальский остывший вулкан.
По цепочке сюда к нам мистическая идея
От Алтая до Македонского, от тех Согдиан.

То и это, черта между ними,
И теория этой «черты» в Мериме.
Вот считаю слова те я тоже своими,
Если божьи они, если нравятся мне.

«Несказанное, синее, нежное», -
Ну и что ж, что не мной написано, а ведь сказано мне.
Гиркани, Согдиана безбрежная,
Зинаида в моей стороне.
«Завело нас на БАМ, к Иркани».

Ария шестая. «Разделили вершину надвое»
«Разделили вершину надвое, а зачем?
Эльбрус двуглав, гору режем ножом на две части». -
Так нам сказано, Заратустрой. Между этим и тем –
Чтобы побушевали страсти.

Вон двуглавый виден откуда – на всю Страну Ариев.
Хафиз, о Хафиз! Женщина, розы, вино.
И поэзия от персидского халифа Дария,
И всем, и нам, русским, не все равно.

Вон откуда мотивы персидские,
А ведь тоже арии – гипербореи от Соловков.
Хафиз, о Хафиз! Про интеллигентов, про риски я,
Итоги в поэзии у дураков.
Про себя, про других, как Есенин,
Возлюбивших в других и себя.
Перемены погод – от весенней к осенней
И опять же к весенней, погоды любя.
«Разделили вершину надвое, как и себя».

Ария седьмая. «Наш адрес – не дом и не улица»
«Наш адрес – не дом и не улица,
Наш адрес – Советский Союз», -
Та песня на БАМе не хмурится,
А рвется из пламенных уст.

«Не сколько прожить ведь, а как!» -
Сказал Заратустра озеру Иркана –
Не потухшему вулкану, а нам, молодым. И так
Повеяла мистикой все страна.

Ну, кто знал, что будет другой она.
Всего через несколько лет.
Все нам из пламенных уст:

«Наш адрес – Советский Союз».
И виснет над нами вулкан Гиркана,
И «адреса» этого нет.

«Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии сверкали».
А мы про это и не знали.
И нас в вулканы обряжали,
Но «адресок» на всю страну гремел.

Ария восьмая. «А я опять про пирамиды»
«А я опять про пирамиды, про Хеопса.
Он символ всея жизни и царей». -
Не Заратустра так сказал, а Остров.
И Заратустра-ант, Гиперборей.

Опять с горы Секирной Соловки!
Карелия напротив, через море.
Все пирамиды первые – строки
Изменчивой при неизменном взоре.

Арийскость слова: смерть и Соловки,
Карелия и беспредельность Солнца –
Все это «ар» одно, с одной руки
Творца, где Тор, где Рюрик нам и стронций.

А Рюрик – в малой пирамиде. Мал курган
В ганзейском месте, в камне. «Прочь, обиды!»
Шекспир все это знал. И знал Баян
Про конунга и про его Фемиды.
«А я опять про пирамиды».

Ария девятая. «Шагнули вон куда – до Херсонеса»
«Шагнули вон куда – до Херсонеса,
До пирамиды тоже небольшой,

Но на краю, где Севастополь, пресса.
И, вообще, она была старшой –

Княгиня Ольга тут, когда пошла к Кресту
В Царьград по морю аки посуху.
В античных греках, видя Красоту.
От своего к их греческому лозунгу.

Заехано от ранних христиан,
С Востока, где крещен был Иисус.
Оттуда глоссы: и Тор, и Велес, Бус.
И Вера к нам сюда с христовых ран.

От Соловков на плоском игры беса,
От Эвереста снова высота.
Египетские саркофаги, месса,
Эгиды, пирамиды, грань с листа.
«Шагнули вон куда – до Херсонеса».

Ария десятая. «А где же про Любовь, особенно к
другим?»»

«А где же про Любовь, особенно к другим?»
Как мудры Боги, это стало модно.» -
Сказал бы Заратустра, встретив Рим.
У ариев Любовь была свободна.

Но яблоко подсунул Еве бес,
И кончилось бессмертье на земле.
Пошел народ, из леса вырос лес.
И загорелась звездочка в Кремле.

Возникли в «Белой Скифии» слова.
Из слов чудес возшла литература.
Что без нее народ, да вся культура –
«Вначале было Слово» - вот основа!

Когда на Солнце возникали пятна,
И люди шли с железами на Рим,
Бумаг алкали много, многократно,
И забывали Велеса от плуга.
И где была Любовь, его подруга?
«И где была Любовь, особенно к другим?»

Ария одиннадцатая. «Поэт от Разума Земли»
«Поэт от Разума Земли, а не от чувств.
А людям нужен, может быть, и «Фауст». -
Сказал бы Заратустра. Пламень уст
Переходил в Марию Каллас.

«Дуэт Несмеяны и Одиссея»
(из моей «Белой Скифии»)
ЦАРИЦА НЕСМЕЯНА (*из сколоток*).
« - Увидела, узнала, полюбила.
Царица, а дрожу перед тобой.
Вернется царь, - что ждет меня – могила?
Возьми меня, возьми меня с собой.
ЦАРЬ ОДИССЕЙ.
- Прошел я через Сциллу и Харибду,
Пролил по Пенелопе море слез,
И вот тону я, погибаю, гибну
В твоём бездонном золоте волос.
ОДИССЕЙ. – Так улыбнемся вместе, Несмеяна.
НЕСМЕЯНА. – Мой Одиссей! Ответим на любовь.
ВМЕСТЕ. Соединим у Скифского кургана
С одесской кровью греческую кровь.
Стоим одни у скифского кургана».

Ария двенадцатая. «Атлантиду ищем везде»
«Атлантиду ищем везде: у Греции, у Геркулесовых столбов...
Я нахожу ее – в Карибском море, в треугольнике Бермудском». -

Что бы сказал Заратустра – Разум Земли будь здоров!
Вместе с Мессией, подумаем, всем человечеством, с каждым рус-
ским.

Если анты – атланты на Соловках,
Если в «Ведах» индийских – Белый Остров на Севере,
Если гору Секирную Бог на руках бережно
Перенес пирамидами в Египет, в Южную Америку,

Если те пирамиды в Индии, как голос у меццо,
Курганы по Алтаю, по Скифии, как по Испании Сиды,
То почему тогда Атланты и Атлантиды
Были в одном только месте, где-то у Греции?

Атлантида везде и всюду, это цивилизация.
Вопрос только: откуда это -
Светловолосая, голубоглазая, сладкоголосая нация?
Утонула? Как земли из-под Соловков
Ушли под воду – в историю – глубоко, глубоко...
«Атлантиду ищем везде»... И искать ее нелегко...

Ария тринадцатая «Искать не дают торсионные силы»
Искать не дают торсионные силы. Однако
Откопали же в Малой Азии Трою.
Подбираемся ближе к Риму через Монако...
Отчего ходы такие я строю?

Вон откуда этот Рим многотысячелетний!
Что интересного в нем, так это холмы.
Одна была высота, красота, путь Млечный
Вулкан был. Взорвался. Стали они да мы,

Католики и православные, те и те – христиане,
Одного поля ягода. Одиссей думает о Пенелопе.

Вот она, сицилийская мафия. Клан на клане.
Хоть в Америке, а хоть в Европе.

Рим – на потухшем вулкане. Красиво!
Рим – на семи холмах, на восьми дорогах.
Этрусски – скорее всего, от русских,
Бога – не бывает слишком много.
«Искать не дают торсионные силы».

Ария четырнадцатая. «Торсионные силы тут, на Руси срединной»

Торсионные силы тут, на Руси срединной.
Городок в степи Малоархангельск. Тоже семь холмов
И восемь дорог. Мало знаний о его истории длинной,
Значительно меньше, чем тут садов и домов.

Однако я из этого кой-чего знаю.
Про войну особенно, про торсионные силы.
Если вулкан был тут, как в Риме, или туда, поближе к Китаю,
Если Центральным был фронт, сам Рокоссовский красивый,

То, значит, действуя вместе с нами,
Эти торсионные силы в дуге, как пружина,
Отбросили в огонь и пламень
К нам пришедшего сюда черного господина.

Что важнее – человек или машина?
Конечно, скажете, Человек!
Но все Прохоровка нам оттуда, все по танкам, кручина,
А тут люди, народ... бог войны, танки, впрок...
«Торсионные силы тут, в полосе срединной».

Ария пятнадцатая. «Коренная и Девятая пятница»
«Коренная и Девятая пятница, где бывал Одиссей.
Где святые ключи по Руси по святой.

Нет сильнее нам, нет святее Родины всей,
Тех ключей на горе – под горой.

Чудо это природы – Девятая пятница!
Бьет вода наверху из горы.
Время вроде назад тут пятится,
Отступали сюда до поры.

Как родные красоты обидели!
Но хлебнули водицы, взглянув с высоты,
Так Берлин от Девятой увидели.
Это Родина-мать: я и ты, мы и ты!

От ключа Ока поясом Богородицы
От Девятой – по Расее всей, по Расее Рассей.
Коренной сердце благородится,
Русь моя московская - с колодезя.
«Коренная и Девятая пятница, где бывал Одиссей».

Ария шестнадцатая.

«К ним туда перекинусь – в Америку»
«К ним туда перекинусь – в Америку,
Что Веспуччо тогда открывал.
Приписали Колумбу, закатали истерику,
Айвазовского «Девятый вал» как бы со стены сорвав». -

Так бы, наверно, сказал Заратустра,
Чтоб ему не было пусто!
Тут Атлантида была, тут, конечно!
Денно и ночью, денно и ночью, вечно.

Храма ступеньки до Солнца.
Вещее золото слов.
Море в Карибах взорвалось до донца,
Получилась россыпь легенд, островов.

Прут на Европу отсюда погоды,
Воздав тайны – Бермудам, эники – беники.
Зреют другой Атлантиды своды
Под пирамидами дна у Америки.

Слышится шорох и скрип -
Двигается шоу Кариб.
К ним туда перекинусь в Америку,
Под роковую феерику.

Только Любовью, только Любовью с другого конца
Слово есенинской кровью
Смыто Богами с отца.

Платон – Аристотель – снова Платон
Есть у меня и он.
Из уст моих рвется пламень,
Прометеем горю.

Разговариваю с веками,
Знаю, что говорю.

23 января 2011 г., г. Орел

* * *

Мы вымираем, Русь, мы вымираем!
Звезда – полынь, тебя за то виню.
Я каждый год имею дело с раем.
Я – что ни год, то друга хороню.

Они уж там, они – мои святые.
А тут по ним чернеет скорбь травы.
Все меньше тем, с кем был всю жизнь на «ты» я.
Все больше, с кем, конечно, я на «вы».

Куда идем? За что мы натерпелись –
Потерянные лети той войны?
И снова бродят пастыри и ересь
Среди несуществующей страны.

Мы – призраки, мы – дырка на медали.
Кричи, кричи над ним, грачиный край!
Его вот с этим холмиком сравнивали,
При жизни не впустив в тот самый рай.

Ударит ком о крышку гроба глухо.
Он был мой друг. Прости, святая Русь!
Себя хороним, а земля ей пухом.
Я тихо-тихо, в голос ей молюсь.

Россия, Русь, спаси себя, спаси!
Не дай иссякнуть людям на Руси!
Не дай погибнуть слову в наши дни!
«Россия, Русь, храни себя, храни»
Во имя отца и сына и святого духа.
Аминь.

ГИМН СОЛНЦУ

Магия поэзии

Игра слов.

Каждый. Красный – номер один, единица, символ – стрела.

Охотник. Оранжевый – номер два, двойка, египетская пирамида.

Желает. Желтый – номер три, тройка (один плюс два), индийский цвет.

Знать. Зеленый – номер четыре, четверка (два плюс два), священный
камень Кааба.

Где. Голубой – номер пять (четверка плюс один), голубой цвет.

Сидит. Синий – номер шесть (четыре плюс два), синий цвет ООН.

Фазан .Фиолетовый – номер семь (четыре плюс три), омега фиолетовая глаза (человека).

Все вместе – белый цвет, свет Солнца.

Как олимпийский знак.

Белый стихи

1. **Красная** стрела летит от ариев,
От неизветного до христианства.
2. **Оранжевые** пирамиды «париев»
Ложатся бременем в пространстве
3. **Желтый** треугольник составляется в Индии
Сложением двойки с единицей.
4. **Зеленым** цветом Луны от Согдианы, Мидии –
Из белого как черного – квадрат тот мнится.
5. **Голубой** Европа видится европейцам
Среди стихии Воды.
6. **Синей** выразится в стихии Неба двум терциям,
Вмерзшимся в вечные льды.
7. **Фиолетовой** омеге глаза подводит итог,
И превращает во все это белое Бог.
И Солнце одно на всех,
На все эти семь своих вех.

Прощеное воскресенье

«Маслина, маслина!
Маслина, неделька!
Недопрядена осталась
Мамина куделька».

6 марта 2011 г.,
г. Москва

По телевизору
Аня Сизова на передаче
«Русское лото».

И в ответ возникают такие слова:
«Прощеный день! Прощеный день! Белым бело!
Мы слишком много за год нагрешили.
Нам – послано с небес рассеять зло.
Прости меня! Простите нас! Мы не забыли

Ни тех, кто жил, ни тех, кто будет жить.
Поможет Бог нам понимать себя.
Пусть скажет кто-то: быть или не быть,
А я прощаю, я люблю тебя!»

6 марта 2011 г., утром,
г. Орел.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЕВ

РУССКИЙ СОНЕТ
от серебряного века до нас

Орел – 2011

Золотарев И.Л. Русский сонет из серебряного века до нас. Орел: издатель Воробьев А.В., 2011. -70 с.

Состав книги «Русский сонет (от серебряного века)» литературного критика – выпускника Высших литературных курсов и ученого - кандидата филологических наук, доцента Орловского государственного университета Золотарева Игоря Леонардовича определяет сплав материалов литературоведческого направления и научного, филологического подхода к вопросам теории и практики сонета как жанра в европейской и отечественной литературе.

Иллюстрацией идей русского сонета из серебряного века до наших дней служит включенное в книгу лучшее трех «китов» этого жанра: Иннокентия Анненского, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова. Сонеты нашего современника – поэта Леонарда Михайловича Золотарева, публикуемые в предыдущей книге, связывают с серебряным веком начало XXI-го века. Они так же рассматриваются в этой книге как продолжение европейских и отечественных традиций в этом жанре литературы.

Книга интересна массовому читателю, особенно молодежи, в том числе старшеклассникам школ и гимназий, студентам-филологам, всем интересующимся проблемами отечественной и зарубежной литературы, а в ней такого популярного жанра, как русский сонет.

© Золотарев И.Л., 2011

© Издатель: Воробьев А.В., 2011

К ИСТОРИИ ЖАНРА. ОТ ДАНТЕ, ПЕТРАРКИ ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Лирика имеет свою давнюю историю. Первым лириком в поэзии был античный поэт Архилох, который говорил уже не от имени эпоса, общества, государства, эпохи, а от себя лично, от имени своей души, показав свои собственные переживания: человеческие боли, радости, страхи, любовь. Ему мы и обязаны понятием лирики. Важное место в лирике занимает сонет. Особый статус сонет получил в Италии средних веков (14-й век – Алигьери Данте), эпохи Возрождения (15-17-е века – Франческо Петрарка). Канонической формой сонета считается сонет Петрарки. Он состоит из двух четверостиший – катренов и двух трехстиший-терцетов. Четверостишия связаны двумя рифмами, то есть первое четверостишие рифмуется со вторым катреном, трехстишия связываются между собой двумя или тремя рифмами. Канонический стихотворный размер в итальянском сонете – одиннадцатистопный, что оказалось сложным для русского сонета, потребовался пятистопный или шестистопный ямб. Сложная была и рифмовка – опоясывающая, перекрестная.

Не слишком ли много причуд, экспериментов было в самой истории сонета? В литературоведении накопилось немало материала. Теоретики сюжета определяют строгую композицию, которая предполагает развитие темы, где каждый катрен должен быть закончен и синтаксически, и по смыслу, а разрешение поэтической мысли происходит в трехстишиях, где особую роль играет последняя строка – ключ сонета. Выявляется диалектичность сонета, он характеризуется тезой первого катрена, антитезой второго четверостишия и синтезом двух последних терцин. Развитие поэтического смысла акцептируется драматизмом, благодаря смене одного четверостишия другим, связанным рифмой, хотя они противостоят друг другу, а трехстишие, сжимая звучание поэтической речи, усиливают напряжение и разрешаются последней строкой. В дальнейшем канонизировались три основных типа европейского сюжета: 1) итальянский: два катрена перекрестной или охват-

ной рифмовки на два созвучия и две терцины на два или три созвучия в сочетании рифм, несущие идею «креста» или «треугольника»; 2) французский: два катрена опоясывающей рифмовки и два терцета на два-три созвучия, выстроенных композиционно параллельно так, чтобы получились двустиие и катрен; 3) английский: упрощенная модель, состоящая из трех катренов перекрестной рифмовки и заключительного двустиия. Есть примеры нарушения сонета:

- 1) хвостатый: два катрена + три терцины,
- 2) сонет с кодой: добавляется лишняя, 15-я строка,
- 3) двойной: после каждого нечетного стиха катрена и четного стиха каждой терцины вставляется укороченный стих,
- 4) безголовый: одно четверостишие и две терцины,
- 5) половинный: один катрен и одна терцина,
- 6) опрокинутый: две терцины и два катрена.
- 7) сонетный: и катрены, и терцины построены на двух общих созвучиях,
- 8) хромой: четвертый стих в катренах длиннее или короче предшествующих. И т.д.

Постоянно устанавливая и периодически нарушая метрические, композиционные и стилистические нормативы, сонет оставался все равно верен традиции. Сколько бы канонические правила не нарушались поэтами, сонет сохранял модель сардонического слияния традиций и новаторства, идеала и его реализации. Только на фоне вечного идеала приобретают эстетическую ценность отклонения перед показом поэтической мысли.

В самом конце XIX-го и первые два десятилетия XX-го века русская литература переживала период, воскресивший традиции пушкинского «золотого века» и названный соответственно «серебряным веком». После упадка поэтической техники поэтов 1870-80 годов возрос интерес к формальным поискам и воскрешаемым традициям. Канун XX-го века воспринимался современниками как преддверие катастрофы. Это было время популярности ок-

культурных наук и мистических откровений. И поэзия встала на путь эксперимента, новаторских преобразований как содержательной, так и формальной стороны поэтического творчества. Наивысшим критерием художественности стала индивидуальная неповторимость поэтического стиля. Каждый поэт сознавал себя демиургом, творящим космос. Как и век назад, творческие инициативы при создании художественных систем были игровым началом, присущим романтизму.

Представители различных модернистских течений были не столько романтиками, сколько старались таковыми казаться. Люди того времени считались с законами поэзии, почетным было и звание самого поэта. Носитель этого звания считал себя исключительной личностью. Лирический герой поэтов «серебряного века» не был равен самому поэту. Поэт выбирал не одну, а несколько масок, усложняя восприятие поэзии. Адекватное прочтение текста становилось возможным при условии включения его в систему культурных контекстов: настоящего и прошлого в пределах и за границами творчества того или иного поэта, в реализациях его многоликого авторского «я». В такой неоднозначной эстетической атмосфере воспринималось многозначно соотношение традиций и новаторства. Приоритет в изображении отдавался экспериментальному, но ценилось, безусловно, и старое, традиционное. В том числе русский сонет в самых лучших его образцах как яркая страница в русской и мировой лирике. Сравнительно небольшой отрезок времени отмечен пестротой не только в поэтической практике, но, прежде всего, в эстетическом самосознании многих течений, группировок и школ, действовавших в согласии, параллельно и в конфронтации. Каждый художник, по мере возрастания его дарования, стремился обнародовать свое, выдуманное, переживаемое им мироощущение и восприятие искусства. В процессе творчества его взгляды могли, безусловно, меняться.

Пушкин писал о сонете. Именно строгая очерченность сонета привлекает к нему поэтов разных стран, разных литературных школ. Несмотря на то, что сегодня поэзия обращается к более свободному стиху, казалось бы,

«закованный» в лаконизм и простоту сонет демонстрирует миру свою живучесть. Не зря Теофиль Готье говорит, что если желают пользоваться свободой, но произвольно обращаются с рифмой, то вернитесь к строгой, доброй форме стиха, не допускающей прихоти, и вы ощутите в себе поэзию. Неправильность - в правильном, асимметрия – в симметрии, полное противоречие, логика которого раздражает нас, беспокоит как сомнение. Сонет – это поэтическая тема, музыкальный момент, приводящий к возвращению себя в намеченных поэтических формах. Нужно подчиниться законам сонета или, вообще, не писать сонеты. Сонет – это, прежде всего, проявление мастерства, организация строфы – все наяву, все видно: чувство слова, как нигде, ни в каком другом лирическом жанре.

И особенно, что касается венка сонетов. Венок сонетов – это четырнадцать поэтических сонетов, сплоченных воедино - сонетов, первые строки которых в итоге образуют пятнадцатый сонет – магистрал как поэтическую корону. Последняя строка первого сонета, первая строка второго сонета и т.д. Звучат сонеты в циклах, в поэмах, например, даже в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин», о чем мы находим у исследователя О.Федотова мысль о том, что «четырнадцать пушкинских строк – это «онегинская строфа» (Книга «Сонет серебряного века»).

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Июль

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат демонской игры,

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары,
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

Ноябрь

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме,
Все та ж сегодня, что вчера...

Одна утеха, что местами
Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле,
Следить круженье облаков.

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым...

Первый фортепьянный сонет

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заморозил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристалльно чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

Тоска возврата

Уже лазурь златить устала
Цветные вырезки стекла,
Уж буря светлая хорала
Под темным сводом замерла;

Немые теми вереницей
Идут чрез северный портал,
Но ангел Ночи бледнолицый
Еще кафизмы не читал...

В луче прощальном, запыленном
Своим грехом неотмоленным
Томится День пережитой,

Как серафим у Боттичелли,
Рассыпав локон золотой...
На гриф умолкшей виолончели.

Второй фортепьянный сонет

Над ризой белою, как уголь волоса,
Рядами стройными невольницы плясали,
Без слов кристальные сливались голоса,
И кастаньетами их пальцы потрясали...

Горели синие над ними небеса,
И осы жадные плясуний донимали,
Но слез не выжали им муки из эмали,
Неопалимою сияла их краса.

На страсти, на призыв, на трепет вдохновенья
Браслетов золотых звучали мерно звенья,
Но, непонятною не трогаясь мольбой,

Своим властителям лишь улыбались девы,
И с пляской чуткою, под чашей голубой,
Их равнодушные сливались напевы.

Черный силуэт

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;

Пока, прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, -

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем.
Уж мига нет - лишь мертвый брезжит свет...

А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита.

Светлый нимб

Зыбким прахом закатных полос
Были свечи давно облиты,
А куренье, вясь, все лилось,
Все, бледнея, сжимались цветы.

И так были безумны мечты
В чадном море молений и слез,
На развившемся нимбе волос
И в дыму ее черной фаты,

Что в ответ замерцал огонек
В аметистах тяжелых серег.
Синий сон благовонных кадил

Разошелся тогда без следа...
Отчего ж я фату навсегда,
Светлый нимб навсегда полюбил?

Месяц

Кто сильнее меня - их и сватай...
Истомились — и все не слились:
Этот сумрак голубоватый
И белесая высь...

Этот мартовский колющий воздух
С зябкой ночью на талом снегу
В еле тронутых зеленым звездах
Я сливаю и слить не могу...

Уж не ты ль и колдуешь, жемчужный,
Ты, кому остальные не нужны,
Их не твой ли развел и ущерб,
На горелом пятне желтосерп,

Ты, скиталец небес празднодумый,
С иронической думой?..

Дремотность

В гроздьях розово-лиловых
Бездуханная сирень
В этот душно-мягкий день
Неподвижна, как в оковах.

Солнца нет, но с тенью тень
В сочетаньях вечно новых,
Нет дождя, а слез готовых
Реки - только литься лень.

Полусон, полусознание,
Грусть, но без воспоминания,
И всему простит душа...

А, доняв ли, холод ранит,
Мягкий дождик не спеша
Так бесшумно барабанит.

В море любви

Душа моя оазис голубой.

Бальмонт

Моя душа - эбеновый гобой,
И пусть я ниц упал перед кумиром,
С тобой, дитя, как с медною трубой,
Мы все ж, пойми, разъяты с целым миром.

О, будем же скорей одним вампиром,
Ты мною будь, я сделаюсь тобой.
Чтоб демонов у Яра тешить пиром,
Будь ложкой мне, а я тебе губой...

Пусть демоны измаялись в холере,
Твоя коза с тобою, мой Валерий,
А Пантеон раскрыл над нами зонт,

Душистый зонт из шапок волькамерий.
Постой... Но ложь - гобой, и призрак - горизонт.
Нет ничего нигде - один Бальмонт.

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

Лунный свет

Когда луна сверкнет во мгле ночной
Своим серпом, блистательным и нежным,
Моя душа стремится в мир иной,
Пленяясь всем далеким, всем безбрежным.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу - луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.
Людей родных мне далеко страданье,

Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я - облачко, я - ветерка дыханье.

Зарождающаяся жизнь

Еще последний снег в долине мгlistой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенек,
Склоняясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной,

Как мир хорош в своей красе нежданной –
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымкою туманной.

Август

Как ясен август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листья,
Он чувства заключил в порядок стройный.

В нем кажется ошибкой полдень знойный, -
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.

В последний раз пред острием серпа
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.

Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе - журавлей летит толпа
И криком шлет «прости» в места родные.

Океан

Валерию Брюсову

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет,
Я волны вопрошал, и океан туманный
Угрюмо рокотал и говорил в ответ:

«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.
Ты вверился мечте обманчивой и странной.
Скитайся дни, года, десятки, сотни лет –
Ты не найдешь нигде Страны Обетованной».

И вдруг поняв душой всех дерзких снов обман,
Охвачен пламенной, но безутешной думой,
Я горько спросил безбрежный океан,

Зачем он страстных бурь питает ураган,
Зачем волнуется, - но океан угрюмый,
Свой ропот заглушив, окутался в туман.

Хвала сонету

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, -
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Звездные знаки

Творить из мглы, расцветов и лучей,
Включить в оправу стройную сонета
Две капельки росы, три брызга света
И помысел, что вот еще ничей.

Узнать в цветах огонь родных очей,
В журчаньи птиц расслышать звук привета,
И так прожить весну и грезить лето,
А в стужу целоваться горячей.

Не это ли веселая наука,
Которой полный круг, в расцвете лет,
Пройти повинен мыслящий поэт?

И вновь следить в духовных безднах звука,
Не вспыхнул ли еще не бывший след
От лета сказок, духов и комет.

Умей творить

Умей творить из самых малых крох,
Иначе для чего же ты кудесник?
Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

В лугах расцвел кустом чертополох,
Он жесток, но в лиловом он - прелестник.
Один толкачик - знойных суток вестник.
Судьба в один вместиться может вздох.

Маэстро итальянских колдований
Приказывал своим ученикам
Провидеть полный пышной славы храм

В обломках острых скал, обрывках тканей.
Умей хотеть - и силою желаний
Господень дух промчится по струнам.

Рождение музыки

Звучало море в грани берегов.
Когда все вещи мира были юны,
Слагались многопевные буруны, -
В них был и гуд струны, и рев рогов.

Был музыкою лес и каждый ров.
Цвели цветы - огромные, как луны,
Когда в сознании прозвучали струны.
Но зной иной был первым в ладе снов.

Повеял ветер в тростники напевно,
Через их отверстия ожили луга.
Так первая свирель была царевна

Ветров и воли, смывшей берега.
Еще - чтоб мечь и меч запели гневно -
Я сделал флейты из костей врага.

Колокол

Люблю безмерно колокол церковный.
И вновь, как тень, войду в холодный храм,
Чтоб вновь живой воды не встретить там,
И вновь домой пойду походкой ровной.

Но правды есть намек первоосновный
В дерзаньи - с высоты пророчить нам,
Что есть другая жизнь, - и я отдам
Все голоса за этот звук верховный.

Гуди своим могучим языком,
Зови дрожаньем грозного металла
Разноязычных - эллина и галла.

Буди простор и говори, как гром.
Стократно-миллионным червяком
Изваян мир из белого коралла.

Леонардо да Винчи

Художник с гибким телом леопарда,
А в мудрости - лукавая змея.
Во всех его созданьях есть струя –
Дух белладонны, ладана и нарда.

В нем зодчий снов любил певучесть барда,
И маг - о каждой тайне бытия
Шептал, ее качая: «Ты моя».
Но тщетно он зовется Леонардо.

Крылатый был он человеколев.
Еще немного - и глазами рыси
Полеты птиц небесных подсмотрев,

Он должен был парить и ведать выси.
Среди людских, текущих к Бездне рек,
Им предугадан был Сверхчеловек.

Эдгар По

В его глазах фиалкового цвета
Дремал в земном небесно-зоркий дух.
И так его был чуток острый слух,
Что слышал он передвиженья света.

Чу. Ночь идет. Мы только видим это.
Он - слышал. И шуршанье норн-старух.
И вздох цветка, что на луне потух.
Он ведал все, он меж людей комета.

И друг безвестный полюбил того,
В ком знанье лада было в хаос влито,
Кто возводил земное в божество.

На смертный холм того, чья боль забыта,
Он положил, любя и чтя его,
Как верный знак, кусок метеорита.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Предчувствие

Моя любовь - палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, -
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. - И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пускай мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета
И буквами спокойной красоты!

Сонет к мечте

Ни умолять, ни плакать неспособный,
Я запер дверь и проклял наши дни.
И вот тогда, в таинственной тени,
Явился мне фантом женоподобный.

Он мне сказал: «Ты слышишь ропот злобный?
Для книг твоих разложены огни.
Смирись, поэт! мечтанья прокляни
И напиши над ними стих надгробный!»

Властительно слова звучали, но
Томился взор тревогой сладострастной,
Дрожала грудь под черным домино,

И вновь у ног божественно-прекрасной,
Отвергнутой, осмеянной, родной,
Я отвечал: «Зачем же ты со мной!»

Ассаргадон

Ассирийская надпись

Я - вождь земных царей и царь Ассаргадон,
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на вас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей - как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах - как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я, вождь земных царей, и царь - Ассаргадон.

Женщине

Ты - женщина, ты - книга между книг,
Ты - свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты - женщина, ты - ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты - женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты - в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся - от века - на тебя!

К портрету К. Д. Бальмонта

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвязный,
Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.

Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе - как змей многообразный.

Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,

Но я в тебе люблю, - что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

Сонет о поэте

Как силы светлого и грозного огня,
Как пламя, бьющее в холодный небосвод,
И жизнь, и гибель я; мой дух всегда живет,
Зачатие и смерть в себе самом храня.

Хотя б никто не знал, не слышал про меня,
Я знаю, я поэт! Но что во мне поет,
Что голосом мечты меня зовет вперед,
То властно над душой, весь мир мне заслоня.

О бездна! я тобой отторжен ото всех!
Живу среди людей, но непонятно им,
Как мало я делю их горести и смех,

Как горько чувствую себя среди них чужим
И как могу, за мглой моих безмолвных дней,
Видений целый мир таить в душе своей.

Сонет

О ловкий драматург, судьба, кричу я «браво»
Той сцене выигрышной, где насмерть сам сражен.
Как все подстроено правдиво и лукаво,
Конец негаданный, а неизбежен он.

Сознайтесь, роль свою и я провел со славой.
Не закричат ли «бис» и мне со всех сторон,
Но я, закрыв глаза, лежу во мгле кровавой,
Я не отвечу им, я насмерть поражен.

Люблю я красоту нежданных поражений,
Свое падение я славлю и пою,
Не все ли нам равно, ты или я на сцене.

«Вся жизнь игра». Я мудр и это признаю.
Одно желание во мне, в пыли простертом,
Узнать, как пятый акт развяжется с четвертым.

К. Д. Бальмонту

Как прежде, мы вдвоем в ночном кафе
За входом Кружит огни Париж, своим весельем пьян.
Смотрю на облик твой; стараюсь год за годом
Все разгадать, найти рубцы от свежих ран.

И ты мне кажешься суровым мореходом,
Тех лучших дней, когда звал к далям Магеллан,
Предавший гордый дух неизвестностям и водам,
Узнавшим, что таит для верных океан.

Я разгадать хочу, в лучах какой лазури,
Вдали от наших стран, искал ты берегов
Погибших Атлантид и призрачных Лемурий,

Какие тайны спят во тьме твоих зрачков...
Но чтобы выразить, что в этом лике ново,
Ни ты, ни я, никто еще не знает слова!

Египетский раб

Я жалкий раб царя. С восхода до заката,
Среди других рабов, свершаю тяжкий труд,
И хлеба кус гнилой - единственная плата
За слезы и за пот, за тысячи минут.

Когда порой душа отчаяньем объята,
Над сгорбленной спиной свистит жестокий кнут,
И каждый новый день товарища иль брата
В могилу общую крюками волокут.

Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен;
Как утренняя тень, исчезну без следа,
Меня с лица земли века сотрут, как плесень;

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

* * *

Всем душам нежным и сердцам влюбленным,
Кого земной Любви ласкали сны,
Кто пел Любовь во дни своей весны,
Я шлю привет напевом умиленным.

Вокруг меня святыня тишины,
Диана светит ликом преклоненным.
И надо мной, печальным и бессонным,
Лик Данте, вдаль глядящий со стены.

Поэт, кого вел по кругам Вергилий!
Своим сверканьем мой зажги сонет,
Будь твердым посохом моих бессилий!

Пою восторг и скорбь минувших лет,
Яд поцелуев, сладость смертной страсти...
Камены строгие! - я в вашей грозной власти.

Игорю Северянину

Сонет-акrostих с кодою

И ты стремишься ввысь, где солнце - вечно,
Где неизменен гордый сон снегов,
Откуда в дол спадают бесконечно
Ручьи алмазов, струи жемчугов.

Юдоль земная пройдена. Беспечно
Свершай свой путь меж молний и громов!
Ездок отважный! слушай вихрей рев,
Внимай с улыбкой гневам бури встречной!

Еще грозят зазубрины высот,
Расщелины, где тучи спят, но вот
Яснеет глубь в уступах синих бора.

Назад не обращай тревожно взора
И с жадной жаждой новой высоты
Неутомимо правь конем, - и скоро
У ног своих весь мир увидишь ты!

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЕВ

Поэту Игорю Северянину

Я, гений Игорь Северянин
(настоящая фамилия Лотарев)

Ты – гений, конечно! В поэзии – сила!
Пегаса – летишь – приструня.
А все же чего-то тебе не хватило:
Всего-то двух букв до меня.

Священное «семь» - твое имя отцово,
Плюс «два» роковых у меня.
По «девять» у нас полыхают пунцово,
Когда мы седлаем коня.
(Лотарев – 30 – Лотарев, Северянин – Золотарев)

Когда же сравню я, кто гений из нас,
То, приняв за цифры две буквы вначале,
Скажу я, что Лотарев я – тридцать раз!
Хоть «принцем» поэтов меня не венчали.

Я – Русь, как поэтов, любил и люблю!
Все гениев в каждом ловлю.

Пост скрипtum. Сонеты Леонарда Золотарева смотрите в предыдущей книге «Духов день».

ФЕНОМЕН ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

По достоинству был оценен сонет И.Ф.Анненского Бальмонтом и Брюсовым, которые преодолели его «техническое одиночество» (Брюсов). Опираясь на западную поэзию и, отчасти, на русскую традицию, они изменили отношение к стихотворной форме как к случайному и малосущественному элементу поэтического творчества. По мнению исследователя О.Федотова, Иннокентий Анненский был самым виртуозным сонетистом в поэзии «серебряного века». Действительно, Анненский был поэтом высочайшей культуры, превосходно знал античную и западную версификацию, увлекался экспериментами. Будучи филологом – классиком, автором фундаментальных трудов в области классической филологии, педагогом, профессиональным переводчиком, поэт превосходно ориентировался в культурных контекстах отдаленного прошлого, например, в античности, и в новых достижениях западной поэзии. Он не нуждался в посредничестве современных соотечественников, предпочитая первоисточники. Не отсюда ли его репутация символиста, предвосхитившего открытия символизма средствами его «одинокой» музыки, открытой как «феномен поэта» после его смерти в 1909 году?

Другой не менее важной особенностью поэзии Анненского была естественная интонация, которая простиралась до того, что автор стремился сгладить самовыражение иронией к самому себе. Такого владения техникой стиха требовала сама позиция автора. Два лирических сборника Анненского, один из которых вышел в 1904 году, когда поэту было 48 лет, а другой – в 1910 году, посмертно представили миру явившееся поэтическое мастерство. «Большая часть стихотворений «Кипарисова ларца» уложена в минициклы из «Трилистников» (33) и «Складней» (5). «Трилистники» и «Складни» характеризуют поэтические мышления по принципу «квадратных» и «треугольных» построений: то есть того, что проистекает из микроплощади сонета. Пронзительный голос поэта, высокое мастерство делают его поэзию значительным литературным явлением начала века. Анненский отказывается от резкости поэтической мысли и лапидарности стиха. Его поэзии свойственны ассоциативность, ненавязчивость, свобода мысли и слова одновременно зримого и точного. Анненский очень музыкален, его сонеты – одни из самых музыкальных в русской поэзии. И музыкальность, и изощренную тонкость в выраже-

нии чувств мы находим также в его переводах. Артистичны и изобразительны образы и строки, например, сюжетов «Июль», «Ноябрь».

«Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат демонские игры.
За тучей разом потемнелой
Раскатно – гулкие шары,
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры.
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых».

(«Июль»)

Оригинальны образы и в сонете «Ноябрь». Снег ассоциируется с «налетом белил и серебра», который смягчит пушистыми чертами, с «работой тонкого пера». Удобен неологизм «смягчить». Солнце в тумане сравнивается с «солнцем в неволе». Снега изображены как «безбрежная зыбкость», шум саней – как «медный свист», то есть метафоры базируются на зрительных и слуховых ощущениях. При чем новаторство и музыкальность достигается, как видим, отказом от традиционного пятистопного ямба. Недосказанность Анненского, на мой взгляд, предвосхищает ассоциативное письмо Маларме сюрреалистов, Пруста, Джойса и Фолкнера с их «потокосознания».

Или же в «Первом фортепьянном сонете» мир реальный и мир иррациональный выводится из игры на фортепиано. А сама поэзия сопоставима лишь с музыкой: на каждой странице – галлюцинации, видения, сад там полон «луной и небылицей». А это значит, потусторонний мир полон призраков где-то в заброшенном месте, что свойственно мифологической фантастике. В сонете «Менады» такие призраки, возникая, проходят вереницей. Поэт видит свой идеал, фантастических дев, однако они не приносят ему ни умиротворения, ни «забвенья».

Такая же свобода ассоциаций в сонете «Тоска возврата». «Лазурь» «златит» цветные витражи. «Буря «светлая», музыки не «темная» из-за хаоса, царящего в мире поэзии. Здесь мы видим антитезу. И в последних двух терцинах подводится итог: служба прошла, ночь еще не наступила, а день с его

противоречиями бытия еще не пришел. И очищение должно вот-вот произойти, чтобы грехи не повторились.

В сонете «Светлый нимб» свечи освещены, «зыбким прахом закатных полос». Цветы при этом увядали, мечты были заранее неосуществимы, а влюбленные все надеялись. «Мечты были <...> безумны в море молений и слез». Мечты не сбылись: «синий сон благовонных кадил разошелся». Но поэт не перестал любить, возлюбленная была для него «светлым нимбом».

В сонете «Месяц» поэт чувствует разлад мечты с действительностью, дисгармонию бытия. «Истомились», не слились голубоватый сумрак и «белесая высь», холодный воздух марта описан как «колющий» человека с «зелеными» звездами ночи. Причем ночь и звезда изображены опять-таки как признаки противоположностей, мучительных для поэта. Обращаясь к месяцу, поэт задается риторическим вопросом о диссонансах в мире людей. Усеченная сторона сонета создает недоговоренность, пауза толкуется как наитие в творчестве, как многоточие.

В сонете «Дремотность» живопись слова «сирень» рисуется как «розово-лиловые» гроздья. Они неподвижны, точно в оковах. Образ смел, раскован и нов для своего времени. Состояние изображения свойственно эстетике символизма: «полусон, полусознание». Сонет «Грусть» представляет человека, готового заплакать от несовершенства мира. Грусть, но без воспоминаний чего-то определенного. При этом уместно вспомнить «Песни дождя» Поля Верлена, когда «грусть-тоска» возникает как бы ни с чего (перевод Л.М.Золотарева). Это обращение к потустороннему мгновению, характерному для импрессионистической манеры Анненского, власти прошлого над настоящим. Анамнезис у Иннокентия Анненского – поэтический, в образах, в подтексте, в символах. Но в то же время это погружение лирического героя в мир фантазий, где «сочетание теней» вместо солнечного дня не лишает поэтическое произведение ответственности перед искусством, перед бытием. Поэт готов простить обиды, возлюбить ближнего, о чем и говорят все поэты «серебряного века».

СОБЛАЗНЫ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА

Валерий Брюсов в своей статье о сонетах Бальмонта писал, что они у него неправильные, горделиво высказываясь, что, кроме него и Максимилиана

на Волошина, нет ни у кого из поэтов настоящего сонета. При этом Брюсов выделял мысль о том, что у Бальмонта сонеты, дескать, только по названию сонеты, а не по форме. Дескать, у Бальмонта удачны размеры и рифмы, однако поэт не выдерживает внутренней структуры сонета. Сонет – вещь диалектическая по форме. Он состоит из первой части – тезы, второй – антитезы и последних строф – становления. В двух заключительных строфах должны быть логические цезуры. По мнению Брюсова, определенность сонетной формы противоречит декадентской мистической атмосфере, культивированию утонченности, неопределенности, противостоит всяческим формальным изыскам. Замечания Брюсова, на наш взгляд, не совсем корректны. Несмотря на многие точки соприкосновения с импрессионизмом и импровизационной музыкальностью, что часто приводило к простой игре со словом, художественные поиски были не нужны и самому Брюсову.

Бальмонт больше всех из своих современников написал сонетов, активно работал в нем, раскрывая его художественные возможности. Сонет почти всегда присутствовал в стихотворных сборниках поэта. В 1917 году вышла его книга «Сонеты солнца, меда и луны», в которую вошло 255 сонетов. Брюсов говорил, что Бальмонт полюбил «соблазны своей души», уловив в одном из сонетов «К портрету Бальмонта», что поэт изменчив, как женщина. Не удовлетворяясь одной победой, поэт считает высоту обманом, не знает, какая высота будет для него следующей.

Ранние сборники Бальмонта – предтечи русского символизма. Для него характерен также импрессионизм, ощущения от предмета импровизации. Бальмонт обновлял традиционные приемы, видел в символизме поиски «новых сочетаний мыслей, красок и звуков», часто обращаясь к французским поэтам (Рембо). Однако в пределах поэтики Бальмонт оставался импрессионистом, считая, что поэзия символизма создает в душе сложное настроение, затрагивая слуховые и зрительные впечатления. По мнению поэта, лирика современного поэта отражает внутренний мир человека, открытого соблазнам бытия. Душа, расколота противоречиями, жаждет полюбить мир, несмотря на его дисгармонию. Обновленной видел Бальмонт красоту бытия, выступая в изображении как новатор. Продолжая тему романтической любви, Бальмонт подхватывает переключку Эдгара По «Колокольчики и колокола» и Шарля Бодлера «Колокол», написав сонет «Колокольный звон». У Бальмонта «Звон колоколов» «твердит о счастье необъятном», сожалея о не-

возвратном, о светлых днях прошедших лет. Колокольный звон обещает поэту земной рай, как у Эдгара По.

В сонете «Лунный свет» образы природы ярки и свежи благодаря импрессионистичному принципу: созданию впечатления от увиденного в данный момент. В то же время поэт устремляется в родной ему запредельный, идеальный мир. Так, «луна сверкнет серпом блистательным и нежным». Душа поэта пленяется всем этим далеким, небесным, «безбрежным», в чем видится романтическая традиция. Поэт «бодрствует над миром», «дышит лунной», растворяется в лунных лучах, он сам и «облачко», и ветер. Земля с людскими грехами порой даже чужда поэту, хотя Бальмонт был истинным поэтом природы, возрождающейся каждой весной.

В стихотворении «Зарождающаяся жизнь» есть строки «душистая сирень цветет, и барвинок, и серебристый ландыш, «Краток и отраден день», свидетельствующие о тонком психологизме автора. То же самое в строках сонета «Приветная сень прибрежных ив»: «живой мшистый пен»», «беспетная, неподвижная», а значит, незамутненная вода, жалобный и «нежный плач» кукушки, звучащий мольбой тоскующей и «странной». Образ «странная мольба» птицы напоминает опять-таки о возвышенном, романтизированном мире поэта. И поэт видит мир прекрасным, в необычной красоте с ее контрастами «под покровом тумана». И это новое ощущение красоты, в отличие от красоты Бодлера в сонете «Красота», где красота бытия прославляется в «идеальных очертаниях» (Эллис). Бальмонт находит в образах родной природы свои соответствия, свои ритмы и краски.

Поэт остается верен импрессионистическому восприятию красоты в изображении лета (сонет «Август»). «Ясный август, нежный и спокойный, сознавший мимолетность красоты», «позолотив древесные листья, он чувства заключил в порядок стройный». Для августа поэт находит такие соответствия, как «грустные мечты», «прохлада», «прелесть тихой красоты»; образы беспокойной жизни у него пластичны и зримы. Это «колосья наивные», которые красуются в последний раз перед серпом, поэту приятен вид снопа и стая журавлей, улетающая на юг с прощальным криком.

Сонет «Океан» является не только ответом Брюсову, но и как бы программным стихотворением Бальмонта. Поэт вопрошает Океан о счастье, и тот советует ему забыть о нем, жить без всякой надежды, не находя никогда и нигде обетованной страны. Далее поэт спрашивает Океан, зачем тот волну-

ет его «дерзкими снами»? Океан не дает ответа. Улавливается параллель с Эдгаром По в стихотворении «Эльдорадо», где поэт изображается как рыцарь, ищущий на земле Эльдорадо – обетованную страну, что подводит нас к мысли, что Бальмонт подходил к развертыванию темы, существующей не только в отечественной поэзии. Родная природа для символистов служила продолжению традиций. Мечта у Бальмонта «и обманчива, и странна», как и он сам, и потому она неосуществима как идеал.

Брюсов находил сонет Бальмонта лишеным напряжения. Такой образ, как «бледный свет», считал штампом. Главным достоинством Бальмонта в поэзии, в том числе и в сонете, Брюсов считал то, что поэт умел придавать певучесть, музыкальность своим стихотворениям, что он открывает напевность в поэзии всего «серебряного века», вписав свою светлую страницу в русский сонет, в русскую поэзию, в отечественную литературу.

АНТИТЕЗА ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Именно Брюсову русская поэзия обязана вкусом к выразительной форме стиха. И от Брюсова повелось свойственное русским поэтам обыкновение контролировать свое творчество теоретически – в литературно-критических сочинениях и в стихотворных произведениях о стихах. Концепция символа как вечного, вневременного образа заставляла поэтов вглядываться в прошлое, отыскивая в нем настоящее и будущее. Время, сконцентрировав в себе все три своих ипостаси, обострило в поэтах чувство памяти, обратило их к культурным истокам и разнообразным традициям. Символисты возродили грандиозный пласт античности, вызвав к жизни едва ли не второй Ренессанс. Они обратились к фольклорным и литературным корням отечественной словесности и экзотического иноземного опыта. В таком кругозоре оказался и сонет.

Валерий Брюсов был ревностным энтузиастом, теоретиком и практиком сонета. Поэт считал сонет «образцом» и «идеальной формой» поэтического произведения вообще. Склонный к скрупулезно-методической работе ума, к рациональному расчленению творческого акта или его результата на составляющие, В.Я.Брюсов выделил дюжину признаков идеального с точки зрения реального. Благодаря Брюсову поэтическая практика русского симво-

лизма утвердила канон сонета, поэт максимально приблизился к ней своими сонетами.

Доминирующая антитеза всей лирики В.Я.Брюсова лучше всего воплотилась именно в сонетах. Его сонеты – это диалог между Жизнью и Смертью, между бытием и инобытием. Широкий и многообразный спектр лирических медитаций Брюсова, однако в совокупности доминирующие мотивы составляют единство: вечную борьбу Жизни со Смертью. Брюсов увидел «таинственную» близость между страстью и смертью в пушкинских «Египетских ночах», изобразил и прославил бренное величие земного в перспективе вечности. Разнообразны способы преодоления смерти. Это и творчество, и поэзия, и любовь. Вот брюсовское «Предчувствие». Здесь в сонете любовь служит средством преодоления небытия. «Моя любовь полдень Явы», «И ты вошла в неумолимый сад, чарует все, все выдыхает яд». «День проскользнет. Глаза твои смежатся //То будет смерть». Угадывается пушкинский «Анчар» с его мотивом смерти от смертоносного древа. Только любовь не брэнна, в этом сонете Брюсова она, помогая избежать смерти, носит жизнеутверждающий характер. А вот как Брюсов изображает поэтическое соответствие в стихотворении «Сонет к форме»: «Есть тонкие властительные связи // Меж контуром и запахом цветка». И вот во фразе поэта «живут образы изменчивых фантазий», создавая красоту поэзии и поэтического космоса.

В сонете «Ассаргадон» Брюсов обращается к историческому образу царя Ассаргадона. Ассаргадон изображен как символ мощи, неумолимой железной воли, одновременно он тиран. «Я – вождь земных царей и царь Ассаргадон», «Египту речь моя звучала, как закон, // Элам читал судьбу в моем едином взоре, //Владыки и вожди, вам говорю я: горе!» Философски к синтезу подходит поэт в строке «Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?» Все деянья для Ассагадона – ничто, царь «упоен» своим величием, как верно и поэтично это заметил сам Брюсов.

В «Сонете о поэте» Брюсов развивает идею несовместимости толпы и поэта-творца. Поэт-демиург хранит в себе и жизнь, и смерть. Для всех он – посторонний. Однако поэт знает о своем высоком предназначении. Оно влечет его к мечте, минуя толпу, которая не может понять, что ее нужды чужды поэту и что наградой за отчуждение поэту служит «целый мир видений в его душе», рожденных его пером.

Брюсов обращался к образам Библии, видя в мифологии источник торжества вечного над бренным. В стихотворении на историческую тему «Египетский раб» осознание созданного человеческими руками помогает избежать забвения. «Я жалкий раб царя, и жребий мой безвестен; // Как утренняя тень, исчезну без следа <...> Но не исчезнет след упорного труда».

Значительный вклад Брюсов внес в сонеты, посвященные надписям и портретам минувшего. Этот своеобразный диалог с предшественниками и современниками раскрывает опозитизированный философский склад ума поэта, реализуемый в темах поэта и толпы, в библейских, литературных и исторических темах с изображением противоположностей: Жизни и Смерти.

В прекрасном сонете «Женщине» любовь и красота не тленны, как и в ряде таких сонетов, как «Предчувствие», «Всем душам нежным».

«Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг».

Любовь в сонете о Женщине воспевается Валерием Брюсовым как безумная страсть, что говорит о романтической интерпретации темы, ее избирательности, уникальности для человека как личности. Женщина обоже- ствляет любящего ее, она – «образ божества», обладающий «таинственными» качествами, о которых поэт говорит, что они «жгут огнем», прожигают насквозь. Известно, что красота бывает не только добра. Навейное высокой поэтической атмосферой чувств, это позволяет Брюсову признаться в том, что женщина для него еще и «ведьмовский напиток». Однако, в конечном счете, она все-таки «гений красоты» (Пушкин), образ ее свят для поэта, как и сама любовь, несмотря ни на какое бремя страстей.

В сонете «Всем душам нежным» поэт воспевает земную любовь с ее радостями и печалью, с ее вечной романтической страстью. «Всем душам нежным и сердцам влюбленном» «я шлю привет напевом умиленным», «пою восторг и скорбь минувших лет, яд поцелуев, сладость смертной страсти». Мотив любви обогащается поэтическим звучанием, Брюсов в восторге от собственных прозрений.

Мечта является поэту недоступным идеалом в виде музыки, которая обрекает Брюсова на одиночество в равнодушном мире с его пороками, причиняющими боль поэту. И вот Брюсов взывает к мечте, она одна способна ве-

сти поэта по тернистой дороге творчества. И хотя предчувствия твердят ему, что «злобный ропот» ожидает его повсюду, поэт не смиряется, как и его лирический герой божественной мечты, отвергнутый толпой. Он остается верен своей «осмеянной, родной» мечте, чувствуя в себе поэтический дар, данный ему высшими силами. Он прав, выбор сделан, желание осуществлено, талант позволяет ему преодолеть злые силы. Божественное сознание не дает победить себя черни, ей поэтом поставлен надежный заслон. «Для книг твоих разложены огни». В своем сонете поэт задает риторический вопрос, сам же и отвечает своей мечте («Зачем же ты со мной?») Добро должно уметь защищаться и, прежде всего, умелым проявлением таланта, таковы мысли о творчестве русского поэта Валерия Яковлевича Брюсова.

* * *

После французских символистов И. Анненский, К. Бальмонт и В. Брюсов показали новые образы Красоты, Радости и Любви к Женщине, продолжая и развивая темы Жизни и Смерти, человека и природы, поэта-творца и толпы.

Иннокентий Анненский первым в «серебряном веке» начал обогащать поэзию импрессионизмом, выражая непосредственные ощущения от предмета. Ассоциативность Анненского – в недосказанности, в намеках, в обрывках строк с паузами, в активации мысли при прочтении. Светел поэтический образ, самобытна музыкальность сонетов. И еще выразительная черта его поэзии – это переживания от невозможности постичь этот мир, осуществить, сопричастность с инобытийным. Это характерно для символизма, поэт изображает два отдельных мира – реальный и идеальный.

Константин Бальмонт возродил традиционные размеры стихов, придав строке еще большую напевность. Символ красоты он уловил в мгновении и передал яркими, свежими красками родной природы. Что касается контрастов бытия, то уже Брюсов отметил в Бальмонте стремление изобразить как можно полнее внешний мир, несмотря на его внутренние противоречия. В разработке идей символизма Бальмонт привлекает мысль о бодлеровских «соответствиях», которые таят в себе некую сверхреальность. Звуковые соответствия призваны придать его сонетам еще больше напевности – для лучшего восприятия, для победы света и жизни над тьмой.

У Валерия Брюсова поэтический рационализм проходит сквозь все его творчество. Однако поэт ближе других к современной теории сонета. Называя первые катрены «тезой» и «антезой», как и в наши дни, он дает понятие в двух терцетах «становлению» того, что определяется сейчас «синтезом». Поэт у Валерия Брюсова призван воспламенить, воплотить свою мечту в действие, реализовать свой божественный дар вопреки своеволию толпы, и в этом мы видим у поэта пушкинскую традицию. Толкование любви как всепоглощающей страсти, стоящей над Временем, наблюдается у Брюсова вместе с противопоставлением Жизни и Смерти.

И Любовь, Красота и сама поэзия являют способы преодоления хаоса, бренного бытия. Они поставляют энергию в элементы вечной Красоты и Любви как гармонии во Вселенной. Замечательные поэты «серебряного века» видят в этом смысл своей жизни и передают его миру в своих прекрасных сонетах.

ВСЕ ЛАВРЫ ЛАУРЕ
(Владения сонета)
(Из Звуковой поэзии мира)

Оркестр Поля Мориа. Музыка Чарли Чаплина.

На фоне мелодии ГОЛОС АВТОРА.

Все эти прекрасные звуки витают в атмосфере маленького английского городка Стрэтфорда-на-Эйвоне, куда вернулся из Лондона великий лирик, драматург всех времен и народов Вильям Шекспир после того, как с триумфом закончил свои выступления на подмостках Лондона, в театре «Глобус».

Здесь, в Стрэтфорде, в небольшом двухэтажном доме ремесленника и торговца, родился некогда Вильям Шекспир. А сейчас, сегодня, все поэты земли придут сюда чествовать его – автора 154 сонетов, которые вышли недавно отдельной книгой в Лондоне.

Сонет – та малая поэтическая форма, которую изобрел некогда итальянец Данте, посвятив свою лирику Беатриче, и замечательно продолжил Франческо Петрарка, создав сонеты для своей прекрасной возлюбленной Лауры. Итак, «машина времени» и пространства. Благодаря ей из XIX-го века тут на Празднике Сонета появляется французский поэт Шарль Бодлер, он читает свое программное стихотворение – сонет «Красота» Шекспиру, сидящему перед всеми на помосте – перед людьми, перед массой людской, собравшейся на зеленой поляне.

Шарль Бодлер. **«Красота».**

«Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.

А в ком любовь, тот создан для успеха.

Он – мой Поэт, он – вечность, Млечный путь.

Пою на свою мелодию а'капелла.

Парю в лазури – лебедь молодая.

Белее снега, холоднее льда.

Я – Красота, недвижна и горда я,

Слеза и смех, – я выше их всегда.

Они сожгут себя, мои поэты.
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала из сонеты,

Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оглядись.
Прекрасен мир, покуда длится жизнь».

(Перевод Леонарда Золотарева)

Гитара, Гойя. Мелодия «Эльвира Мадиган».

ГОЛОС АВТОРА. А вот и поэт из России Александр Пушкин, из XIX века, со своим романом в стихах «Евгений Онегин», написанным «онегинской строфой», то есть в сонетной форме. Читай же, Пушкин, свой сонет!

«Онегин – добрый мой приятель
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель.
Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Мусье прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе.
Острижен по последней моде.
Как денди лондонский одет,
И, наконец, увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог объясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно.
Чего вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил».

ШЕКСПИР (*словами самого Пушкина*). Ай да Пушкин! Ай да молодец!
Продолжение той же мелодии Гойи.

РАСПОРЯДИТЕЛИ ПРАЗДНИКА СОНЕТА (*объявляя*).

Начинается состязание поэтов.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И кто там остался на помосте, кроме членов жюри? «Все просто сбежали от страха перед Шекспиром и самим Петраркой» - так решили слушатели, читатели на всей этой зеленой поляне. Остался только один поэт из Полонии – Польши.

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Ему слово.

Сонет «К Лауре».

«Едва явилась ты, я был тобой пленен.
Знакомы взоры скал, я в незнакомом взоре.
Ты вспыхнула в ответ. Так, радуясь Авроре,
Вдруг разгорается раскрывшийся бутон.

Едва запела ты, я был заморожен.
И ширилась душа, забыв земное горе.
Как будто ангел пел, и в голубом просторе
Спасенье возвещал нам маятник времен.

Не бойся, милая, открой мне сердце смело,
Коль сердцу моему ответило оно.
Пусть люди против нас; пусть небо так велело.
И тайно, без надежд любить мне суждено.

Пускай другому жизнь отдаст себя всецело,
Душа твоя с моей обручена давно».
Поется на мою мелодию мной а'капелла.

Сонет «Как ты бесхитростна

Ни в речи, ни во взоре.
Влечешь ты красотой,
Но каждому виной
Твой голос, облик твой,
Царицей ты глядишь в пастушеском уборе.

Вчера текли часы в веселье, в песнях, в споре.
Твоих ровесниц был прелестен резвый рой.
Один их восхвалял и порицал другой,
Но ты вошла, и все замолкли в споре.

Не так ли на балу, когда оркестр гремел
И буйно все несло и мчалось в шумном зале,
Внезапно танца вихрь застыл и онемел.

И стихла музыка, и гости замолчали,
И лишь поэт сказал: «То ангел пролетел».
Его почтили все, не все его узнали».

Романтическая гитара. Мелодия.

ШЕКСПИР. Узнали, узнали.

ЛЮДИ НА ПОЛЯНЕ. Узнали, узнали! Это Лаура, Лаура!.. Вот она, в белом платье!..

ШЕКСПИР (*преклонив перед ней колени*). Это тебе, мой ангел. Это во имя тебя.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Итак, Шекспир. Сонет №76.

Поется на мою мелодию мной а'капелла.

«Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?»

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова.
И, кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу.
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной».

(Переводы С.Я.Маршака)

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Сонет № 128. «Едва лишь ты, о музыка
Моя».

На мою мелодию пою а'капелла.

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Неожиданно появляется Петрарка. Садится рядом с Шекспиром. Артист театра «Глобус» читает сонет Петрарки, посвященный Лауре, которая тут где-то близко, в тени деревьев.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА. «На жизнь мадонны Лауры». Сонет №86.

«Всегда любил, теперь люблю душою.
И с каждым днем готов сильней любить
То место, где мне сладко слезы лить,
Когда любовь томит меня тоскою.

Сейчас люблю, когда могу забыть
Весь мир с его ничтожной суетою.
Но больше ту, что блещет красотой,
И рядом с ней я жажду лучше быть.

Но кто бы ждал, что нежными врагами
Окружено все сердце, как друзьями,
Таких сейчас к груди бы я прижал.
Я побежден, Любовь, твоею силой.

И, если бы я не знал надежды милой,
Где жить хочу, там мертвым бы упал».
Гитара, Гойя. «Французская песня».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Вильям Шекспир. **Сонет №149. «Ты, говоришь, что нет любви во мне».**

Сонет №61. «Твоя ль беда, что милый образ твой».

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Сонет «К Неману».

Пою на мою мелодию а'капелла.

«Где струи прежние, о Неман мой родной!
Как в детстве я любил их зачерпнуть горстями.
Как в юности любил, волнуемый мечтами,
Ища покоя плыть над зыбкой глубиной.

Лаура гордая своею красотой
Гляделась в их лазурь, увенчана цветами.

И отражение возлюбленной слезами
Так часто лил, безумец молодой.

О Неман! Где они, твои бывшие воды,
Где беспокойные, но сладостные годы,
Когда надежды все в груди моей увяли,
Где пылкой юности восторги и обеты?

Где вы, друзья мои, и ты, Лаура, где ты?
Все, все прошло, как сон, лишь слезы не прошли».
АДАМ МИЦКЕВИЧ. Сонет «**Несчастен, кто любя**».
Пою на мою мелодию а'капелла.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА. «**На жизнь мадонны Лауры**», читаю этот сонет.

«Призыв амура верно вами понят.
И, слушая любви волшебный глас,
Я так пылаю страстью каждый раз,
Что пламень мой любую душу тронет.

Я чувствую, в блаженстве сердце тонет.
Я снова оторвать не в силах глаз от госпожи,
Что так добра сейчас, и страшно мне,
Что грезы вздох прогонит.

Сбывается, сбылась моя мечта.
Смотрю, движенье кудри разметало.
Любимая навстречу мне спешит.

Но что со мной? Восторг сковал уста.
Я столько ждал, и вот стою устало,
Своим молчаньем перед ней убит».
Гитара, Гойя. «Ностальгия».

* * *

СТОРОНА Б. *Оркестр Поля Мориа. Мелодия.*

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. А состязание поэтов в английском городке Стрэтфорт-на-Эйвоне, на зеленой лужайке, перед народом, жаждущем зрелищ, продолжается.

Материализуясь в Женщину в белом, Лаура садится на помосте между Петраркой и Шекспиром.

Шекспир встает и галантно обращает Лауре свои сонеты.

Вильям Шекспир. **Сонет №14.**

«Я не по звездам о судьбе гадаю.

И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
Цене, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой иль летом календарь.
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливый будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

Но, если нет, под гробовой плитою,
Исчезнет правда вместе с красотой».

ШЕКСПИР. **Сонет № 135.**

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. Сокращенное имя поэта от Вильям Виль означает волю, желание.

«Недаром имя, данное мне, значит
«Желание». Желанием гоним,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для меня найти приют?
И если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники – дожди,
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым «нет» не причиняй мне боли,
Желанья все в твоей сольются воле».

Гитара, Гойя. «Мария – Элен».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. На фоне мелодии. Под деревьями, на заднем плане зеленой поляны, стоят четыре джентельмена, в том числе и философ Фрэнсис Бэкон. «Простой актер!.. Да разве может он написать такие гениальные вещи?»..

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ. Сонет «**Все мысли о тебе**». Сонет «**Добрый вечер**». Адама Мицкевича.

Пою на мои мелодии а'капелла.

«О Добрый вечер! Ты обворажаешь нас.
Ни пред разлукой миг прощания ночного,
Ни в час, когда горит, торопит к милой снова,
Не умиляюсь я, кто ждет прекрасный час.

Когда на небесах последний луч погас
И ты, кто целый день таить свой жар готова,
Лишь ты, лишь ты, мой друг, не проронив ни слова,
То вздохом говоришь, то блеском нежных глаз.

День добрый, восходи, даруй нам свет небесный,
И жизни труд, и труд совместный,
Ночь добрая укрыть любовника спешит.

Не в чаше ли бальзам забвения чудесный?
О Добрый вечер! Вдруг взволнованной души
Красноречивый взор влюбленных притуши».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И Адам Мицкевич кладет свой свиток к ногам
Лауры. Петрарка читает сонет своей возлюбленной.

ПЕТРАРКА. «На жизнь Мадонны Лауры». Сонет №219.

«Щебечут птицы, плачет соловей,
Но ближний дол закрыт еще туманом.
А по горе, стремясь к лесным полянам,
Кристаллом жидким прыгает ручей.

И та, кто всех румяней и белей,
Кто в золоте волос, как в нимбе рьяном,
Кто любит старца и чужда обмана,
Расчесывает снег его кудрей.

Я, пробудясь, встречаю бодрым взглядом
Два солнца: то, что я узнал сигналом,
И то, что полюбил, хоть не любил.

Я наблюдал их, восходящих рядом.
И первое лишь звезды затмевало,
Чтоб самому затмить окрест вторых».

ГОЛОСА НА ЛУЖАЙКЕ. Прекрасно! Аплодисменты! Овации!

ГОЛОС СО СТОРОНЫ. И тут на помосте, и там по всей зеленой лужайке. Лишь сдержаны были в тени деревьев все те же четверо в отдалении.
Ох, уж эти джентльмены!

Испанская гитара, Армик.

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР. Сонет №152.

«Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновен.
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекать тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки прекрасных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся, ты правдива и чиста, -
И черной ложью осквернил уста».
ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР. Сонет №102.
Пою на свою мелодию а'капелла.

«Люблю, - но реже говорю об этом.
Люблю нежней, - но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, кто перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излинянья.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк, подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою».
Оркестр Поля Мориа. «Токката».

ГОЛОС СО СТОРОНЫ *(на фоне мелодии)*. И человек возникает –
один из всех недовольный чем-то. Но люди тут же оттаскивают его за преде-

лы зеленой лужайки. А Шекспир как припал на колени перед Лаурой, так и стоит.

Вечереет. Солнце сходит за горизонт. Адам Мицкевич смотрит то на розовеющее платье Лауры, то на бледное лицо Шекспира.

И тут под ритмы Романтической гитары возникает фигура еще одного поэта – уже из XX-го, даже XXI-го века. Это наш современник Леонард Золотарев - автор идеи этого Праздника Сонета. Он принес свой венок, чтобы им увенчать лучших поэтов из прошлого. Все победители, все! В сонете не может быть побежденных.

Вот его венок сонетов, он называется «Каменная рапсодия». А из венка – месяц июнь (*Близнецы - Раки*) посвящен камню Смарагду. Вот он, этот сонет из венка – «Смарагд – Изумруд».

«Столешница, как бит в цыганской шали.

Темно-зеленый пламень-изумруд.

За что алмаза более дают

(То убеждали, то разубеждали).

Он – камень мой, на самой магистрали.

Оправлен в золото – славный талисман.

Он мне от Бога, от пророков дан

(В чем убеждали, в том разубеждали).

И блеск в глазах. И слово мое тоньше.

Напевнее, удачнее строка.

Мой амулет, наш век еще не кончен,

Еще поем мы, в голосе пока!

И тут хандру вдруг как сняло рукой.

Еще бы! В цветомузыке такой».

Устроители Празднества у малого английского городка Стрэтфорд-на-Эйвоне (*объявляя на всю зеленую поляну*). Завтра Праздник Сонета продолжится! Сонет будет жить, пока жива Поэзия, а Поэзия – пока живы люди!

Занавес.

(Аудиокассета прилагается).

МАСТЕР ЛЕОНАРДО

Так называется статья В.Садовского о моем отце – писателе Леонарде Михайловиче Золотареве, опубликованная в сентябре 2006 года в газете «Орловская правда». В ней ярко, образно рассказывается о жизненном, творческом кредо художника, отмечается его особое, родовое качество – мастерство, доставшееся, очевидно, как по наследству, так и естественно приобретенное. Отец отца, мой дедушка, был строителем – возводил Дом Советов в Брянске, завод имени Коминтерна в Воронеже, из ворот которого выходили (буква «К» - «катюша») гвардейские минометы, а затем шагающие экскаваторы. Эти «катюши» хотя бы на полгода сократили войну, а значит, и не дали упасть на Москву тому, что упало затем на Хиросиму и Ногасаки. А ведь после 37-го отец отца, мой дедушка, пропал где-то на Соловках за такие «заслуги» со всеми для семьи вытекающими отсюда последствиями. Так что страницы третьего романа «Кремль. Соловки» вполне автобиографичны. Вот мать отца, моя бабушка, оказавшаяся, действительно, чуть ли не «декабристкой», и привезла моего двухлетнего отца из Воронежа, откуда они были изгнаны в 24 часа, сюда на Орловщину, в городок Малоархангельск, оказавшийся затем в самом пекле Орловско-Курской дуги. А после освобождения моя бабушка Мария Герасимовна была в городке лучшей портнихой, шила фуфайки и белье на войну фронтовикам. Представьте себе, в молодые годы она пела когда-то в первом, деревенском хоре Пятницкого. А дедушка отца, Герасим Макарович, был на все руки мастером – плотником, столяром; делал скрипку внуку всю свою жизнь.

И вот в свет вышли все четыре романа этой объемной эпопеи в стихах «Арсений Чигринев» о нашем современнике. Это свыше тысячи страниц, эквивалентно прозаическим – трем, четырем тысячам. Вспомним, в свое время Пушкин заметил, что роман в прозе и роман в стихах – «дьявольская разница». В романах этих есть и сонеты.

ОТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА ДО НАС

ДИАЛЕКТИКА СОНЕТА

В сонете всего четырнадцать строк. Он лапидарен, четок, не нуждается в формалистических излишествах. Внешне-оптимальная доля лиризма легко воспринимается и запоминается на примере мастеров прошлого и настоящего, укладывается в эти строгие четырнадцать строк. Внутри – сонет идеален, туго спрессованный кристалл стиха. Два катрена и два терцета образуют диалектически уравновешенное целое. Словесные массы взаимодействуют как шесть строк двух трехстиший к восьми строкам двух катренов. Сонет – это сочетание органически цельной и развитой способности к внутреннему членению на равные, но неравновеликие элементы, реагирующие на развитие лирической темы. Первое свойство способствует обособлению каждого отдельного сонета, второе – собирает их в ассоциации, тематические циклы, иногда даже в поэмы и книги. Структурно сонет хранит себя, зато функционально он новатор. И в этом его диалектика. Сонету чужд мистицизм, схоластика и формализм. Сонет содържателен. Его части образуют из противоположных сторон динамизм. Причем два четверостишия, противостоят друг другу, а две терцины подводят итог, разрешают эту борьбу противоположностей.

Когда Вильям Шекспир закончил свою работу как автор и актер в театре «Глобус», он покинул Лондон и возвратился в свой родной провинциальный городок Стрэтфорт-на-Эйвоне, получив от королевы младший дворянский титул. Однако гораздо большей радостью для него был выход в Лондоне книги его лирики, состоящей из ста пятидесяти четырех сонетов. Все сюжеты тематически связаны между собой. Так второй сонет по смыслу вытекает из первого, третий – из второго и т.д. Однако особо хочется отметить, что шекспировские сонеты расположены именно парами, мысль одного сонета развивается в следующем, создавая свою внутреннюю диалектику, придавая всему дополнительный смысл, варьируя и обогащая само содержание сонета.

Роман в стихах «Евгений Онегин» А.С.Пушкина написан знаменитой «онегинской строфой». Это тоже сонетная форма. В каждой «онегинской строфе» - четырнадцать строк, это четырнадцатистишие. С.Есенин, работая

над словом, почувствовал стертость его, потускнение в чеканке. Выход был найден в создании нового направления в поэзии – имажинизма, который, акцентируя внимание на развернутом образе, заставляет слово сверкать новыми гранями, раскрывая в слове новые, дополнительные смыслы. Так же и в прозе, особенно в «потоке сознания» у Джеймса Джойса от большей ассоциативности, например, у сюрреалистов возникают большие возможности для творчества в области литературы.

«ШЕКСПИРИАНА»

Леонард Золотарев в книге «Страна Аэдия» опубликовал свою «Шекспириану», обозначенную мартом – маем 2004 года. Вот из «Шекспирианы» первый сонет.

«Поэзия – это такие крыла,
Едва уловима, легка.
Течет и течет, сквозь меня протекла
Вся музыка, все облака.

Поэзия – это такая река,
Неостановима, пока
Текут и текут за веками века
Сквозь музыку, сквозь облака.

Поэзия где-то не тут, а жива,
Едва выразима, из грез.
Поэзия – это такие слова

У самого пламени звезд.
Поэзия – это их музыка, миг
В моих облаках и твоих».

«Шекспириана» Леонарда Михайловича Золотарева состоит из ста семидесяти пяти сонетов. Все они разбиты на циклы, посвященные четырем природным стихиям: Стихия Земли, Стихия Неба, Стихия Воды, Стихия Огня. Каждая из этих природных стихий была первоосновой у милетских древнегреческих философов. Сонеты о стихии Земли посвящены земной Кра-

соте, - природной и той, которую создают рукотворно на земле. Люди, манипулируя земными щедротами, заливают порой планету пожарами, кровью. Оттого возникает хаос, плоды труда становятся «безобразными». Главный же цвет Земли – зеленый, цвет созидания, жизни. Академик Вавилов вскормил хлебом страну свою, народы земные, сам же погиб от голода неподалеку от своего дома в Саратове.

Стихия Неба провозглашается автором как территория высших сил, которые не дают грозным силам погубить человека. И тут на память приходит сонет Брюсова, который сравнивает Женщину с Божеством, а ранее – видится Пушкин с его «гением чистой красоты», с ее «небесными чертами». Высшие силы придают стихиям божественность чувств, в любви – ожидание тайны.

Земное, плоть, просветленная небесными силами, не греховна. Стихия Земли и Стихия Неба образует Вселенную. Но без воды нет жизни. Моря, реки образуют Стихию Воды космоса, планеты, благодаря чему зарождается жизнь. Прометей дал людям Огонь, принес людям Стихию Огня, создал цивилизацию, великое племя Поэтов. Но самый большой огонь – это Солнце. Солнце создает Вселенную. Все четыре стихии: Земли, Неба, Воды и Огня – все от Солнца формируя красоту как гармонию с Солнцем, поэт показывает Человека в своих сонетах, посвященных всем этим четырем стихиям. Человек не свободен от иррациональных сил, его высокое предназначенье – творить красоту, любить живое. А любовь, как сказал классик (Стендаль) – это обещание счастья. Добро, любовь, красота неразрывны между собой. Они образуют канонический крест, поэтический космос, который входит однозначно в ноосферу (Вернадский). Именно ноосфера – это результат гармоничных отношений между людьми, человека с природой, с этими четырьмя стихиями, которые поддерживают Жизнь. По словам Ш. Бодлера, «В два зеркала / возьми и оглянись/ Прекрасен мир, / покуда длится жизнь» (Перевод Л.М.Золотарева).

ПУШКИН И ЕСЕНИН В СОНЕТЕ

Так же Леонардом Золотаревым написаны циклы сонетов «Пушкиниана» и «Есениана». Леонард Михайлович воссоздает красоту родной природы, гармонию бытия, человека в мире. Живописны краски и образы природы

в сонете «На пруду уж стекло». Новые ассоциации рождаются, когда читаешь такие строки, как «стекло (воды) стекло (с плотины)», «кромка (льда) от берега», «сердце молодо, звонко», «зазеркалье» (мира в колодце). И это очарование осенью в средней полосе навеивает воспоминание о Пушкинской осени в Болдино.

И вот сонет Леонарда Золотарева «Осень. Болдино» органично продолжающий тему Болдинской осени Пушкина. Неординарен художественный образ луны, которая светит и даже днем, как во сне. В лесу Мурашихе поэт наблюдает за месяцем, на который в погоду можно повесить ведро. Слово сочетание «славно бродится слову» напоминает пушкинское «очей очарованье». Пушкин нужен людям, поэтам, Пушкин – это точка опоры, это гармония. Это все для нас, русских все то, что нам необходимо всегда. Вот что хочет сказать поэт – наш современник своей «Пушкинианой». В сонетах выражена божественная вера поэта во всемогущество Пушкина. («Пройдусь к пьедесталу», «Все короче знатные денечки, все заметнее ночь», «Знаю, Пушкину только шепни, увеличит короткие дни»).

* * *

Пушкин не утратил своего предназначения «под золотым венцом, под сенью». Пушкин памятен поэту-современнику. Лирический герой Леонарда Золотарева помнит всегда божественное слово Пушкина, с Пушкиным невозможно пасть. «И с Пушкиным мы победим, я знаю!» («Нет, не утратил назначенье»).

Возрождение природы ассоциируется у автора с бодрствующим пушкинским гением. Вот как в «Пушкиниане» описывается пробуждение природы: «Весна прилетела, сова пролетела, //В душе поселилась, живет». Развернута метафора «гремят песнопенья весны». Оригинальна и широка панорама природы, где, как две точки и тире – лес и лось. А все навеяно гармоничным пушкинским гением.

В другом, не менее ассоциативном и ярком цикле «Есениана» автор признает, что душа Сергея Есенина как бы переселилась в него с ее «бездонностью», «соразмерностью», «русскостью». В сонете, идя от есенинских магических слов «Несказанное. Синее. Нежное», автор раскрывает свой диалог продолжением темы Любви, Руси, Родины, мысленно обращаясь к Есенину. «Спит мой край у раки и берез», «И такое глухое, мятежное, русское,

//Полыхнет, как вчера родилось». Поэт - современник говорит, что он никогда не устанет любить ни свой край, ни Оки, подарившей туда – ближе к устью Есенина. Если Есенин поет «про золотую рощу», то автор, как бы подпевая, кладет музыку его стиха на музу шумящих берез.

В сонете «Он жалость в сердце пробуждал» автор сам загорается мыслью и доносит до каждого свою мысль о том, что Есенин страдал за всех и каждого. Однако никто не предвидел такого конца, не замечал этой пронзительной мессии русского поэта. А если бы он пел про войну, любую из развернувшихся в двадцатом веке, разве бы смог поэт так взволновать сердце всякого русского? Воспевая любовь, Есенин был гуманистом, ценил жизнь, самого человека, признавая его на Руси самой великой ценностью. Недаром поэт – современник считает Сергея Есенина крестным отцом, разделяя все его упования, поэтом, позвавшим его самого в поэзию, в литературу.

ДУХОВНЫЙ СОНЕТ

Большой цикл стихов «Духов день» Леонарда Золотарева демонстрирует свободу автора, вырвавшегося в лирике из сковывающей его четырнадцатистишия – строгой формы сюжета. По теме, по духу стихи эти близки сонету, но в то же время они написаны четырьмя или шестью четверостишиями. В стихотворении «Матери. Письмо домой» простая есенинская интонация постепенно захватывает душу, переводя ее в искреннее, трогательное состояние, чего нельзя было осуществить коротким по форме сонетом. Интересна деталь с разбитым стаканом, как это случилось например, с переводом Апухтина известного стихотворения французского поэта Сюлли - Прюдома о разбитой вазе и сердцем поэта. Леонард Михайлович вполне возможно, использует вазу как параллель со своим стаканом, как с сердцем, наболевшем из-за утраты самого любимого на земле человека.

Действительно, лирика Леонарда Золотарева, его лирический герой близки к классическим традициям сонета. Разнообразна тема под единой эгидой, это Любовь к Женщине и к своей малой и великой Родине, к русскому слову. «От тебя иду я удивленный» - лирический герой поражен красотой женщины, которая и похожа, и не похожа на Лауру Франческо Петрарки. Она соответствует его идеалу. Но идеал недостижим. Женщина как тень:

уходит от любимого, когда он устремляется к ней. Она стремится к нему, когда он уходит к кому-то.

В стихотворении «Лаура» бог дарит благо, видя, как сердца влюбленных бьются в унисон. Радость бывает обоюдной от диалога любящих друг друга людей. Хотя лирический герой и колеблется, сомневаясь в осуществимости своей мечты, однако в предчувствиях терний на этом пути не приходится сомневаться. Лирический герой Леонарда Золотарева мечтает завоевать любовь женщины, а она готова дать отпор и в то же время сама жаждет любви. Такова романтическая коллизия лирического героя поэта нашего времени. Божественное чувство не должно быть осквернено безумной страстью, доводящей до абсурда, сея в душе человеческой хаос. Поэт не должен отступать от своих идеалов. Таков пафос цикла стихов «К тебе ступая по земле», всей книги «Духов день» замечательного современного поэта – лирика Леонарда Золотарева.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонард Золотарев. Духов день (лирика)	
Вместо предисловия. Памяти Беллы Ахмадулиной.	3
Былое (лира и труба)	5
Былое – два (труба и лира)	94
Духов день.	148
Алкания любви.	197
Благодарю за музыку.	219
Романсы и песни.	224
Шестнадцать арий Заратустры.	232
Вместо послесловия. Гимн Солнцу. От автора.	244
Игорь Золотарев. Русский сонет. От серебряного века до нас	
К истории жанра. От Данте, Петрарки до серебряного века.	249
Иннокентий Анненский (сонеты)	253
Константин Бальмонт (сонеты)	259
Валерий Брюсов (сонеты)	265
<u>Статьи.</u>	
Феномен Иннокентия Анненского.	273
Соблазны Константина Бальмонта.	275
Антитеза Валерия Брюсова.	278
Леонард Золотарев. Пролог. К Лауре (Из Звуковой поэзии мира).	283
Мастер Леонардо.	294
От Серебряного века до нас (статьи).	295
Диалектика сонета.	295
«Шекспириана».	296
Пушкин и Есенин в сонете.	297
Духовный сонет.	299

Леонард Михайлович Золотарев
ДУХОВ ДЕНЬ
(лирика)

Игорь Леонардович Золотарев
РУССКИЙ СОНЕТ
от серебряного века до нас

Издатель: Александр Воробьев

Лицензия ИД №00283 ль 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано к печати 2011. Формат
Бумага офсетная. Усл. печ. Тираж 100 экз. Заказ №
Отпечатано на полиграфической базе
издателя Александра Воробьева: г. Орел, пер. Новосильский, 1
Тел. (4862) 76-17-15, 54-15,48, 55-47,01